

Живая история

Российское историческое общество
Федеральное архивное агентство
Государственный архив Российской Федерации

А. Солнцев-Засекин

—♦—
**Побег генерала
Корнилова
из австрийского плена**
—♦—

Составлено по личным воспоминаниям,
рассказам и запискам других участников побега
и самого генерала Корнилова
—♦—

УДК 355.11А/Я
ББК 63.3(2)6–8
С601

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012–2018 годы)

Издано при поддержке Фонда «Связь Эпох»

Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 653. Л. 1–32;
Д. 654. Л. 1–94; Д. 655. Л. 1–103; Д. 656. Л. 1–75.

Солнцев-Засекин А.

С601 Побег генерала Корнилова из австрийского плена: Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова / Вступ. ст. и коммент. Н. П. Грюнберга. — М.: Кучково поле; Императорское Русское историческое общество, 2014. — 256 с. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0367-0

Воспоминания князя А. Солнцева-Засекина представляют собой уникальное свидетельство очевидца и одного из организаторов побега выдающегося русского военачальника генерала Л. Г. Корнилова из австрийского плена. Мемуары проливают свет на многие ранее неизвестные обстоятельства побега. Помимо рассказа непосредственно о подготовке и совершении Корниловым побега, автор приводит множество подробностей жизни русских военнопленных в австрийском плену во время Первой мировой войны.

УДК 355.11А/Я
ББК 63.3(2)6–8

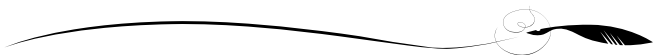
ISBN 978-5-9950-0367-0

© Государственный архив РФ, 2014
© ООО «Кучково поле», 2014
© Грюнберг Н. П., вступ. ст. и коммент., 2014

Забытые герои забытой войны

Человеческой памяти свойственно забывать то, о чем не напоминают, и хорошо помнить то, что упоминают постоянно. Чем меньше мы говорим о чем-либо, тем хуже это помним. Мы хуже помним и то, что оказалось в тени чего-либо более значимого, и более впечатляющее, поражающее воображение, или более успешное, что вытесняет из памяти менее яркое. Историческая память народа живет по сходным принципам — чем чаще упоминается какое-либо событие, тем живее о нем память. Если же сознательно не упоминать про него, то вскоре это событие забудется, даже несмотря на яркие и неординарные эпизоды, его наполняющие. Примером такой забытой страницы нашей истории может служить Первая мировая война, которую современники чаще называли Великой.

О Великой войне в Советском Союзе говорить было не принято по соображениям идеологическим, а если что-либо и говорилось, то в негативном ключе. Многие герои той войны были забыты по тем же соображениям, создав впечатление, будто о Великой войне и вспоминать нечего. Однако на самом деле это далеко не так, ибо, несмотря на все ужасы Первой мировой, те далекие события были наполнены примерами подлинного героизма, забывать о которых мы, наследники людей, их совершивших, права не имеем, и сейчас у нас появился уникальный шанс восполнить пробел в наших

знаниях о Великой войне через публикацию ранее неизвестных источников того времени.

Хотя в Советском Союзе о Великой войне старались лишний раз не вспоминать, все равно оставались люди, для которых память о ее героях стала одной из основ, столпов их мировоззрения. Это была русская эмиграция, в тоске по утраченной родине бережно сохранявшая любые крупницы, с ней связывавшие. Именно из эмигрантской среды вышли первые исследователи участия Русской Императорской армии в кровавых сражениях беспрецедентной по своим масштабам мировой бойни, и именно в ней сохранялись многие бесценные свидетельства событий, напроочь забытых в России. Воспоминания князя А. Солнцева-Засекина относятся именно к таким незаслуженно невостребованным материалам.

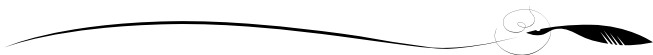
О самом авторе известно бесконечно мало. Мы знаем, что в 1915 году Солнцев-Засекин носил звание капитана Генерального штаба, хотя в документах Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) его фамилия не фигурирует. По его собственным словам, служил он в соединениях 7-й армии, вероятно в 5-м Кавказском или в 22-м армейском корпусе, и принимал участие в кровопролитной и бесполезной операции 7-й армии по прорыву австро-венгерского фронта на реке Стрыпа в декабре 1915 года. В это время линия соприкосновения русских и австро-венгерских войск проходила по этой сравнительно небольшой реке, обе противоборствующие армии вели позиционные бои и закапывались в землю. Знакомые с боевыми качествами русских войск, австрийцы, не надеясь на стойкость своих солдат, постарались максимально укрепиться на занятых позициях, прикрыв траншеи 25 рядами колючей проволоки. Русское наступление мало того, что начиналось в разгар декабрьских морозов, так еще и столкнулось с необходимостью преодоления не только заграждений из колючей проволоки, но и топких берегов Стрыпы. Командующий войсками 7-й армии генерал от ин-

фантерии Д. Г. Щербачев не смог организовать взаимодействие своих корпусов и дивизий, и в результате наступление превратилось в серию несогласованных ударов разрозненных бригад и дивизий на почти семидесятикилометровом фронте. Финляндские и туркестанские стрелки шли в атаку в метель, по тонкому льду Стрыпы, проваливаясь в не успевшие промерзнуть болота вдоль ее русла, гибли под огнем пулеметов на австрийских заграждениях и, не выдерживая бесконечной бойни, откатывались назад, оставляя после себя висящих на проволоке убитых и раненых. Австрийцам не составляло труда отбивать слабые поочередные удары, сходные с ударом растопыренными пальцами вместо удара кулаком. Операция продолжалась 10 дней и стоила 7-й армии более 24 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Среди последних оказался и князь Солнцев-Засекин, подобранный австрийскими солдатами на берегу Стрыпы. В австрийском плену ему довелось стать пускай и не самым важным, но все же участником подготовки побега генерала Корнилова, и именно об этом событии повествуют его мемуары, дополняя и расширяя рассказы других участников подготовки и осуществления побега, таких как австрийский солдат, чех по национальности, Франтишек Мрняк.

Почему именно Корнилов, а не какой-либо другой пленный русский генерал, пользовался такой популярностью как среди русских пленных, так и среди солдат противника, что ему были готовы помогать и свои, и чужие, и почему именно чешский солдат решил помочь обрести генералу свободу?

Лавр Георгиевич Корнилов был поистине неординарной личностью, известной не только выдающимися подвигами, но и своей уникальной карьерой, сделанной без какой-либо протекции, связей в гвардии или Генеральном штабе или благодаря аристократическому происхождению. Лавр Георгиевич родился не в столице и не в крупном губернском городе, он появился на свет 18 (30) августа 1870 года в далеком захо-

лустье великой империи, в городе Усть-Каменогорске Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. Мнения насчет того, кем были его отец и мать, сильно разнятся, однако он сам утверждал, что был сыном урядника Сибирского казачьего войска Георгия Николаевича Корнилова, служившего переводчиком в 7-м Сибирском казачьем полку, расквартированном в Кокчетавской станице. Его мать — Прасковья Ильинична — происходила из известной сибирской казачьей семьи Хлыновских, в которых текло немало калмыцкой крови. Очевидно, по этой линии Лавр Георгиевич унаследовал монголоидные черты и склонность к восточным языкам.

Лавр был четвертым ребенком в семье. Отец, несмотря на получение офицерского чина, оставил военную службу, перейдя в гражданское ведомство, но постарался дать всем своим сыновьям военное образование. Кроме старшего сына, Антона, не способного к военной службе по состоянию здоровья, все братья учились в Омске, в Сибирском кадетском корпусе. Лавр поступил в него в 1883 году. Сначала он был принят в корпус как «приходящий» кадет, поскольку не выдержал экзамены так, чтобы быть зачисленным на казенное содержание. Это означало, что Лавр не мог жить в стенах корпуса, что серьезно отражалось на бюджете семьи. Однако после первого же года обучения высокими оценками успеваемости Корнилов заслужил право обучаться за счет казны и окончил корпус одним из лучших, что дало ему право выбора училища, в котором должно проходить его дальнейшее военное образование. Лавр Георгиевич выбрал Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, так как любил математику, и поступил в него 29 августа 1889 года.

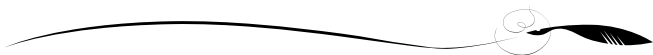
В Михайловское артиллерийское училище стекались самые лучшие кадеты со всех уголков империи, что само по себе придавало ему привилегированный статус. Обучение в нем длилось три года, каждое лето личный состав училища отправлялся в Красное село на лагерные сборы и маневры

Гвардейского корпуса, засчитывавшиеся как практические занятия. Училище славилось своими балами 25 ноября, в честь училищного праздника, значительно превосходя по их уровню такие престижные военно-учебные заведения, как Николаевское кавалерийское и Николаевское инженерное училища. Но, мало того, сами по себе артиллеристы в силу высокого уровня образования считались «армейской аристократией» и представляли своего рода элиту вооруженных сил страны.

Жизнь в столице империи была не из дешевых, и Лавру Георгиевичу приходилось самостоятельно зарабатывать на жизнь, чтобы не быть обузой семье. Юнкер Корнилов давал уроки математики и писал статьи по зоогеографии, умудряясь даже помогать деньгами престарелым родителям. Учился он отлично, несмотря на трудности, и быстро снискал всеобщее уважение. Уже в марте 1890 года Корнилов стал училищным унтер-офицером, а в следующем году — портупей-юнкером. 4 августа 1892 года после окончания дополнительного курса Корнилов был выпущен из училища по 1-му разряду, среди лучших в своем курсе. Это давало выпускнику право выбора любого подразделения для дальнейшей службы, вплоть до гвардии, что давало блестящие перспективы, однако Лавр Георгиевич принял неожиданное решение. По собственному желанию он был выпущен подпоручиком в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады, в самую глушь, куда, как правило, попадали не самые лучшие офицеры. Однако у Корнилова был свой расчет — Туркестан становился передовым стратегическим направлением, поскольку именно здесь намечался конфликт с Великобританией, крайне болезненно реагировавшей на продвижение русских за реку Пяндж в Афганистан.

После двух лет службы в Туркестане Лавр Георгиевич решает пойти дальше. Для строевого армейского офицера практически не было шансов сделать хорошую карьеру, все, на что можно было надеяться — получить после долгих лет

тяжелой службы чин подполковника. Чтобы пойти по карьерной лестнице дальше, необходимо было окончить Николаевскую академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге, дававшую своим выпускникам набор специфических знаний, необходимых для штабной службы и управления большими соединениями. Отбор в Академию был строжайший, и лишь очень хорошо подготовленные кандидаты могли успешно сдать вступительные экзамены. Корнилов подал рапорт на поступление в Академию в 1894 году, а в 1895-м блестяще сдал экзамены с средним баллом 10,98 из максимально возможных 12.

Во время обучения в Академии Лавр Георгиевич познакомился с Таисией Владимировной Марковиной и в 1896 году женился на ней, а еще годом позже у них родилась дочь Наталья.

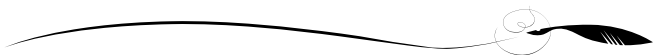
Корнилов окончил Академию в 1897 году с малой серебряной медалью и с занесением имени выпускника на мраморную доску в конференц-зале Академии — подобной чести удостаивались немногие. Верный себе Корнилов вновь отказался от службы в столице — его опять ждал Туркестанский военный округ, где для офицера Генерального штаба был поистине непочатый край работы. Именно тут, на стыке сфер влияния России и Великобритании, на территориях Памира, Тибета, Ирана и Афганистана, шла столь метко названная Кипплингом Большой игрой борьба двух империй не на жизнь, а на смерть за важнейшие для них территории, государства и области Азии.

Большая игра выливалась в самые различные формы военно-политического давления империй друг на друга. Участниками Большой игры были и губернаторы, и главнокомандующие, и дипломаты, и разведчики, и промышленники, и агенты, но, пожалуй, одними из самых важных действующих лиц этой игры были путешественники-географы, без тяжелой, опасной и неприметной работы которых Большая игра была бы невозможна. Территории, разделявшие русский

Туркестан и южные провинции британской Индии, на карте в то время выглядели как одно огромное белое пятно. Это пятно благодаря усилиям таких людей, как Пржевальский или Семенов-Тянь-Шаньский, неизменно и постоянно сужалось, но к моменту возвращения Корнилова из Академии в Туркестан все равно оставалось более чем значительным. Без постоянной работы географических экспедиций Большая игра была невозможна, и Корнилов, знавший ряд местных диалектов и обладавший опытом местной жизни, очень быстро стал ее участником. По прибытии в Ташкент, где находился штаб Туркестанского военного округа, Лавр Георгиевич был назначен помощником старшего адъютанта округа, однако занимал эту должность исключительно номинально, ибо в действительности выполнял задачи, принесшие его имени огромную известность.

К востоку от южной части русского Туркестана лежал принадлежащий так называемый Восточный Туркестан, делящийся на две части — северную (Джунгария) и южную (Кашгария). В конце XIX века Джунгария была относительно неплохо изучена, но Кашгария была для европейцев самым настоящим пробелом на карте. В Генеральном штабе обоснованно считали, что Кашгария может стать объектом британских интересов наравне с Афганистаном. Чтобы не повторять бесконечную и безрезультатную борьбу за Афганистан в Восточном Туркестане, было необходимо как можно более полно изучить этот регион, наладить контакты с местными властями, торговцами, влиятельными лицами, изучить местные крепости и, наконец, создать собственную агентурную сеть, чтобы получать своевременную информацию об активности британцев в регионе. Задача была крайне сложной, но капитан Корнилов взялся за нее. В 1898 году он уже прославился на весь Туркестан своей безрассудно смелой разведкой британской крепости Дейдади в Афганистане, когда, переодевшись туркменом, изучил ее укрепления и создал их схему. В течение нескольких лет Кор-

нилов путешествует по Кашгарии, делает топографические съемки, изучает крепости, общается с чиновниками, вербует агентов, собирает сведения о ее населении, их обычаях, привычках, склонностях. Эта работа легла в основу не только военных планов Российской империи и секретных материалов, обосновавшихся в разведывательном отделе Генерального штаба. В 1903 году Корнилов издает книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан» — полномасштабный научный отчет об этнографии, географии, военно-политическом состоянии региона. За экспедиции в Кашгарию Лавр Георгиевич был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Оценил его труды и противник — карты и схемы кашгарских крепостей широко использовались в британском «Военном отчете по Кашгарии» 1907 года.

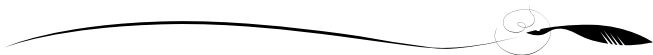
Работа по Кашгарии принесла известность Корнилову не только как исследователю, но и как блестящему разведчику. Следующее задание не менее сложное и невероятно рискованное — отряду под руководством капитана Генерального штаба Корнилову предстояло исследовать и картографировать малоизученную часть Восточного Ирана, еще одно белое пятно на картах, известное как Степь Отчаяния. Степь Отчаяния на самом деле не степь, в действительности это безводная знойная пустыня, которую не решались изучать британские исследователи, и ни один европеец не смог ее пересечь. В 1902 году Корнилову это удалось сделать. Вместо отметки «неисследованные земли» на картах появились результаты русской топосъемки, а отчеты Лавра Георгиевича об экспедиции изобиловали богатейшим географическим, этнографическим и военным материалом. В экспедициях по отдаленным районам Азии Корнилову неизменно помогало прекрасное знание восточных языков — урду, фарси, монгольского, казахского и киргизского, а также попутно удалось изучить английский — язык, без знания которого в сфере влияния Великобритании действовать было крайне сложно.

В 1903 году Корнилов был отправлен в Индию для «изучения языков и нравов народов Белуджистана». По факту он выполнял задачу по оценке состояния британских колониальных войск — главной угрозы русскому Туркестану. В Индии Лавр Георгиевич с удивлением обнаружил, что его имя уже знакомо британским офицерам, настолько известными стали его работы и очерки по географии Центральной Азии. Успешное выполнение этого непростого задания завершилось присвоением Корнилову чина подполковника и возвращением в 1904 году в Россию, в Санкт-Петербург, где его ждала должность столоначальника Главного штаба. Однако штабная работа была не по нутру энергичному, не любившему сидеть на месте Корнилову, и он добился своего перевода в Манчжурскую армию, уже несколько месяцев как вовлеченную в неожиданно начавшуюся, но давно назревавшую войну с Японией. Здесь, на промерзших сопках Манчжурии, имя Корнилова как военачальника впервые прогремит на всю Россию.

По своем прибытии на театр боевых действий Лавр Георгиевич был назначен штаб-офицером при штабе, а затем и начальником штаба 1-й стрелковой бригады. Стрелки считались второсортными полками, пригодными лишь для борьбы с бандитами и переподготовки новобранцев, но в Манчжурии они оказались в первой линии, составив основу действующей армии. Боевое крещение 1-я стрелковая бригада и вместе с ней Корнилов приняли в сражении при Сандепу в январе 1905 года. Корнилов быстро нашел общий язык с солдатами, не боялся вражеского огня и, не стеснясь, появлялся в первой линии. Бесстрашие старшего офицера благотворно действовало на необстрелянных солдат, и вскоре они были готовы идти за Корниловым в огонь и воду.

Случай продемонстрировать свои боевые качества представился неожиданно и скоро. После сражения при Мукдене 1-я стрелковая бригада была оставлена в арьергарде прикрывать отход армии и, из-за безответственности начальников

соседних частей, оказалась окруженной в деревне Вазые. Командир бригады потерял голову, не зная, что предпринять, однако Лавр Георгиевич не растерялся: быстро собрав ударный отряд, с развернутыми знаменами и примкнутыми штыками во главе своих стрелков он двинулся на японцев, не выдержавших удара. Бригада, которую в штабе армии уже было хоронили, вышла из окружения в полном составе и вынесла всех своих раненых. За этот подвиг Корнилов был удостоен производства в полковники вне очереди («за боевые отличия»), ордена Святого Георгия 4-й степени и высшей военной награды империи — Золотого оружия «За храбрость». Этот героический эпизод стал широко известен, и Корнилов, чье имя было уже на слуху как исследователя, приобрел большую популярность как герой войны, офицер, способный своей волей переломить ход сражения.

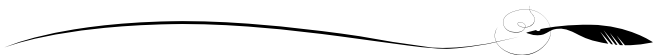
Знание Корниловым специфики Центральной Азии и после Русско-японской войны было не менее востребовано. Большая игра закончилась взаимным признанием сфер влияния, однако на востоке усилилась новая угроза — японское влияние в Китае становилось все сильнее, да и сам Китай начинал понемногу усиливаться. В 1907 году Лавр Георгиевич был назначен военным агентом в Китае. На этой должности он был словно рыба в воде: освоил китайский язык, объездил внутренние провинции страны, изучил до того недооцененный людской и военный потенциал Китая, обеспечивал дипломатическую и материальную поддержку русских разведывательно-географических экспедиций. Именно Корнилов первым пришел к выводу, что в перспективе Китай способен стать силой, с которой придется считаться всему миру. За блестящие результаты своей миссии Корнилов был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени.

В 1910 году Корнилов был отозван обратно в Россию, однако прибыл в Санкт-Петербург всего лишь через 5 месяцев, потратив это время на изучение военных сил Китая

в Западной Монголии и Кашгарии вдоль границ с империей. 8 февраля 1911 года Лавр Георгиевич вступил в командование 8-м пехотным Эстляндским полком, входившим во 2-ю пехотную дивизию 23-го армейского корпуса Варшавского военного округа, расквартированным на станции Яблоновка Варшавской губернии. Назначение офицера командиром полка без цензового командования ротой и батальоном — случай беспрецедентный для русской армии того времени, однако и сам Корнилов был уникальным офицером. Командовать полком пришлось недолго, и уже 3-го июня Лавр Георгиевич снова получил назначение в Азию — на этот раз на Дальний Восток, в Заамурский округ пограничной стражи. Здесь он возглавил 2-й отряд из 2 пеших и 3 конных полков, расквартированный в Харбине, в задачу которого входила охрана КВЖД — Китайской Восточной железной дороги, связывавшей напрямую Читу и Владивосток, и потому представлявшую стратегическую важность.

Служба на КВЖД не была спокойной, так как вдоль нее, как и по всей Манчжурии, орудовали хунхузы — свирепые и дерзкие бандиты, терроризировавшие целые города. Хунхузы промышляли грабежом, не брезговали нападать и на поезда, а после Русско-японской войны вооружились собранным на полях сражений оружием и стали представлять серьезную опасность для русских гарнизонов. Заамурским пограничникам приходилось служить в постоянной боевой обстановке, что вполне соответствовало характеру Лавра Георгиевича. Однако на КВЖД не обходилось и без серьезных хищений средств русскими чиновниками, против чего Корнилов решительно восставал, чем нажил себе множество врагов. Командующий войсками Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Е. И. Мартынов, видя злоупотребления, в 1913 году решил начать борьбу с ними по-своему. Отличаясь либеральными взглядами, Мартынов приступил к публикации статей о хищениях на КВЖД

в гражданской прессе, обильно снабжая свои работы копиями секретных документов. Этот демарш вызвал волну негодования в офицерском сообществе России, посчитал подобные действия несовместимыми с офицерской честью и Корнилов, вступив в прямую конфронтацию с начальником. В результате грандиозного скандала Мартынов оказался под судом, а Корнилова перевели от греха подальше в 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию во Владивосток, назначив командиром ее 1-й бригады. В лице Мартынова Лавр Георгиевич нажил себе смертельного врага, а следующая их встреча произошла в совершенно другом месте при совершенно других обстоятельствах — в лагере для военнопленных.

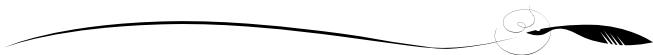
По мобилизации июля 1914 года произведенный в генерал-майоры Корнилов возглавил бригаду в 49-й пехотной дивизии, направлявшейся на формирующийся Юго-Западный фронт. Войну Лавр Георгиевич воспринял с энтузиазмом, ибо только война позволяла использовать все его таланты и способности в полную силу. Однако командовать бригадой долго не пришлось — уже 19 августа Корнилов был назначен начальником 48-й пехотной дивизии из состава 24-го армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта. Эта дивизия не считалась хорошим подразделением, и ее боеспособность ставилась под сомнение. Она была сформирована из полков, развернутых на базе резервных пехотных батальонов и полков Казанского военного округа, ее полки не обладали ни славной историей, ни хорошими кадрами, ни боевым духом. За несколько недель Корнилов полностью преобразил соединение: прибытие генерала, имя которого уже было известно всей России, воодушевило солдат, его энергия, целеустремленность и воля к победе вскоре передалась и подчиненным, а бесстрашие, необычайная личная храбрость завоевали их сердца. Корнилов провел свою дивизию через тяготы битв в Галиции и зимних боев в Карпатах, и каждая его операция приносила ему и его солдатам успех

и славу. За отвагу и стойкость 48-я пехотная дивизия получила прозвище «стальной», а имя Корнилова стало внушать австрийцам благоговейный страх.

Таков был человек, оказавшийся в австрийском плену, и немудрено, что многие пленные сочли за честь помочь Корнилову вернуться на Родину. Но почему же австро-венгерский солдат чех Франтишек Мрняк считал своим долгом нарушить присягу и помочь генералу враждебной ему армии?

Причина такого выбора Мрняка кроется в истории Австро-Венгрии и Габсбургской монархии. Австрийская империя возникла на руинах обреченной Наполеоном Бонапартом Священной Римской империи германской нации, аморфного государственного образования, являвшегося чистой воды пережитком средневековья. Священная Римская империя состояла из огромного конгломерата всевозможных германских государств с самыми разными формами правления, управлявшимся по самым разным законам, а зачастую и вовсе по произволу их владельца. Бесчисленные имперские графы, герцоги, князья, бароны и города оспаривали друг у друга клочки территории, жили в долг и охотно торговали своими солдатами. Над всем этим хаосом возвышались императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов, в чьи владения входили не только герцогство Австрия, но и земли Чешской короны, королевство Венгрия, княжество Трансильвания, Королевство Хорватия и Славония и целый ряд других земель. Весь этот многонациональный и разнорелигиозный конгломерат управлялся австрийскими монархами, которые были одновременно и императорами Священной Римской империи, и королями, герцогами или князьями входивших в их династические владения земель. В этой разнообразности и крылся корень всех противоречий, усиление которых и привело Габсбургскую монархию к краху. В 1804 году в противовес Бонапарту, к удивлению всего мира ставшему императором Франции, император Франц II

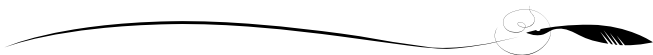

Габсбург провозгласил себя императором Францем I Австрийским, чем также удивил цивилизованный мир. В 1806 году вследствие военных поражений Австрии Наполеон настоял на упразднении Священной Римской империи, а после краха Бонапарта политическая карта Европы изменилась настолько, что о восстановлении Священной Римской империи больше не могло быть и речи, и Габсбургская монархия окончательно стала тождественной Австрийской империи. Однако народы, ее населявшие, не собирались отказываться от претензий на национальный суверенитет, некогда утраченный в силу военной и дипломатической активности Габсбургов эпохи Ренессанса, и сепаратистские настроения неизменно пользовались популярностью на не-немецких территориях империи. Подлили масла в огонь и сами Габсбурги, избрав наиболее неудачный способ решения проблемы сепаратизма — насильственная германизация находящихся под юрисдикцией империи народов. В 1848 году все нараставшее недовольство политикой императоров вылилось в Весну народов — серию национальных восстаний на территории империи, из которых выделялось своим размахом и мощью Венгерское восстание. С огромным трудом Габсбургам удалось подавить выступления и пойти на крайнюю меру — ликвидацию федеративного устройства страны с заменой на унитарную абсолютную монархию. Поражения Австрии в войне за объединение Италии и Австро-прусской войне наравне с усилением активности венгерской элиты, дипломатической изоляцией и усилением давления России подтолкнули императора Франца-Иосифа к трансформации государства в унию империи Австрия и королевства Венгрия. Согласно австро-венгерскому соглашению, территория империи делилась на две части — территорию австрийской короны и территорию венгерской короны, автономную во всем, кроме внешнеполитических, финансовых и военных вопросов. Австрийская империя превращалась в двуединую монархию Австро-Венгрия,

а императором Австрии и королем Венгрии становился один и тот же человек — император Франц-Иосиф. Соглашение устроило элиты Австрии и Венгрии, однако совершенно не устраивало прочие народы империи, в первую очередь чехов и хорватов. Чехи требовали восстановления прав Чешской короны и видели их в уравнивании в правах с Венгрией, хорваты были недовольны включением их в юрисдикцию Венгрии. В результате игнорирования этих проблем к началу XX века необычайно обострились чешско-венгерские и чешско-австрийские противоречия, не отставали от чехов и словаки, а хорваты и сербы также почти открыто конфликтовали с венграми и австрийцами. По сути, внутри Австро-Венгрии сложился острейший конфликт славян, добивавшихся автономии, и немцев и венгров, видевших в автономии славян угрозу своей власти. В условиях внутренней нестабильности и отсутствия каких-либо инструментов разрешения национальных противоречий империя Габсбургов и вступила в мировую войну, видя в ней способ устранения всех своих проблем. Обернулось это решение прямо противоположным результатом.

В начале XX века среди славянского населения Австро-Венгрии все большую популярность набирали идеи панславизма, объединения славян империи в борьбе за свои права. Очевидно было, что ни венгры, ни австрийцы, ни имперские власти, в подавляющем большинстве своем состоявшие из первых и вторых, не собираются хоть в чем-то уступить славянам. Понимание безысходности ситуации и нежелания империи хоть что-либо менять привело к возникновению целого ряда полуполигальных и нелегальных славянских организаций, своей целью видевших как минимум достижение автономий внутри империи, как максимум — отделение от нее и воссоздание собственных национальных государств. Наибольшую активность проявляли чешские и словацкие организации, самой мощной из которых был Чешский наци-

ональный комитет. В условиях нежелания имперских властей достичь компромисса все надежды чехов обратились к России, не только на словах, но и на деле являвшейся защитником интересов славян в Европе. С началом Первой мировой войны идея, что именно Россия поможет чехам и словакам обрести долгожданную независимость, приобрела массовый характер. Чешские солдаты не горели желанием воевать за двуединую монархию, в которой не видели для своего народа никаких перспектив, в землях Чешской короны широко распространились уклонение от призыва, мелкий саботаж и посильная помощь русским военнопленным. Именно в сложной и тяжелой внутривойсковой ситуации, в которую сама себя загнала Габсбургская монархия, и кроются истоки причин, по которым австрийский солдат чешского происхождения Франтишек Мрняк решил помочь генералу Корнилову вернуться в Россию для продолжения борьбы с Австро-Венгрией.

К сожалению, надежды чехов на помощь России не оправдались. Вскоре сама Россия скатилась в пучину революции и хаос гражданской войны, в котором было вовсе не до чешской независимости. Лавр Георгиевич Корнилов стал одним из основателей, вдохновителей и идеологов Белого движения, сопротивления большевизму, и после победы красных всякая память о нем — о выдающемся полководце, блестящем исследователе и бесстрашном разведчике, человеке долга и чести — вытравливалась из народного сознания с усердием, достойным иного приложения. Сейчас, когда нас не ограничивают идеологические рамки, мы имеем возможность иначе взглянуть на эту уникальную личность и на его роль в истории. А представленные вашему вниманию воспоминания восполняют огромный пробел в отечественной исторической литературе и дают ключ к пониманию, кем же был на самом деле Лавр Георгиевич Корнилов.

Н. Грюнберг

Побег
генерала Корнилова
из австрийского
плена

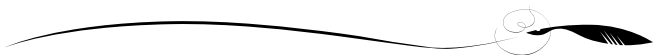

Составлено по личным
воспоминаниям, рассказам
и запискам других участников
побега и самого
генерала Корнилова

После года заключения в казематах чрезвычайки, после сыпного и возвратного тифа, холеры, желтухи и цинги, которые мне пришлось перенести без врачебного ухода в кошмарных условиях жизни пленного белогвардейца, моя память, которой я так гордился когда-то, начинает слабеть. Многие даты событий, которым я был свидетелем и участником, более мелкие подробности и обстоятельства этих событий я начинаю уже забывать. Между тем в моей жизни были события и встречи, имеющие значение не только лично для меня, но представляющие безусловно исторический интерес.

Таким событием мне представляются мои отношения с генералом Корниловым, и то, хотя незначительное, участие, которое я принимал в организации его знаменитого, но в то же время малоизвестного, побега из австрийского плена.

И для историка этой эпохи, и для историка русской армии, который желал бы выяснить мало освещенный в военно-исторической литературе вопрос о русской армии в плену (так как по численности в немецко-австрийском плену была целая армия), и, наконец, для историка, изучающего жизнь, деятельность и взгляды одного из самых крупных деятелей нашего времени, каким, несомненно, был генерал Корнилов, мои воспоминания о его плене и побеге,

мне кажется, могли бы дать материал для выводов, которые мне сделать не под силу. Не под силу не только как неспециалисту, но и просто как человеку, лично переживавшему те события, о которых я собираюсь писать, так как, при всем стремлении к полной беспристрастности и объективности, участнику каких-либо событий трудно произвести верную оценку их.

Единственно, что зависит от меня, — это избегать отражений моих личных взглядов и убеждений, симпатий и антипатий и записывать не те события и эпизоды, которые мне, может быть, хотелось, почему-либо оттенить, а все те, которые мне вспоминаются сейчас, когда я пишу, может быть, бессознательно останавливаясь дольше на том, что мне кажется более важным, но, во всяком случае, не умалчивая сознательно ни о чем, каким бы неосуществимым мне лично не казался тот или иной факт. Может быть, благодаря этому мой труд окажется излишне подробным, но эти «длинноты» представляются мне меньшим недостатком, чем отбор одних фактов и умалчивание о других. Это должно быть задачей историка, а не очевидца и участника событий.

Есть еще одно, чего я стремился бы достигнуть, — это передать все, чему я был свидетелем, не подвергая свои воспоминания литературной обработке и не гонясь за занимательностью их для читателя. Мне кажется, что даже при таком стремлении с моей стороны мои воспоминания могут показаться людям другого поколения, жившим в более спокойное время, несколько фантастическими, но это уже не моя вина, если действительная жизнь бывает иногда фантастичнее любого романа и написанный сухим канцелярским языком послужной список генерала Корнилова или Маркова¹, кажется, должен порою звучать как эпическая поэма.

О побеге генерала Корнилова из австрийского плена мне приходилось уже делать публичные доклады во времена

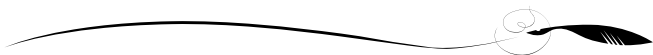

Добровольческой армии², когда летом 1919 года, находясь в тылу армии на излечении в одном из лазаретов города Кисловодска, переполненного тогда недорезанной русской буржуазией, я читал лекции на эту тему в присутствии бывшего тогда главнокомандующим генерала Деникина³, всех казачьих атаманов и высших начальствующих лиц Вооруженных сил Юга России⁴, а также семьи покойного генерала Корнилова, вдовы генерала Алексеева⁵ и В. Я. Колчака — двоюродного брата Верховного правителя⁶.

Мне несколько раз тогда пришлось повторить эту лекцию по предложению отдела пропаганды, а по просьбе военного губернатора Терско-Дагестанского края⁷ генерал-лейтенанта Невадовского⁸ и начальника штаба скаутских организаций⁹ Северного Кавказа барона де Лорг прочесть ту же лекцию для учащихся средне-учебных заведений края и бойскаутов, которые были специальными поездками доставлены на мою лекцию из Пятигорска, Железноводска, Ессентуков и Минеральных Вод. По просьбе генерала Шкуро¹⁰ я читал те же лекции донским казакам его корпуса¹¹.

Но у меня остались только воспоминания о минутах триумфа, а все записки и заметки, набросанные для лекций и заготовленные для дочери генерала Корнилова — Натальи Лавровны Корниловой, пропали у меня в хаосе Гражданской войны.

Между тем полная картина становящегося полуполюгендарным побега Корнилова из плена мне более известна, чем кому-либо другому, даже принимавшему в побеге несравненно большее участие, чем я сам, так как я разыскивал и расспрашивал других участников побега, чтобы их воспоминаниями увеличить свои сведения о побеге, восполнить то, что не мог знать я лично. Таким образом отрывочные и разрозненные сведения систематизировались и дополнили друг друга.

Я один из всех участников в организации побега Корнилова, который после — в России — встретился с ним и слышал от него лично воспоминания о тех подробностях побега, которые могли быть известны только ему.

Перед публичным чтением мною лекций о побеге я предварительно читал их на дому дочери генерала Корнилова, которая их как бы корректировала и дополняла теми воспоминаниями, которые сохранились у нее от рассказов отца. Мне невольно вспоминается жаркий летний день, утонувшая в зелени вилла, идущая по золотой от солнца аллее жена Деникина с грудным ребенком на руках, а рядом со мною на веранде с распущенными длинными до колен волосами задумчиво слушает меня дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна — Наташа Корнилова, как ее звала за глаза вся Добровольческая армия — теперь жена генерала Шапрон дю Ларре¹², первого офицера, записавшегося в Добровольческую армию 2 ноября 1917 года...

И теперь, когда я стараюсь восстановить в памяти содержание читанных когда-то мною лекций, я пользуюсь записанными воспоминаниями и устными рассказами главного помощника Корнилова по побегу из плена — Францишика Мрняка, осужденного когда-то на смерть австрийским военным судом*. И в моей памяти невольно встают маленькие, бедно обставленные комнаты, плач грудного ребенка, улыбающаяся старушка-мать Мрняка с такими мелкими, уютными морщинками у уголков глаз, радушно провожающая меня до дверей...

И мне кажется, что моя обязанность рассказать все, что я знаю об этих людях, о трудностях того героического побега из вражеского плена, одним из организаторов которого пришлось быть мне самому.

* Содержание записок Францишика Мрняка полностью вошло в мои настоящие воспоминания. (Примеч. авт.)

Вряд ли кто из людей нашего поколения не помнил героической эпопеи обороны генерала Корнилова при его взятии в плен.

Оставленный прикрывать со своею дивизией отход наших армий при Горлицком прорыве¹³, Корнилов отходил с последними нашими частями, выдерживая тяжелые арьергардные бои. Дважды раненный в руку и ногу в этих боях, но оставшийся в строю, он шел в *последней цепи*.

Немного людей было в этой цепи и немного было взято в плен австрийцами вместе с Корниловым, когда эта цепь была обойдена с флангов и окружена: начальник штаба дивизии — Генерального штаба полковник Кислов¹⁴ (позже — председатель первого Всероссийского съезда инвалидов¹⁵), пять строевых солдат и один санитар. Как и сам Корнилов, все они (и санитар в том числе) были переранены и не имели возможности защищаться при их окружении и избежать плена: не имели патронов отстреливаться дольше, не имели и физических сил бороться холодным оружием.

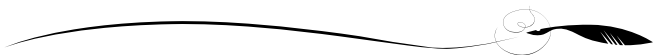
Такой плен не был позорным. Лучшей оценкой доблести этих людей было то, что полковника Кислова, которому пришлось ампутировать раненую ногу, австрийское командование долго отказывалось признать инвалидом и отпустить в Россию по обмену, несмотря на неоднократные постановления нескольких врачебных комиссий.

Да полковник Кислов и без ноги, как и его товарищи по положению, оставался опаснее для противника, быть может, нескольких десятков вполне здоровых офицеров...

С первого дня плена Корнилов затаил мечту о побеге, но не скоро ее удалось осуществить.

Когда Корнилов оправился от ран, австрийское командование привело его в лагерь для военнопленных в замок Нейденгбах¹⁶, близ Вены.

Лагеря военнопленных и условия жизни в них не всегда и не везде были одинаковы и это необходимо не упускать

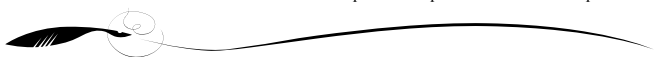

из виду, чтобы иметь ясное представление того, в каких условиях и обстановке совершился побег Корнилова из плена.

Если бы расспросить нескольких человек, или даже несколько десятков и сотен бывших русских пленных, находившихся в различных лагерях, то данные ими описания внутреннего распорядка жизни и вообще условий пребывания в плену получились бы очень различные, хотя каждый опрошенный не говорил бы ничего, кроме правды. Но как от свидетелей во французских судах берут присягу говорить одну правду и ничего, кроме правды, но не могут требовать от свидетелей сказать всю правду, так и каждый пленник неизбежно будет рассказывать только часть правды.

Находясь во время моего плена в нескольких госпиталях — в Сатмаре-Неймете¹⁷, Бржезанах¹⁸, Будапеште, Кенигретце бей Эстергом¹⁹, Кёсеге²⁰, Брюксе²¹ и Лайтморице²², я встречался в них со многими сотнями пленных из многих десятков лагерей, но и для меня было бы трудно обобщить все мною слышанное от них так, чтобы дать исчерпывающую картину, в которой было бы существенное и главное и не было излишних подробностей, не характерных для, если не всех, то хотя бы большинства концентрационных лагерей. Все же я попытаюсь сделать такое обобщение с тем, что когда мне придется говорить о том, или другом лагере, или госпитале, в котором находился за время своего плена генерал Корнилов, я буду попутно отмечать особенности устройства и жизни в этих лагерях, не характерные для всех лагерей вообще.

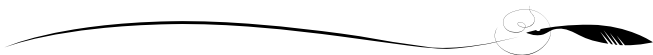
Еще в Германии, где лагерный режим и вообще быт пленных был строже регламентирован, он был более или менее одинаков; в Австрии же он менялся в каждом отдельном лагере в зависимости от личности командира лагеря и его произвола и от множества более мелких привходящих причин. Наконец и по своему устройству и оборудованию и по составу находившихся в лагере лиц лагеря были неодинаковы.

Были лагеря, помещавшиеся в замках частных лиц, и условия жизни в них были наиболее благоприятные, режим менее строгим, содержание и довольствие военнопленных по меньшей мере сносным; в этих лагерях размещали по преимуществу военнопленных штаб-офицеров, а из обер-офицеров — наиболее болезненных, или поправляющихся от ран. Солдат обыкновенно в таких лагерях не было вовсе, за исключением немногих вольноопределяющихся гвардейских полков, имевших какие-либо связи и знакомства в Австрии. После революции в эти лагеря стали переводить пленных, о которых было известно австрийскому командованию, что они близки с руководящими кругами Временного правительства, или состоят членами социалистических партий...

Были лагеря, помещавшиеся в специально устроенных бараках. Они также были неодинаковы. Одни из них были специально офицерскими, другие — солдатскими, третьи предназначались для пленных гражданских лиц, так называемых частных пленных, четвертые — были смешанными. Как общее правило, режим в лагерях последнего типа был суровее. В одних из лагерей русские военнопленные помещались с пленными других наций: офицеры с офицерами, солдаты с солдатами; в этом случае положение русских военнопленных было лучше, так как пленные других держав являлись привилегированными в сравнении с русскими.

На какие-либо репрессии или притеснения своих пленных граждан другие западноевропейские страны отвечали такими же репрессиями по отношению к пленным немцам и австрийцам, почему к пленным англичанам, французам или итальянцам лагерные власти не решались применять таких суровых мер, а иногда и жестокостей, как к русским. Об этих мерах мне придется еще говорить, пока же должен отметить, что из военнопленных других держав в одинаковом положении с русскими находились сербы, так как пленные, взятые сербскими частями находились на содержании и под охраной

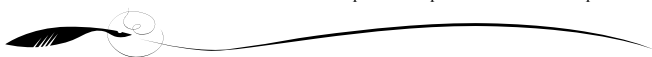

итальянского правительства, и сербское правительство было бессильно так или иначе реагировать на обращение со своими военнопленными гражданами. Различные же правительства России при всех сменах властей и переворотах, в общем, одинаково безучастно относились к судьбам своих граждан, находившихся в плену. Поэтому, если в лагерях со смешанным национальным составом русских не всегда возможно было выделить для применения к ним режима, отличного от общего, то в лагерях, предназначенных исключительно для русских или русских и сербов, в особенности, если в таком лагере офицеры помещались вместе с солдатами, положение русских военнопленных становилось очень тяжелым.

Из взысканий, применявшихся к военнопленным офицерам, наиболее распространенными были: заключение на гауптвахте, строгий арест в карцере на хлеб и воду с выдачей горячей пищи на третьи или четвертые сутки, крепостное и одиночное крепостное заключение в сырых и темных казематах, заключение со сковыванием в кандалах, причем правая рука сковывалась с левой ногой.

Мне известен также случай, когда одного русского полковника пытали жаждой, давая ему в пищу исключительно селедки и не давая совершенно ему пить, чтобы выпытать у него, где он спрятал укрываемое им по слухам полковое знамя²³. К сожалению, я забыл сейчас этого полковника; кажется, он носил односложную, или, по крайней мере, очень короткую немецкую фамилию. Зная удалось спасти: один офицер, художник, написал образ святого Александра, другие — сделали раму к образу, в которую и было, так сказать, замуровано полотнище знамени, а через объезжавшую концентрационные лагеря делегацию русских сестер милосердия образ удалось отправить в Россию в подарок от русских военнопленных офицеров государыне императрице Александре Федоровне.

К военнопленным солдатам, кроме тех же взысканий, которые накладывались на офицеров, применялись еще

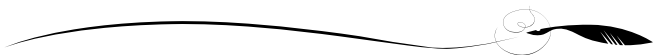

телесные наказания. Они приводились обыкновенно в исполнение самими же военнопленными по приказанию и под наблюдением лагерных властей. В лагерях, в которых существовали пожарные команды из русских солдат, приведение в исполнение телесного наказания возлагалось обыкновенно на пожарных, в госпиталях, где телесные наказания почти не применялись, — на санитаров.

Кроме сечения, наиболее употребляемым видом телесного наказания было пресловутое «подвешивание». Следует заметить, что система наказаний, применявшихся в армиях всего мира, была значительно суровее применявшихся в русской армии императорского периода, и подвешивание применялось как наказание не только к военнопленным, но и к солдатам австрийской армии до смерти Франца-Иосифа²⁴ и отмены подвешивания при вступлении на престол императора Карла²⁵.

Мне лично приходилось видеть два способа подвешивания: при одном из них железные обручи, к которым подвешивался за локти наказываемый, были просто укреплены в стене; при другом — такие же обручи, или скобы, были креплены на деревянном столбе, имевшем форму буквы «Т». В обоих случаях подвешиваемый едва касался пальцами ног земли, с таким расчетом, чтобы он не имел возможности опереться на них.

Суровость и даже жестокость применения этого наказания к военнопленным заключалась главным образом в том, что подвешивали их на значительное бо́льшие сроки, нежели это допускалось австрийскими дисциплинарными порядками по отношению к своим солдатам. Кроме того, подвешивание русских военнопленных производилось без предварительного врачебного осмотра, бывшего обязательным при подвешивании австрийских солдат, почему зачастую подвешивались люди со здоровьем, надорванным ранениями или контузиями на фронте, и хроническим недоеданием, и непосильной

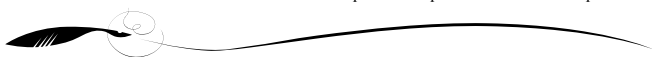
работой в плену. Все же полагаю, что толки о случаях смерти русских военнопленных при подвешивании значительно преувеличены; но случаи обмороков и кровоизлияний из носа и ушей были, по рассказам пленных, нередко, и мне самому приходилось наблюдать их.

В Германии, где подвешивание не применялось к своим солдатам, оно не применялось также и к военнопленным.

Подтверждения слухов об инъекциях, травлении собаками, раздевании донага на морозе и обливании холодной водой, о чем много говорилось во время войны в России, мне ни разу не удалось получить, и я полагаю, что они если не все вымышлены с вполне определенной целью, то почти все значительно преувеличены.

Репутацией особенной суровости и жестокости по отношению к военнопленным из комендантов лагерей пользовался полковник Кёвесс, брат фельдмаршала графа Кёвесса, о котором, напротив, мне приходилось слышать много отзывов как о гуманном человеке и настоящем рыцаре и солдате. Но даже с именем полковника Кёвесса, который сам говорил, что хотел бы довести до самоубийства всех русских военнопленных, с которыми ему приходилось иметь дело, — даже с этим именем не связано обвинений в жестокостях, носящих характер преступления.

Мне известен случай, когда под влиянием таких вымышленных рассказов двух военнопленных офицеров об «австро-германских зверствах», военнопленный же поручик русской армии Манигетти написал письмо с описанием их в Россию, добавив к нему обращение по адресу австрийского военного цензора. В обращении этом поручик Манигетти писал, что если цензор — настоящий офицер и благородный человек, то он должен или пропустить его письмо в Россию, или добиться расследования описанных в письме зверств над русскими солдатами и наказать их виновников. Цензор так и поступил, как этого просил Манигетти, но расследование

установило полную несправедливость и вздорность обвинения, офицеры, рассказывавшие поручику Манигетти, что они были очевидцами зверств, отказались от своих слов, и Манигетти был приговорен к заключению в крепость за клевету на австрийскую армию.

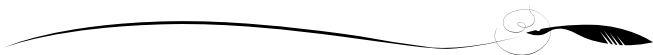
Когда я лежал в прифронтовом госпитале в Сатмар-Неймете вместе с немецкими и австро-венгерскими офицерами, они часто приносили мне номера газет и журналов с описаниями «зверств», но только — «русских зверств» и фотографиями их жертв с точным указанием адресов последних. Я протестовал, возмущался и... недоумевал — и так же недоумевали немецкие и венгерские офицеры. «Сколько мы не встречаемся там на фронте и здесь в госпиталях с вашими офицерами, — говорили они, — никто из них не кажется нам способным на эти зверства и большинство из них мы гордились бы иметь в наших полках, если бы они были нашими соотечественниками... Кто же совершает у вас эти зверства?»

И в самом деле, кто же и с той и с другой стороны совершал эти зверства?

Мне кажется, что это были... газетчики!

Но если большинство рассказов о «немецких зверствах» представляются фантастическими и преувеличенными, то суровость применяемой к военнопленным системы взысканий является совершенно установленной. И, наконец, к военнопленным, назначавшимся на окопные работы на итальянском фронте, близ Изонцо²⁶, австрийским командованием применялась смертная казнь за несоответственно незначительные проступки дисциплинарного характера, не имевшие существенных для квалификации их как преступления черт и не по приговору суда, а приказаниями административной власти!

Но, отвлекшись описанием системы взысканий, применявшихся к военнопленным, я не закончил описания самих лагерей для военнопленных.

Барачные лагеря были неодинаковы не только по личному составу военнопленных, но и по своему устройству. Одни из них, предназначенные только для офицеров, были устроены по коридорной системе, и пленные офицеры в них размещались в отдельных комнатках: обер-офицеры по несколько человек в одной комнате, штаб-офицеры — по одному или по два человека, генералы, почти всегда, имели каждый отдельную кабинку.

Из лагерей-бараков лагеря этого типа являлись наиболее комфортабельными, и условия жизни в них были значительно легче. Для утренней и вечерней поверки в них, как и в лагерях, помещавшихся в замках, пленных не выстраивали на лагерьном плацу, а дежурный офицер караула производил поверку по комнатам. Но вместе с тем лагеря этого типа наиболее тщательно охранялись, и побег из них представлялись наиболее затруднительными. Они были обыкновенно окружены деревянной стеной, вкопанной в землю на пол-аршина и очень высокой: иногда она достигала четырех аршин. Посты часовых были расставлены и с наружной и с внутренней стороны стены. За стеною обыкновенно находился плац для прогулок, окруженный стеною из колючей проволоки, имевшей более сажени в высоту. Линия постов у этой стены была только с наружной стороны, но зато на углах были установлены иногда вышки с пулеметами. Около лагерей, пользовавшихся особенно беспокойной репутацией и известных более или менее частыми побегами из них, наряжались на ночь конные патрули.

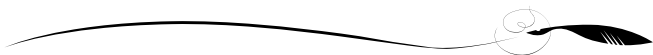
В лагерях-бараках другого типа пленные помещались в общих казармах-бараках на отдельных койках или общих нарах, устроенных иногда в два, а иногда, но редко, — и в три этажа. Режим в таких лагерях был обыкновенно строже, и условия жизни хуже, но охрана слабее. Обнесены эти лагеря обыкновенно были только одною стеною из колючей проволоки от двух до трех аршин высотой и имели только одну

линию часовых — наружную. Пленные солдаты обыкновенно помещались в лагерях этого последнего типа.

Наконец, были еще лагеря, помещавшиеся в казармах австрийских военных частей и в казематах старых крепостей. Условия жизни в этих последних были наиболее тяжелыми.

Были еще лагеря для пленных «самоопределяющихся» национальностей, склонных к поступлению во всевозможные легионы, формируемые при австрийской армии. Условия жизни в этих лагерях, по отзывам поляков и украинцев, лежавших со мною в одних госпиталях, были много лучше условий жизни даже в более «привилегированных» из лагерей для лиц, не отказавшихся от русского имени. Пленные солдаты, помещавшиеся в лагерях, получали довольствие натурой, пленным же офицерам полагался денежный отпуск на содержание — по четыре кроны в сутки на обер-офицера и по шесть — на штаб-офицера. Из этих денег производился вычет за отпускавшиеся казною в незначительном количестве хлеб и сахар, а остальные выдавались на руки. Довольствоваться офицеры могли в кантине — столовой, помещавшейся в самом лагере. Впрочем, иногда разрешалось открытие офицерами собственной столовой, продукты для которой закупались за счет офицеров комендатурой лагеря. В редких случаях все довольствие пленных офицеров лагеря производилось от казны, и наличных денег на руки тогда почти не выдавалось. С 1916 года, когда усилилась дороговизна, жить на отпускавшиеся казною средства становилось все труднее, а пленные солдаты в лагерях уже начали голодать. Впрочем, широкая масса гражданского населения Австрии и даже воинские части в тылу и конвоиры тоже недоедали, так как все заботы немецкого и австрийского правительства были обращены на фронт. Значительно затрудняло побег то обстоятельство, что с 1916 года выдача содержания производилась так называемыми лагерными деньгами, различными для каждого отдельного лагеря, принимавшимися только

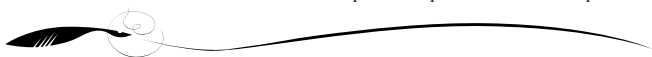

лагерной кантиной этого лагеря и не имевшими хождения вне его. Для побега необходимо было обменивать эти деньги на общегосударственные, что было нелегко и делалось с большим убытком. Денежные переводы, получаемые пленными, уплачивались также «лагерными деньгами» и при более или менее крупных суммах не сразу, а по частям.

Почти то же самое, что и о концентрационных лагерях, можно сказать и о военно-лечебных заведениях для военнопленных. Обыкновенно режим легче и условия жизни лучше всего в прифронтовых лазаретах, в которых пленные помещаются вместе со своими недавними противниками и где, в особенности в отношении тяжелораненых, между ними не только не делается никакой разницы, но даже как будто стараются усиленной заботливостью выразить и уважение к храбрости врага, и участие к его несчастью; а всего тяжелее и хуже условия бывали в тех из лазаретов, предназначенных специально для русских, в которых пленные офицеры и солдаты помещались вместе.

Мне вспоминается, как в таком прифронтовом госпитале в Сатмар-Неймете, где я пробыл около месяца, доктор граф Буда-Белла просиживал целые ночи, лично дежуря у постели тяжелораненого русского прапорщика, и никому — ни старшему врачу госпиталя доктору Гуго Мольнару, ни немецким и венгерским офицерам — не казалось в этом ничего необычного, ничего, что не было бы в порядке вещей. И то же самое показалось бы всем и прежде всего мне самому чем-то странным и почти неуместным в Будапеште в [резервном] госпитале № 3, где я лечился позже, несмотря на всю медицинскую добросовестность младшего ординатора доктора Иштвана Ствовара и бесконечное добродушие врача-хирурга баронессы Рихард Зомбары.

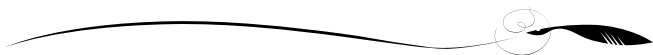
В то время как военнопленные офицеры почти все без исключения и почти все время своего плена провели в лагерях, громадное большинство пленных солдат назначалось

на работы всякого рода и находилось в лагерях лишь более или менее короткий срок.

На всех почти работах пленные пользовались относительной свободой по сравнению с условиями жизни в лагерях, в особенности те из пленных, которые попадали на полевые работы в какую-нибудь крестьянскую семью, глава которой находился на фронте. Почти бытовым явлением было в этом случае сожительство военнопленных со своими домохозяйками. Следует заметить, что из России все время поступали сведения о таких же явлениях. И солдаты, и офицеры получали постоянные письма об изменах своих жен и невест. Иногда они сами сообщали об этом, иногда сообщали родные и близкие мужа. Было несколько случаев самоубийств офицеров, получивших такие известия, но, в общем, большинство принимали эти вести хладнокровно, будто заранее примирившись с чем-то неизбежным. Как будто даже более изумлялись тому, что наша военная цензура пропускает письма с подобными сообщениями, чем самим сообщениям. Помню, что особенно изумляло подобное отношение русских военнопленных к известиям о супружеских изменах пленных же итальянцев, которые в плену выказывали себя примерными семьянинами.

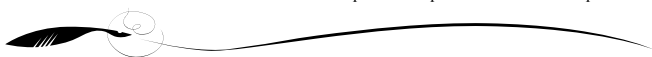
Возвращаясь к положению военнопленных на работах. Наиболее легким было положение пленных, согласившихся работать на фабриках, изготовлявших снаряды. К поступлению на них пленных принуждали иногда голодом и телесными наказаниями, но чаще всего просто соблазном сытой жизни. Иногда казалось, что тебя ударили по лицу, когда какой-нибудь австрийский офицер насмешливо говорил, что они могут вести войну с русской армией снарядами, сделанными русскими руками, и что, если бы у них не хватило людей для пополнения своей армии, то русские пленные за хороший паек или просто под угрозой наказания пошли бы на фронт против своих соотечественников...

Хорошо устраивались также солдаты, знавшие немецкий язык, поэтому, кроме немцев, находились в привилегированном положении и евреи. Последним, кроме этого, приходили на помощь их соотечественники, которыми в Австрии во время войны были переполнены тыловые командные должности. Так как на должности старших и надсмотрщиков в рабочих командах военнопленных обыкновенно назначались военнопленные же фельдфебели и старшие унтер-офицеры, владеющие немецким языком, то как-то получалось, что многие пленные евреи оказывались, попав в плен, фельдфебелями и старшими унтер-офицерами и георгиевскими кавалерами всех четырех степеней. Я никак и до сих пор не могу догадаться, откуда они доставали такое количество Георгиевских крестов.

Этот маскарад вызывал озлобление и антисемитские настроения в массах пленных, хотя справедливость требует указать, что, занимая должности старших в рабочих командах, канцеляристов и переводчиков, военнопленные евреи злоупотребляли своим привилегированным положением ничуть не больше, хотя и не меньше, чем военнопленные других национальностей, занимавшие те же места. Мне известны даже случаи, например в лагере Эстергом в Венгрии, когда евреи-военнопленные какого-либо лагеря собирались на импровизированные митинги для выражения порицания и оказания давления на тех своих соотечественников, которые своими действиями вызывали особенное озлобление среди пленных. «Мы не хотим, чтобы из-за этих нескольких мерзавцев нам потом делали в России погромы», — было обычным доводом на этих собраниях.

К сожалению, следует отметить, что когда в России произошла революция, она была принята как гарантия безнаказанности всеми, кто свое личное благополучие строил на угнетении других пленных, и после нее уже никто не думал считаться с уговорами и более порядочных и более благоразумных своих соотечественников.

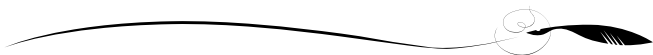

Чтобы не быть односторонним и несправедливым, я должен указать, что мне приходилось и слышать, и лично встречать евреев, сумевших заслужить в плену и уважение, и право на благодарное воспоминание. Я назову мадьярского еврея доктора Гуго Мольнара в госпитале в Сатмар-Немете, или Шара, бывшего подрядчиком и поставщиком в Кёсегском госпитале, о которых, вероятно, с благодарностью вспоминают те из русских военнопленных, которые имели с ними дело. Из военнопленных русских евреев мне вспоминается вольноопределяющийся Гавриил Рутштейн Таврический, студент-медик, кажется, Яффского университета, служивший лаборантом в госпитале Сатмар-Немете. Для того чтобы облегчить русским военнопленным признание инвалидами и возвращение на родину, он подменял взятые на исследование мокроту и кровь не больных туберкулезом пленных с мокротой и кровью больных; при этом, в случае раскрытия его действий, ему грозили не только потеря места, но и серьезное наказание...

Но уж так устроена человеческая память, что дурное запоминается прочнее и крепче, чем хорошее, да и случаев вспоминать дурное было более, чем вспоминать хорошее, и поэтому пленные в громадном большинстве проникались погромными настроениями.

Вообще же все старшие команд и рабочих партий, канцеляристы и переводчики из военнопленных без различия национальностей пользовались в громадном большинстве случаев вполне заслуженной ненавистью своих сотоварищей по плену. Они вступали в сделки с младшим командным составом и низшей администрацией лагерей из австрийских низших чинов, недодавая полагавшегося пленным довольствия, умышленно неверно переводили жалобы и заявления пленных, чтобы покрыть злоупотребления и т. п.

Мне лично пришлось быть свидетелем того, как в инвалидном госпитале в Брюксе канцеляристы и переводчики

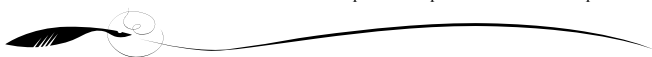
из военнопленных подменяли за взятки «истории болезни» свидетельствуемых, отправляя в лагеря и на работу пленных, признанных врачебной комиссией подлежащими отправлению на родину как инвалиды, и предназначая к отправке как инвалидов тех, кто были признаны комиссией менее тяжело больными. Все это вызывало глухое недовольство, которое от времени до времени прерывалось зверскими расправами.

Наиболее часто применялся один и тот же способ расправы: вызывавшего к себе особую ненависть канцеляриста или пленного, уличенного в том, что он является шпионом лагерной комендатуры, топили в выгребных и ретирадных ямах. Австрийское командование обыкновенно даже не пыталось расследовать преступления этого рода и замалчивало их, зная, что соучастниками в таком преступлении является почти весь состав лагеря.

Кроме старших команд, канцеляристов и переводчиков в наиболее благоприятном положении оказывались некоторые из квалифицированных рабочих и в первую очередь наборщики, необходимые для печатания распространяемой среди пленных агитационной пораженческой литературы.

Недурно удавалось устраиваться некоторым электромонтерам и техникам, положение же простых фабричных рабочих в большинстве своем было тяжелым.

Неодинаково было положение пленных, назначаемых на полевые работы: попадавшие на работы к какому-нибудь помещику или зажиточному крестьянину были в наиболее благоприятном положении, так как в самом худшем случае хозяин смотрел на них как на рабочий скот, изнурять который непосильной работой или дурным питанием не входило в его личные расчеты. Напротив, чаще к ним относились так же, как и к своим батракам, а иногда как к членам своей семьи. При этом, как мною уже указывалось выше, нередко были случаи сожительства военнопленных со своими домохозяйками.

Положение пленных, попадавших в большие рабочие дружины, назначаемые на полевые работы, было значительно хуже, но еще тяжелее было положение тех, кто попадал на какие-либо работы публичного характера: проведение дорог, осушку болот и т. п. Одними из самых тяжелых, как по характеру, так и по продолжительности работы и по недостаточности питания, были работы на шахтах и рудниках.

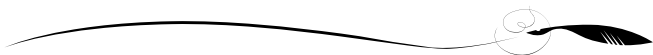
Очень дурной репутацией в этом отношении пользовался Брюкский каменноугольный район. Следует отметить, что продолжительность работы пленных в шахтах была значительно больше, чем остальных шахтеров, и не была ограничена какими-либо определенным временем; при этом военнопленные, назначенные на работы в шахтах, не всегда являлись специалистами и часто имели слабое здоровье.

И пленные, и сами австрийцы говорили, что раненые на фронтах не дадут России столько инвалидов, сколько дадут их австрийские шахты из солдат, взятых в плен вполне здоровыми.

Самым тяжелым было положение пленных солдат, назначаемых на работы во фронтовой полосе под Изонцо, и русские пленные называли Изонцо-фронт «фабрикой инвалидов».

Стараясь быть возможно беспристрастным, я все же должен признать, что и без полувымышленных раздутых русскою прессой пресловутый «немецких зверств», положение военнопленных было достаточно тяжелое.

Теперь, когда прошли годы и тяжесть пережитого полузабылась, трудно воскресить в себе и те настроения, которые тогда испытывались почти каждым военнопленным, и дать хотя бы самому себе точный отчет в них. Но в то время у всех вырвавшихся из плена — инвалидов, прибывших по обмену, и бежавших из плена — воспитывалось и тяжестью плена, и оскорбленным национальным самолюбием, и какой-то внутренне чувствуемой многими потребностью самореабилитации, то чувство, которое формировало потом из инва-

лидов ударные батальоны и дружины смерти и многих из них толкнуло в незабываемый Ледяной поход²⁷.

Для того, чтобы обстановка, в которой подготавливался и произошел побег генерала Корнилова из плена, была возможно ясна, я должен сделать здесь одну существенную оговорку.

Независимо от моего личного желания или нежелания, мне придется особенно останавливаться на одной стороне плена, придется очень много говорить о героических попытках к побегу из плена, о подвигах истинного мужества и самоотвержения многих офицеров и солдат, имевших то или другое отношение к главной теме моих воспоминаний — побегу из плена самого генерала Корнилова. Но если бы я говорил лишь о них, то картина плена получилась бы очень односторонней.

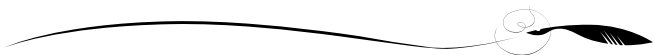
Еще когда я лежал раненым в прифронтовом госпитале в Сатмар-Немете, где германские и австрийские офицеры помещались в одних бараках с русскими военнопленными, мне от очень многих из них, в особенности от тех, кто побывал также на западноевропейских фронтах, приходилось слышать одну и ту же фразу: «Ни в одной армии нам не приходилось видеть и встречать столько героев и столько героизма, как в русской армии, но ни в одной армии мы не видели и столько трусов, и столько трусости, как в русской армии. И это касается одинаково и солдат, и офицеров». И это наблюдение, бывшее, мне кажется, довольно справедливым для фронта, для боевых частей, осталось столь же справедливым и в отношении офицеров и солдат русской армии, находившихся в германском и австрийском плену... Столько беззаветного мужества, героизма и самопожертвования не проявили в плену военнопленные никакой другой нации, и среди них самые безумные и отчаянные попытки побегов из плена не были таким частым, бытовым явлением как среди русских военнопленных. Но и таких диких пьяных скандалов, такого пре-

дательства и такой подкупности, как среди русских не было среди пленных других наций. Выходки некоторых из русских военнопленных были настолько грязны, что я не могу даже намекнуть на них.

Укажу для примера, что в одном из концентрационных лагерей прогулки русскими военнопленными вне черты лагеря были прекращены по ходатайству местного городского магистрата, так как военнопленные позволяли себе делать циничные телодвижения и жесты по адресу проходящих женщин. В другом офицерском лагере была закрыта ванная комната, так как пленные офицеры из озорства загрязняли ванны экскрементами. В третьем лагере, где австрийские офицеры местного гарнизона предложили русским пользоваться столовой и библиотекой их офицерского собрания, разыгрался совершенно невероятный инцидент: одному военнопленному поручику, обвиненному в противоестественных отношениях к военнопленному же русскому солдату, было передано дежурившим по столовой русским капитаном приказание генерала Корнилова воздержаться от посещения офицерского собрания впредь до рассмотрения его дела судом чести, на что поручик ответил оскорблением действием передававшему приказание капитану, а затем, вскочив на стол, учинил публично, в присутствии австрийского генерала и офицеров, непристойность. Австрийские офицеры вынесли после этого постановление о воспреещении русским посещать их гарнизонное собрание.

Вспоминается мне случай, как один офицер был уличен в краже у французского офицера, помещавшегося с ним вместе на гауптвахте, а другие — в растрате сумм, переданных на улучшение положения делегации военнопленных от государыни императрицы делегацией русских сестер милосердия, объезжавшей лагерь. Неоднократно были случаи обнаружения того, что тот или другой военнопленный является платным шпионом лагерной комендатуры. Были случаи

подачи пленными ходатайств о зачислении их на австрийскую военную службу, в польские или украинские части, или об отправлении на службу в Турцию, как татар и мусульман, причем подававшие такие ходатайства были чистокровными великоруссами и православными.

Было бы удивительным, если бы при громадном количестве русских военнопленных таких случаев не было вовсе, так как наряду с людьми, попавшими в плен не по своей вине, в числе пленных всегда составляют значительный процент худшие элементы каждой армии каждого народа. Это ясно для каждого военного, но дело в том, что таких позорящих случаев было, увы, слишком много!..

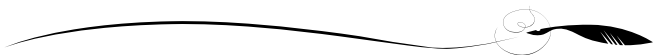
Но было бы пристрастным и несправедливым, упоминая об этих отрицательных сторонах, не отметить, что среди военнопленных других наций не возникало такого количества различных кружков самообразования, литературных, исторических, театральных, музыкальных и т. д., что в некоторых из этих кружков работали очень серьезно, что самими военнопленными устраивались и читались целые циклы лекций по курсу академии Генерального штаба и по всем отраслям наук и прикладных знаний и специальностей, что многие из журналов, издававшихся военнопленными в том или ином лагере, могли бы иметь не только исторически-бытовой, но и чисто литературный интерес.

Справедливость заставляет отметить, что, находясь из всех военнопленных, за исключением разве сербов, в наиболее тяжелом материальном положении (так как пленные других наций пользовались неизмеримо большей поддержкой и от правительства и благотворительных организаций своей родины, и от своих близких, и от частных лиц), русские военнопленные более других обнаруживали отзывчивости и готовности делиться последним. Помню, в лагере Эстергом пленные офицеры отказывались от части получаемого ими более чем скромного содержания на улучшение содержания

больным солдатам того же лагеря и делали вычеты на покупку молока туберкулезным. Помню, в госпитале в Брюксе в 1917 году, когда в Австрии и Германии был уже голод, такую сценку. Вдоль забора из колючей проволоки медленно идет пленный русский солдат; в руках у него котелок со ржаными сухарями, только что поделенными из посылки, присланной комитетом государыни императрицы Александры Федоровны²⁸. А за забором австрийский часовой, сжимая в руках трясущуюся винтовку, угрожающе-жалобно молит: «Русский, давай сухарь, русский, бросай сухарь, не то истрелить буду!» Слова угрожают, но голос молит. Пленный приостанавливается, сует через клетку забора часовому сухари и отходит с опорожненным котелком. И, заметив меня, начинает извиняющимся тоном, словно оправдываясь: «Ведь я, господин офицер, — инвалид, скоро в Россию уеду, там отъежусь, Бог даст, а ведь он в Австрии этой гиблой останется, ведь у них ничего теперь нет; все на хвонт отправляют, говорят, а скоро и на хвонте ничего не будет; уж они сами говорят, что теперь у нас снарядов больше, чем у них; если Милюков да Керенский эти — не сплхуют, то им, бедным, совсем крышка. Одно: ложись и умирай. А я до России доживу... Правду я говорю, господин офицер?..»

И это было в то время, когда пленные уже голодали. Может быть, за день до того, как я был свидетелем этой сцены, в лазарете была на работах по разбивке госпитального огорода партия пленных солдат. Они рассыпались по двору, ища в мусорных ямах корки, селедочные хвосты и другие остатки от нашего офицерского стола. Я протянул одному из солдат остававшуюся у меня, уже черствую, краюху хлеба. Он схватил ее с каким-то недоверием и испугом, забывая поблагодарить; с минуту растерянно мял ее в руках и вдруг тихо заплакал, перекрестил краюху и осторожно, держа ее обеими руками, стал откусывать сухой хлеб. И как-то сразу, будто снова испугавшись, что я могу одуматься и отнять

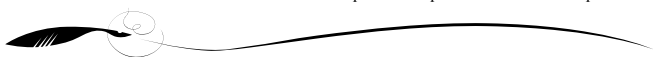

у него этот хлеб, испуганно оглянулся и побежал прочь, в угол двора, дальше от меня и от других, и там, как затравленный зверь, стал не есть, а пожирать. Тяжело писать... Я привожу эту вторую сценку, чтобы указать, в каком положении в это время находились пленные солдаты. Мы, офицеры, лежавшие в госпиталях, питались еще сравнительно недурно и, во всяком случае, не голодали, но пленные солдаты, сами голодавшие, все-таки делились с другими.

Из пленных других национальностей лучше всего зарекомендовали себя в отношении готовности поделиться с другими своим избытком англичане, но они из всех военнопленных находились в наиболее благоприятных материальных условиях, получая и от своего правительства, и от английских благотворительных организаций, и от «крестных матерей», которых имел почти каждый английский солдат, настолько большую поддержку, что часто совсем не нуждались в причитающемся военнопленным казенном пайке, целиком уступая его русским и сербам.

Поэтому в плену русские солдаты сходились с английскими значительно легче и чаще, чем с французскими, которых не без основания иногда упрекали в скопидомстве и торгашестве. И действительно, французский солдат, даже, если он благодаря посылкам с родины не нуждался в казенном пайке, редко отдавал его даром, а старался продать, устроить что-то вроде аукциона...

Поэтому французов пленные солдаты не любили и часто говорили, что вот, дескать, лучше бы было, если бы союзниками были немцы. Но и немцев также недолюбливали, а только относились к ним с уважением, как к серьезному противнику. Я не могу судить сам, насколько правильны были солдатские наблюдения и выводы, но в немцах нашими солдатами больше всего ценилась «правильность» и «серьезность» и уважение к законности и порядку, хотя нашими солдатами и замечалось постоянно: «а мы так не можем».

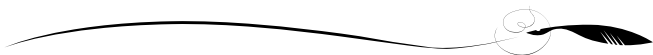
К австрийцам солдаты относились с чем-то вроде снисходительной и даже пренебрежительной жалости, и причиной этому были не только наши успехи на австрийском фронте, но и ясно понимаемое всеми в плену сознание подчиненного положения Австрии в войне, ее зависимости от Германии. Слишком ясны и показательны для военнопленных были многочисленные эпизоды, доказывавшие, что германский комендант в каком-нибудь австрийском городе значил гораздо более, чем местный австрийский губернатор.

На англичан же русские пленные смотрели как на «господ», и каждый пленный англичанин казался русскому пленному солдату «барином».

Что касается офицерской среды, то случаи наиболее энергичного отстаивания своего человеческого и воинского достоинства так же чаще всего встречались среди англичан и русских и всего реже, среди румынских пленных офицеров, если только мои наблюдения меня не обманывают и если мне не попадались случайно румынские офицеры, бывшие ниже обычного уровня.

Но наиболее характерным все-таки представляется мне один факт, несомненный для меня не только по личным наблюдениям, но и по расспросу мнений сотен других пленных — если нигде не наблюдалось такой глубины падения, как среди русских пленных, то и нигде не было такой жертвенности, такой жажды подвига и, я бы сказал, таких «взлетов». Я употребляю это выражение не случайно, так как среди пленных были люди, которые иногда опускались нравственно, может быть, даже падали и затем как-то неожиданно снова подымались до необычайной духовной высоты.

Мне казалось необходимым предпослать это краткое описание плена и условий жизни в плену описанию самого побега генерала Корнилова из плена, чтобы сделать яснее и понятнее обстановку самого побега, который иначе пред-

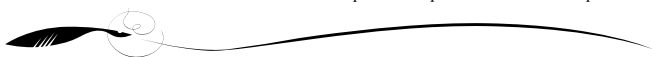

ставлялся бы чем-то нереальным, совершавшимся в каких-то отвлеченных условиях.

Для меня самого ясно, что эта первая часть моих воспоминаний должна существенно отличаться от второй и главной их части сравнительным недостатком фактических данных, так как если бы я ограничился приведением только тех фактов, свидетелем которых был лично я, то описание плена получилось бы неполным и односторонним; а если бы я пытался описать все те факты, эпизоды и положения, о которых я знаю от других участников и очевидцев их, мне бесконечно пришлось бы удаляться от основной темы моих воспоминаний и, может быть, заполнить целые тома мелкими и несущественными подробностями. Поэтому мне волей-неволей пришлось иногда прибегать к обобщениям, к суммированию фактов и выводам из них, хотя моею целью было по возможности избежать этого. Но я могу подтвердить, что мною не обобщалось при этом единичных фактов и приводились лишь те, которые имели массовое распространение и поэтому представлялись мне наиболее характеризующими.

Лишь предпослав это краткое описание плена, я могу возвратиться теперь к пребыванию генерала Корнилова в Нейленгбахе.

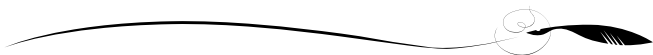
Условия жизни в Нейленгбахе лишь отдаленно напоминали условия жизни русских военнопленных в других концентрационных лагерях Австрии и Германии. Это был, так называемый рекламный лагерь. До переворота в России в нем помещались главным образом те из военнопленных, о которых австрийское командование имело основание предполагать, что они имеют какие-либо связи при русском дворе и в правительственных кругах; после переворота их сменили лица, имевшие то или иное отношение к лидерам оппозиционных партий, к Временному правительству и, наконец, социалисты. В то время, когда Корнилов прибыл в Нейленгбах, в последнем находилось около 70 военно-

пленных офицеров и 30 нижних чинов — в большинстве вольноопределяющихся привилегированных полков. Все они пользовались в Нейленгбахе и лучшим столом, за который тем не менее вычиталось из причитавшегося пленным содержания очень незначительная плата, и большей свободой, о которой в других лагерях не могли и мечтать. Их даже пускали по два — по три человека в сопровождении одного конвоира, вооруженного лишь револьвером, на прогулки вне черты лагеря, позволяли посещать венские магазины, кафе, рестораны и общественные купальни.

С материальной стороны содержание пленных в Нейленгбахе не оставляло желать ничего лучшего; обеды сервировались на серебряных сервизах. Помощь русским военнопленным, оказывавшаяся некоторыми венгерскими магнатами, как граф Михаэль Карольи, дружественно относившимися к России, подарки от герцогини Эльмэр де Лоньяй (сестры бельгийского короля Альберта) и от донна Хайме Бурбонского (герцога Мадридского, претендента на французский и испанский престолы, служившего ранее в России в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, и во время войны проживавшего в Австрии в своем замке Фросдорфе), — все это направлялось по преимуществу в Нейленгбах... где в этом менее всего нуждались.

Лагерь предусмотрительно демонстрировался приезжавшим для изучения положения военнопленных и облегчения его различным делегациям: Американского христианского союза молодых людей (YMCA), нейтральных обществ Красного Креста (испанского и датского) и т. п. В нем старались на возможно больший срок задержать и приезжавшую делегацию сестер милосердия русского Красного Креста, чтобы мельком показав им другие концентрационные лагеря, представить положение русских военнопленных и условия жизни в плену не такими, какими те являлись в действительности. Большинство этих попыток имели лишь

очень относительный и неполный успех, и было странно, что неглупые люди могут надеяться держать общественное мнение в заблуждении такими ребяческими средствами и приемами.

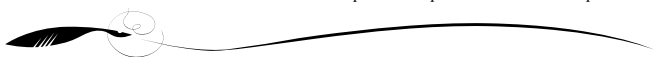
Во время нахождения Корнилова в Нейленгбахе, австрийское военное командование обратилось к нему с предложением объехать другие лагеря военнопленных для ознакомления с их положением и теми изменениями, которые австрийское командование могло бы сделать для облегчения участи русских военнопленных на основах взаимопомощи, путем соглашения с русским правительством при посредничестве нейтральных стран.

Такой же объезд лагерей австрийских военнопленных в России должен был произвести с согласия русского командования, взятый в плен русскими войсками австрийский комендант Перемышля, фельдмаршал-лейтенант* Кусманек²⁹.

Объезд генералом Корниловым лагерей военнопленных был очень непродолжительным: для Корнилова скоро стало ясно, что всюду — во всех лагерях — местные власти стараются скрыть от него истинную картину жизни лагеря, затушевать наиболее темные ее стороны, обратить все его внимание на одну казовую** сторону медали. Все концентрационные лагеря должны были быть представлены Корнилову похожими на тот «рекламный» лагерь, в котором помещался он сам; его отчет должен был бы изобразить положение русских военнопленных в Австрии в блестящем виде; русскому правительству оставалось бы внести значительные изменения в содержание австрийских пленных в России для улучшения их положения — и все это, якобы на началах взаимности, тогда как положение русских военнопленных осталось бы без перемен.

* Австрийский чин, соответствующий русскому чину генерал-лейтенанта. (Примеч. авт.)

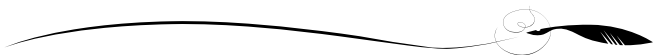
** То есть лицевою. (Примеч. ред.)

Для успеха этого замысла применялись все обычно применяющиеся во всех странах перед посещением ревизирующих начальств средства и меры. Старались также не оставлять Корнилова наедине с офицерами и солдатами объезжаемых им лагерей. При всех разговорах между ними должен был присутствовать комендант лагеря и официальный переводчик. Этим путем надеялись избежать жалоб со стороны военнопленных Корнилову, так как Корнилов уезжал после осмотра из лагеря, а комендант оставался, и военнопленные из опасения наказания должны были молчать. Маневр был обставлен очень умело, но не достиг задуманной цели. Корнилов распознал его, заметил разыгрываемую комедию и не дал ввести себя в заблуждение поддельным благополучием пленных. Вzbешенный, он отказался продолжать дальнейший объезд концентрационных лагерей.

Но еще при начале объезда Корнилов обратился к австрийскому командованию с просьбой о выдаче ему для поездки штатского костюма, чтобы во время переездов из одного лагеря в другой, на станциях, не привлекать праздного внимания формой иностранного пленного генерала. Стоимость костюма должна была удерживаться ежемесячными вычетами из содержания, причитавшегося Корнилову, как и всякому военнопленному офицеру, из австрийской казны, на основании международных соглашений. Соответствующее разрешение было получено, штатский костюм пошит и выдан Корнилову; он остался у Корнилова и тогда, когда объезд лагерей прекратился. Лагерное командование как-то забыло о нем, в Нейленгбахе же Корнилов, как и другие военнопленные, сохранял ношение военной формы. А штатский костюм оставался лежать на дне сундука Корнилова, в ожидании, когда им можно будет воспользоваться для побега.

В Нейленгбахе Корнилов задумал свой первый побег. Для достижения этой цели он сговорился с летчиком Александром Васильевым³⁰, известным своим перелетом Москва — Петербург.

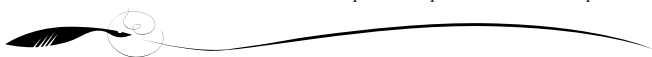

В начале мировой войны Васильев, не подлежавший отбыванию воинской повинности и не служивший ранее на военной службе, получил от главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Н. И. Иванова³¹ предложение о поступлении на военную службу, так сказать по «вольному найму», за очень высокую плату. Для того чтобы Васильеву не угрожала смертная казнь в случае пленения, как шпиону, не принадлежащему составу армии, он был произведен приказом главнокомандующего в прапорщики, сохраняя, сверх присвоенного по чину жалования, также договоренный высокий оклад. Но во время первого же полета Васильева над австрийскими позициями аэроплан его был сбит орудийным огнем, а Васильев со своим наблюдателем генерал-лейтенантом Мартыновым³², легко контуженные и получившие сравнительно незначительные ушибы при падении аэроплана (так как Васильеву удалось все же спланировать), были взяты в плен и встретились с Корниловым в Нейленгбахе.

Сообща Корнилов и Васильев выработали план проникнуть на австрийский военный аэродром близ Вены, овладеть одним из аэропланов и улететь на нем, предварительно по возможности испортив остальные аэропланы на аэродроме для затруднения преследования.

Так как у Васильева в его кожаной авиационной куртке была зашита довольно крупная сумма, то скоро удалось найти, или, точнее говоря, купить союзников среди австрийских солдат.

Но план не удался. Австрийским командованием еще ранее был также найден и куплен союзник среди русских военнопленных офицеров лагеря, знавший о готовящемся побеге и донесший о нем. Ни генералу Корнилову, ни Васильеву не удалось установить имя предателя, и он остался безнаказанным. Позже некоторые из офицеров высказывали предположения, что этим предателем явился... генерал-лейтенант Мартынов, но прямых улик против него не было.

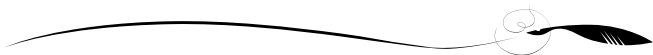
На счастье для Корнилова и Васильева одному из подкупленных ими австрийских солдат удалось своевременно предупредить Васильева о раскрытии их плана, и австрийское командование не смогло поэтому задержать их при попытке к его исполнению, что дало бы возможность применения более суровых репрессий. Австрийское командование лишилось даже возможности открыто заявить о раскрытии им плана побега, чтобы не быть вынужденным открыть имя предателя. Но оставлять далее Корнилова и Васильева в Нейленгбахе, где попытки побега могли иметь более успеха, чем в каком-либо другом лагере, было также невозможным и, хотя попытка к побегу оставалась неустановленной и о ней даже не упоминалось официально, Корнилова и Васильева перевели из Нейленгбаха.

Корнилов был отправлен в крепость Юзефов³³, Васильев — заключен в казематы Терезиенштадта³⁴. Лишь после того, как Васильев нажил себе в сырых казематах Терезиенштадта острый суставный ревматизм, его перевели в обыкновенный концентрационный лагерь для военнопленных офицеров в Кениермеццо, близ знаменитого своею базиликой Эстергома, почему и лагерь этот обычно называли Эстергом-табор.

Корнилов в Юзефове находился в значительно лучших условиях благодаря тому, что комендантом крепости оказался гуманный человек, делавший все возможное в рамках закона для облегчения участи заключенного.

Из Юзефова Корнилов был переведен в концентрационный лагерь в Лёке³⁵, помещавшийся в замке графов Эстергази. Васильев, старавшийся поддерживать сношения с Корниловым и не потерявший еще надежды на возможность помочь ему в побеге из плена, получил известие о переводе Корнилова в Лек, уже находясь сам в Эстергоме.

Там, в Эстергоме, в первый раз я встретился и познакомился с ним и услышал от него о первой неудачной попытке генерала Корнилова бежать из плена.

В то время я, будучи тяжело ранен при взятии в плен — в грудь, левую руку и обе ноги, — уже оправился несколько от ранений и был временно переведен из резервного госпиталя № 3 в Будапеште в Эстергом-табор для направления в специальный инвалидный госпиталь. Так как при пулевом ранении груди у меня были прострелены сердечная мышца и оба легкие, а при контузии, полученной в том же бою при взятии в плен, были сломлены три ребра, то я должен был свидетельствоваться врачебной комиссией для признания меня подлежащим обмену инвалидом.

В ожидании новой отправки в госпиталь и врачебной комиссии я целые дни проводил в беседах с Васильевым о его заветной мечте помочь Корнилову в побеге из плена. Вероятно, тяжесть полученных мною при пленении ранений и то, что я, подобно любимому герою Васильева — Корнилову, — был взят в плен, прикрывая со своим батальоном отход наших частей за реку Стрыпа³⁶ в конце 1915 года, внушили Васильеву доверие ко мне, хотя он не знал даже ни моего подлинного имени, ни настоящего чина.

Дело в том, что зная, что быть признанным инвалидом тем легче, чем младше носимый чин, я назвался при опросе меня на первом же австро-германском перевязочном пункте, на который был доставлен по взятии в плен, прапорщиком Халютиным, по фамилии моей матери, и это имя носил все время плена. Будучи в то время еще очень молод сравнительно со своим тогдашним чином (мне только шел двадцатый год) я по наружности выглядел тогда — до всего что пришлось испытать в последние годы, еще моложе своих лет, и поэтому принятый мною чин не вызывал ни в ком сомнений...

Беседы с Васильевым о возможности помощи генералу Корнилову в устройстве новой попытки побега из плена навели меня на мысль попытаться осуществить для этого проект моего собственного побега из плена, задуманный

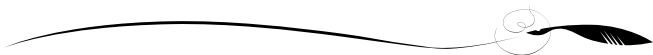
мною ранее, когда я еще не имел твердой уверенности, что могу возвратиться на родину как обменный инвалид.

Мне не пришлось поделиться этим проектом с Васильевым и воспользоваться его помощью для приведения задуманного в исполнение.

Комендант лагеря, австрийский румын по происхождению, находился в дружеских отношениях со старшим в чине из военнопленных русских офицеров лагеря — полковником Зелезинским. Полковник Зелезинский также называл себя румыном, хотя фамилия его скорее указывала на польское происхождение, и этим вызвал к себе симпатию австрийского коменданта. Комендант приглашал иногда Зелезинского к себе или сам заходил в занимавшуюся Зелезинским комнату, и часто случалось, что комендант концентрационного лагеря и старший в чине из военнопленных офицеров, заключенных в том же лагере, напивались вместе пьяными.

Из пьяной болтовни полковника Зелезинского комендант лагеря узнал, что прапорщик Васильев готовит какой-то побег и не только для себя лично, но и для генерала Корнилова. Комендант решил предупредить какую-либо действительную попытку к устройству побега со стороны Васильева, спровоцировав последнего на какие-нибудь преждевременные действия, которые обнаружили бы его замысел, или даже просто инсценировав Васильеву несуществующую в действительности попытку побега.

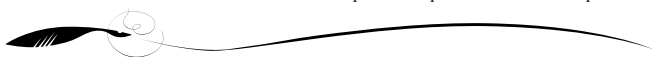
Повод к этому скоро представился. Однажды из раскрытого окна кабинки, занимавшейся в лагере прапорщиком Васильевым, снесло ветром за окно кусок колбасы, полученный Васильевым в посылке из России, и Васильев обратился к австрийскому часовому, ходившему под окном с просьбой передать ему упавшую колбасу, так как сам, как пленный, не мог выйти в наружный двор, чтобы поднять ее. Часовой исполнил просьбу Васильева, а через несколько часов Васильев был уже арестован, якобы за то, что уговаривал часового помочь

ему в побеге, и был отправлен на Эстергомскую гауптвахту. Но часовой отказывался подтвердить лжесвидетельством измышленное против Васильева обвинение, а задерживать Васильева долго на гауптвахте по такому поводу, как невинная просьба, обращенная им к часовому, было также невозможно.

Но нахождение летчика Васильева на гауптвахте помогло коменданту выполнять новый провокационный замысел. Каждый день в камере, занимавшейся Васильевым на гауптвахте, он стал находить подброшенные ему письма на русском языке, якобы написанные какой-то русской дамой, тайно приехавшей из Румынии со специальной целью содействовать побегам русских офицеров из плена. Во всех этих письмах Васильеву предлагалось довериться одному из австрийских часовых гауптвахты, якобы состоящему на жаловании у неизвестной отправительницы писем и условиться с ним об устройстве побега. Письма не были подписаны, и Васильев, заподозрив обман, обратился к коменданту при посещении последним гауптвахты с просьбою не беспокоиться дальнейшим подбрасыванием ему подметных писем. Комендант покраснел и, не отвечая на слова, вышел из камеры Васильева, а часовой, на которого указывалось в письмах, после этого не показывался больше на часах у камеры Васильева.

Так прошло несколько дней, когда другой часовой, стоявший у камеры Васильева, передал ему новое письмо, подписанное пленным русским вольноопределяющимся, которого Васильев знал лично и которому доверял. Вольноопределяющийся писал Васильеву, что австрийский солдат-податель письма может за деньги оказать ему содействий в побеге. На этот раз Васильев попался на удочку. Он условился с часовым о сумме, которую должен будет уплатить ему за помощь в побеге с гауптвахты. Часовой должен был, так сказать, передать Васильева с рук на руки другому австрийскому солдату, который под видом санитара, сопровождающего уволенного со службы инвалида, должен был доставить Васильева к ав-

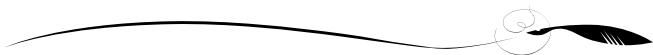
стро-румынской границе и помочь перейти ее. Этому солдату Васильев должен был уплатить отдельно перед переходом границы. Практическая осуществимость и разработанность этого плана внушала Васильеву доверие, тем более что письмо, переданное часовым, было не только подписано известным ему лицом, но и написано знакомым ему почерком.

Ночью часовой действительно беспрепятственно вывел Васильева из помещения гауптвахты и проводил на поросшее картофелем поле за нею, где у деревянного заборчика их поджидал другой солдат, который и должен был сопровождать его до границы. И когда Васильев, сняв с себя кожаную куртку, распорол ее, чтобы достать зашитые в ней деньги и расплатиться с первым из своих ложных «освободителей», из-за забора появилось несколько часовых, а с земли поднялся незамеченный раньше в темноте Васильевым комендант лагеря. Таким образом, была установлена «попытка военнопленного русского офицера-авиатора Васильева склонить путем денежного подкупа австрийского военнослужащего к измене присяге и оказанию ему, Васильеву, содействия в побеге из плена».

Письмо от вольноопределяющегося оказалось подложным: так, по крайней мере, полагал сам Васильев, так как о нем не упоминалось и оно не фигурировало в числе вещественных доказательств, а сам вольноопределяющийся давно был уже переведен из Эстергомского лагеря на работы, чуть ли не на Изонцо-фронт, так что пересылка письма действительно от него была маловероятна. Все было сшито слишком белыми нитками и наличие провокации была очевидной, но все же Васильев был вновь отправлен для заключения в крепость.

Судьба Васильева скоро стала известной в лагере.

В числе австрийских офицеров комендатуры Эстергом-табора находился лейтенант запаса Вейсс, художник по профессии. Он близко сошелся с одним из военнопленных офицеров — также художником и скульптором — прапорщиком Мейером.

Навещая последнего, Вейсс очень полюбил мотивы русских народных песен и иногда угощал пленных, прося их исполнить ту или иную песню. Особенно нравился Вейссу мотив «Из-за острова на стрежень»; песню эту Вейсс в простоте душевной считал русским национальным гимном, а героя ее — Стеньку Разина — мифологическим родоначальником русской царствующей династии Романовых, в чем его уверили некоторые вольнопрактикующие остроумцы из пленных... Невольно вспоминается, как этот бедный обманутый Вейсс говаривал: «Как приятно слышать, что вы — пленные офицеры — так часто исполняете ваш народный гимн. Это так трогательно, что вы в вашем несчастье ищите утешения в родном мотиве и словах своего народного гимна. В вашей верности ему — залог счастья вашей родины и за верность ему вы заслуживаете уважения противников»...

Несколько мимоходом сказанных этим-то лейтенантом Вейссом слов сочувствия прапорщику Васильеву приподняли немного завесу над его судьбой и заставляли догадываться о ней.

Скоро были получены в лагере и более точные сведения.

В лагере образовался театральный кружок из офицеров-любителей. Для спектаклей, даваемых этим кружком, на которых обычно присутствовали офицеры Эстергомского гарнизона, было разрешено доставлять напрокат в лагерь из города предметы реквизита, парики и костюмы. Они доставлялись обычно двумя австрийскими солдатами из лагерной комендатуры, из которых один обычно исполнял обязанности банщика, а другой заведовал освещением лагеря. Доставленные костюмы и предметы проверялись перед поступлением в лагерь для временного пользования дежурным офицером комендатуры и принимались им же после спектакля, вместе с платою за прокат и пользование. И вот, будучи секретарем и казначеем театрального кружка, я вступил в сделку с австрийскими солдатами, принимавши-

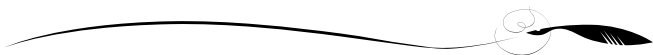

ми костюмы для спектаклей. Они должны были приносить для спектакля костюмы, как бы двойные, в которых, вместо подкладки, был подшит другой костюм из более легкой ткани. В театральной уборной этот подшитый костюм спешно отпарывался и оставался в распоряжении пленных офицеров, замышлявших побег. Понятно, не ко всякому костюму можно было подшить такую солидную подкладку, и только очень немного костюмов для побегов удалось мне получить таким способом, но дежурные офицеры, принимавшие костюмы, ни разу не обнаружили этой проделки, а солдаты, разумеется, были подкуплены мною.

Один из этих солдат и рассказал мне подробности несчастья, постигшего Васильева, и передал мне две коротенькие записки от него. В одной из них Васильев уведомлял меня, что вследствие обстоятельств, о которых мне расскажут, он «выходит из игры», в другой он просил меня посетить, когда мне удастся вернуться в Россию, одного из его приятелей, редактора «Вечернего времени» Суворина³⁷, рассказав тому, как его спровоцировали, и просить его помочь своими связями персональному обмену Васильева на кого-либо из австрийских пленных в России, не могущего быть признанным инвалидом.

Но того, что уже случилось, исправить было нельзя. Чтобы помочь генералу Корнилову в побеге, мне предстояло теперь действовать одному или искать другого союзника вместо Васильева.

Затруднительно было и то, что сам Корнилов находился в другом лагере, и то, что деньги, имевшиеся у Васильева, были у него отобраны, а те, которые имелись у меня при пленении, подходили к концу. Писать в Россию близким с просьбой о высылке денег я не имел возможности, чтобы не раскрывать своего полу-псевдонима. Лишь один раз я рискнул написать из плена одному из однополчан, извещая его, что я тяжело ранен, но жив, нахожусь в плену и пред-

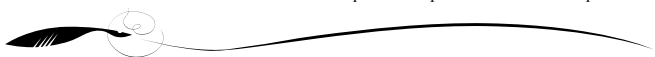

полагаю возвратиться как инвалид. Но тогда на риск этого письма меня заставило решиться только честолюбие молодости: в бою, который окончился моим пленением, я имел счастье совершить ряд действий, каждое из которых могло быть награждено, согласно статута, орденом Святого Георгия, и я опасался, что если в полку будут считать меня мертвым, я не буду представлен, мои трофеи будут приписаны кому-нибудь оставшемуся в живых, и по возвращении из плена мне будет уже трудно восстановить свое право. Я не ошибся в том, что в приказе по полку я был помещен в числе убитых в полку, но ошибся в том отношении, что полк посмертно представлял меня к награде.

Эта переписка с однополчанином прошла для меня безнаказанной в том отношении, что моя маленькая тайна осталась нераскрытой австрийским командованием, но если однополчанин, которому я писал, догадался по намекам, от кого им получено письмо, то я опасался, что и мои дальние родственники и управляющий, к которым я мог обратиться за деньгами, не окажутся такими понятливыми, как в полку, и мне пришлось бы делать им более ясные, а следовательно, и более опасные для моего разоблачения намеки. Поэтому я решился помочь Корнилову в побеге из плена по возможности каким-либо способом, не требующим более или менее значительных затрат. Но прежде всего я считал необходимым обезопасить себя от неудачи, вызванной чужою болтливостью.

Хотя большинству офицеров лагеря и оставалась неизвестной роль, сыгранная пьяной болтовней полковника Зелезинского в судьбе летчика Васильева, но его манера держать себя и попойки с австрийским комендантом, по меньшей мере, недопустимые для пленного русского офицера, вызывали общее возмущение.

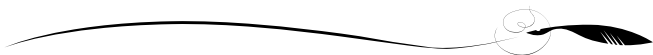
Вспоминали, как полковник Зелезинский появлялся публично в нетрезвом виде, как при объезде лагерей военнопленных делегацией сестер милосердия русского Красного

Креста княгинь Яшвиль, Масленниковой и Романовой, полковник Зелезинский и австрийский комендант приняли оба спьяну посетившую Эстергом-табор сестру Масленникову за одну из великих княжон — дочерей государя, и в разговоре с нею несколько раз, будто случайно оговорившись, называли ее «Вашим Высочеством», желая намекнуть, что им известна мнимая тайна ее личности. (Не знаю, заметила ли сестра Масленникова эти оговорки, так как она казалась мне очень растерянной и смущенной тем восторгом, с каким приветствовали ее все пленные офицеры.) Вспоминали также не пополненную растрату в суммах, переданных сестрой Масленниковой от государыни императрицы Александры Федоровны на улучшение положения пленных офицеров, из каковых сумм выдавались ссуды на починку или приобретение костюмов тем, у кого они приходили в негодность.

Оставаясь умышленно в тени, я инспирировал маленькую «офицерскую революцию», как мы тогда говорили.

На общем собрании офицеров лагеря почти единогласно было постановлено не признавать полковника Зелезинского старшим в своей среде, каковым он был по чину и который по принятому в лагере порядку являлся представителем военнопленных офицеров в сношениях с австрийской администрацией. Лишь незначительное меньшинство из офицеров лагеря воздержалось от голосования, и чуть ли не один голос поручика П. (не помню сейчас точно фамилии) был за полковника Зелезинского. Было вынесено также постановление о желательности воспрещения продажи спиртных напитков в лагерной кантине, чтобы хотя бы несколько сдержать элементы, компрометирующие русское офицерство в глазах самой австрийской комендатуры. Это последнее постановление не было утверждено австрийским комендантом, как противоречащее интересам подрядчика, которому сдана была в аренду лагерная кантина. Постановления о полковнике Зелезинском комендант также не хотел утверждать, называя

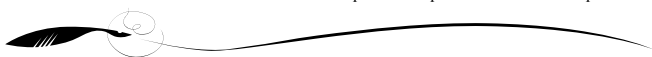
его революционным, хотя все офицеры доказывали, что оно вынуждено невозможностью создания в Эстергеме правомочного суда чести для штаб-офицера.

Но так как офицерство продолжало отказывать в подчинении полковнику Зелезинскому, то комендант оказался вынужденным перевести его в другой лагерь — Лека или Ашурины³⁸. В исполнение обязанностей старшего офицера Эстергомского лагеря вступил старший в чине после полковника Зелезинского, подполковник Таборский.

То, что он был единственным офицером из тех, кого мне приходилось встречать, имевшим в чине подполковника ордена Святого Георгия и 4-й, и 3-й степени, из которых 3-ю степень крайне редко получают и в чине полковника, а чаще уже в генеральских чинах, давало мне надежду, хотя я почти не знал подполковника Таборского, что он не допустит каких-либо неосторожных действий, могущих повредить успеху моих замыслов, чего я всегда мог опасаться со стороны полковника Зелезинского. (Замечу здесь, что мне пришлось слышать, что полковник Зелезинский и поручик П. состоят на службе польской армии, с чем, искренне уважая многих польских офицеров и желая добра Польше, я не могу поздравить молодое польское государство.)

Приступая к организации побега из плена генерала Корнилова, я решил воспользоваться для нее одной мыслью, поданной мне в существовавшей в Эстергеме-таборе подпольной офицерской организацией, которую участники ее шутливо называли «Школой для желающих бежать из плена». Я не исполнил бы моего долга и слишком много приписывал бы себе лично, если бы не посвятил несколько строк этой организации.

Основателем и наиболее видным и активным деятелем ее был прапорщик Ульмер, латыш по происхождению. Это имя, мало теперь кому-нибудь что говорящее, пользовалось в то время почти легендарной известностью и среди русских

военнопленных в Австро-Венгрии, и среди чинов австрийской военной полиции и лагерных комендатур.

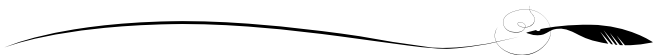
Про мужество и остроумие бесчисленных попыток Ульмера к побегу рассказывались положительно мифы. И на самом деле, это был человек редкой энергии и упорства, и меня не раз занимал вопрос, где он может быть сейчас и что он предпринимает.

Он, казалось, искал опасности, был влюблен в нее. Бежав из плена в первый раз вместе с другим офицером, фамилии которого я не запомню, он благополучно достиг фронтовой полосы в Галиции. Не имея возможности лишь перейти линию окопов, которая отделяла его от свободы, он скрывался со своим спутником в какой-то полуразрушенной и брошенной жителями деревне, ожидая, пока наше наступление придет им на помощь. Но спутник Ульмера по этому побегу тяжело заболел от лишений кочевой жизни. Ему становилось все хуже и хуже, и Ульмер, жертвуя своею свободой, принес его на руках на ближайший австрийский перевязочный пункт.

Отбыв наказание за побег, Ульмер бежал вторично, вместе с прапорщиком Каном. Об этом втором побеге была небольшая заметка в русской периодической прессе, в журнале «Огонек», несколько не соответствующая действительности в описании подробностей побега.

Ульмер и Кан, бежав из лагерной бани, отчасти при помощи подкупа, отчасти благодаря небрежности часового, пробирались пешком к австрийско-швейцарской границе, страшно бедствуя и голодая. Изредка им случалось поймать отбившегося от стада барашка и заколоть его перочинными ножами, но еще реже его можно было сварить или изжарить, чтобы не привлекать к себе внимание разведенным костром, а чаще приходилось питаться сырым мясом.

Когда оба офицера, наконец, достигли долгожданной границы и уже переходили ее, их заметил пограничный австрийский пост и открыл по ним огонь. Под обстрелом

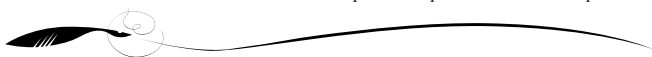

прапорщику Кану удалось перебежать границу и достигнуть швейцарского офицерского караула, а немного позже и вернуться в Россию. Кажется, он был награжден за этот побег орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Прапорщик же Ульмер, перебегая границу, сорвался с горной тропинки в обрыв и тяжело расшибся. Хотя Ульмер упал уже на швейцарской территории, но далеко от места расположения офицерского караула, и солдаты швейцарского пограничного поста, пользуясь отдаленностью своего офицера, не препятствовали австрийским пограничникам подобрать Ульмера.

Отбывая присужденное ему за второй побег заключение в крепости, Ульмер помещался в ней в одной камере с несколькими австрийскими офицерами, осужденными за присвоение сумм, отпускавшихся австрийской казной на содержание русских пленных солдат. Недовольные своим осуждением и желая мстить за него своей родине, эти офицеры дали прапорщику Ульмеру возможность основательно изучить австрийские воинские уставы — внутренней и гарнизонной службы и дисциплинарный; они же дали Ульмеру подробные и исчерпывающие сведения о дислокации запасных батальонов и других тыловых частей австрийской армии, дали точные характеристики и описания наружности командного состава этих частей; детально описали Ульмеру несколько маленьких городков и местечек и их жителей, так что Ульмер мог говорить о них так, как если бы являлся их уроженцем; познакомили Ульмера с правилами о документах всякого рода и особенностями железнодорожных порядков в военное время и т. п. Короче, Ульмер изучил у них все, что, так или иначе, могло облегчить побег из плена и быть использовано при совершении их.

Вернувшись по отбытии наказания за побег в Эстерготтабор, обогащенный такими ценными сведениями, прапорщик Ульмер прежде, чем бежать вновь, организовал ту

«школу для желающих бежать из плена», о которой я говорил выше. Создав эту школу и передав приобретенные познания лицам, ставшим во главе ее, прапорщик Ульмер сделал новую попытку побега.

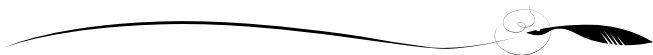
Подделав документы на имя австрийского вахмистра, выписанного из лазарета в один из запасных батальонов, из которого отправлялись маршевые роты на фронт, Ульмер, бежав из лагеря, явился в батальон на службу. Более двух недель исполнял он в батальоне обязанности вахмистра, а затем был отправлен на итальянский фронт.

Прибыв на фронт, Ульмер сделал попытку перебежать к итальянцам и сдаться, но был задержан и отдан под суд как дезертир. На суде выяснилось, что он является русским военнопленным офицером, и Ульмер, как обманно поступивший на службу в австрийскую армию, был судим, но уже как военный шпион осужден к смертной казни.

Австрийский офицер, защищавший Ульмера по назначению во время этого процесса, обжаловал приговор, доказывая, что Ульмер поступил в австрийскую воинскую часть не с целью шпионажа, а для облегчения себе побега из плена, что являлось его долгом, как русского офицера. «Его обязанность была попытаться бежать из плена, как наша обязанность препятствовать ему и задерживать его», — повторил защитник фразу, которую все мы, военнопленные, так часто слышали от германских и австрийских офицеров.

Суд согласился с этими доводами, и, оправданный по обвинению в шпионаже, Ульмер был осужден лишь к крепостному заключению за трехкратный побег из плена, что трактовалось как дисциплинарный проступок.

Сравнительно через короткое время Ульмер был амнистирован, кажется, по случаю какого-то из юбилеев императора Франца Иосифа и, вернувшись в Эстергом-табор, приступил к организации своего четвертого и последнего побега из плена. В подготовке его принять небольшое и притом только

чисто физическое участие пришлось и мне, и по поводу его была сказана фраза, подавшая мне мысль, осуществить которую я предполагал первоначально для своего побега из плена и осуществил для побега из плена генерала Корнилова.

Но буду рассказывать по порядку.

Спутниками Ульмера по последнему его побегу из плена были трое моих сослуживцев по корпусу — офицеры Финляндских стрелковых полков³⁹: штабс-капитан Чирковский, поручик Бом и прапорщик Вихма. Четвертым спутником был офицер, известный под именем прапорщика Сирокомского.

Мне приходилось слышать, однако, что это имя не было его настоящей фамилией. Говорил, что он был ранее офицером австрийской армии, но, принадлежа к числу тех поляков, которые надежды на восстановление Польского государства возлагали на Россию, он при самом начале военных действий бежал в Россию и поступил в Русскую армию. Раненый и взятый в плен австрийцами, он был вынужден назваться чужой фамилией, чтобы избежать смертной казни за государственную измену. Не знаю, сколько истины было в этих рассказах, но верно то, что прапорщик Сирокомский был поляком по происхождению, глубоким польским патриотом и большим другом России.

Именно от самой России, а не от держав ее союзниц он ожидал восстановления Польши. Мне вспоминается, как часто во время возникавших между поляками — офицерами русской армии споров, он поддерживал двукратный отказ России от предложений западноевропейских держав о разделах Польши — первый отказ еще при Петре Великом. Часто он вынимал из кошелька и показывал польскую монету, вычеканную в царствование Николая I в память Александра I с надписью: Александр I, Император Всероссийский, Восстановитель Королевства Польского. «Если Польша не была восстановлена, — говорил он, — то это вина не только русского

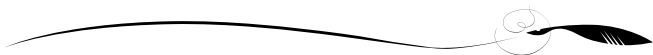

правительства, а в гораздо большей степени самих народов России и Польши, как-то фатально не могущих найти верной линии разграничения своих сталкивающихся интересов». В манифестах центральных держав о восстановлении Польши он не видел более конкретных данных, чем в воззвании великого князя Николая Николаевича, обращенном к полякам в начале войны. Требование присяги на верность императорам германскому и австрийскому, как покровителям Польши от польских легионеров австрийской армии, он считал доказательством неискренности намерения центральных держав восстановить независимость Польши...

Этот-то прапорщик Сирокомский был случайным помощником Ульмера в «Школе для желающих бежать из плена». Сам Сирокомский уже делал ранее две неудачные попытки к побегу.

В первый раз он пытался скрыться из лагеря среди бела дня, на глазах у часовых. Заготовив большой и прочный канат и прикрепив к одному из концов его тяжелый камень, Сирокомский забросил этот конец через лагерьный забор, быстро влез по канату и, соскочив с забора, оказался уже за чертой лагеря и пытался скрыться на глазах у ошеломленного часового. Опомнившись через минуту, часовой открыл огонь, которым Сирокомский был ранен в грудь...

Во время другой попытки к побегу Сирокомскому удалось с помощью подлинных датских документов, похищенных из кармана пальто одного из членов делегации датского Красного Креста, посетившей Эстергом-табор, не только спокойно выйти за черту лагеря, но и вполне «легально» переехать австро-германскую границу по пути к Дании. (Штатский костюм для побега был получен при помощи театрального кружка, уже описанным мною выше способом.) Сравнительно недалеко уже от границы Германии, Сирокомский, при проверке жандармерией документов в станционном зале, где он закусывал, был опознан и арестован.

Возвратившись по отбытии ареста в лагерь, он принял самое деятельное участие в организованной Ульмером «Школы побегов из плена».

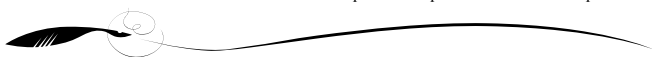
Тот побег, который Ульмер и Сирокомский предполагали совершить вместе с Чирковским, Бомом и Вихмой до известной степени облегчался общим улучшением положения военнопленных в Эстергом-таборе.

От делегации сестер милосердия австро-венгерского Красного Креста, объезжавшей лагерь австрийских военнопленных в России, поступили сведения об их лучшем сравнительно с русскими военнопленными в Австрии положении, и австрийское командование нашло возможность допустить некоторое увеличение свободы военнопленных и другие маленькие льготы и послабления в своих концентрационных лагерях.

На плацу для прогулки, на который ранее выпускали пленных на какие-нибудь полтора часа, заставляя остальное время проводить в своих кабинках, теперь можно было проводить почти целые дни. Была разрешена игра в футбол на том же плацу.

Между тем плац, как я говорил уже выше при описании лагерей, находился вне первой стены лагеря и при побеге не из самого лагеря, а с плаца для прогулок, эта стена и две линии часовых у нее выходили из расчета. Оставалась лишь одна вторая стена и одна линия часовых у нее, хотя во время прогулок несколько из них вводились внутрь плаца.

Возможность использовать плац была немедленно учтена Ульмером и Сирокомским. К коменданту лагеря обратились за разрешением устроить на плацу собственными силами небольшую площадку для игры в лаун-теннис. Разрешение было получено: были выданы лопаты, чтобы сравнять землю под площадку для лаун-тенниса, тачки, груды щебня и тумба для утрамбовывания. Все инструменты ежедневно принимались нами, членами импровизированного теннисного кружка,

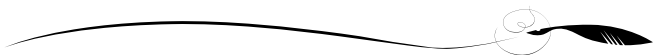
от дежурного по караулу офицера и сдавались ему по счету обратно перед окончанием прогулки.

И вот, устраивая площадку для тенниса, мы ссыпали удаляемую с нее землю не в одну общую кучу, а четырьмя небольшими замкнутыми валами, образующими внутри небольшую площадку. Что делалось на этой площадке, часовым было плохо заметно из-за окружающих ее валов. Когда же кто-нибудь из часовых приближался к площадке, его внимание старались отвлечь всевозможными способами. С хохотом, криком и шутками тащили заговорщики кого-нибудь из пленных офицеров, насильно усаживали его в тачку и то торжественно провозили его мимо глазеющего часового, то мчались с тачкой как сумасшедшие и сбрасывали сидящего в ней под самые ноги часовому. Невольно часовой обращал все свое внимание на эту возню и суматоху и не замечал, что тем временем творилось на маленькой площадке за валами. «Весело живет русским офицерам в австрийском плену», — должно быть думали часовые, наблюдая эти сценки...

А русские офицеры, там за валами, согнувшись, чтобы быть менее заметными, задыхаясь от спешки, рыли узкую и глубокую яму... Под полами шинелей проносили из лагеря доски из-под кроватей...

Перед уходом с плаца, вырытый ров прикрывали этими досками и засыпали их землей. Наконец, ров стал довольно обширным, чтобы вместить пять-шесть человек. Его плотно прикрыли досками и утрамбовали землю на них: получилось что-то вроде небольшого склепа. В этот склеп скользнули через оставленное отверстие Ульмер, Сирокомский, Чирковский, Бом и Вихма; затем и эту импровизированную дверь завалили досками и засыпали землей.

Беглецы были заживо похоронены. Воздух доходил к ним только через полую резиновую кишку для поливки улиц, которую где-то удалось раздобыть, и один конец которой был

проведен в самодельный склеп, а другой выходил наружу и был замаскирован, будто бы случайно брошенной тачкой...

Наступил вечер. Лопаты и тумбы были сданы дежурному по караулу офицеру, и пленные покинули плац и разошлись по своим кабинкам...

Прошла благополучно вечерняя поверка, также благополучно окончилась утренняя на следующий день: побег не был обнаружен. Когда дежурный офицер заходил для проверки в кабинки беглецов, на их койках лежали или искусно сделанные из всякого хлама куклы, прикрытые с головой одеялом, будто пленник уже лег спать, или другой пленный офицер, уже опрошенный, успел проскользнуть из своей кабинки в кабинку кого-нибудь из беглецов и отзывался вместо него на вопрос караульного. Только при вечерней проверке на другой день не удалось ввести в заблуждение караульного офицера куклами, лежавшими на кроватях беглецов, и побег был раскрыт...

Но что в это время было с самими беглецами?

Полузадохнувшиеся, лежали они в своем самодельном склепе, с нетерпением ожидая наступления ночи. Штабс-капитан Чирковский не сводил глаз со светящегося циферблата карманных часов...

Наконец наступил двенадцатый час ночи и один за другим, разбросав над собою доски, пленники выбрались из своей могилы. Под русскими шинелями на всех была австрийская военная форма, которую удалось достать обычным способом при помощи театрального кружка.

Ульмер был в офицерской форме и имел фальшивые документы на имя австрийского офицера; он должен был следовать далее одиночным порядком. Остальные пленные офицеры были переодеты австрийскими солдатами; у них был один общий документ, находившийся на руках у прапорщика Вихмы. Он изображал собою санитаря, провожающего из госпиталя партию тяжело раненных и уволенных

от службы австрийских солдат, возвращающихся в родную деревню у румынской границы. Кроме того, у поручика Бом было несколько бланков увольнительных записок для отпускаемых в город на прогулку солдат, которые мне случайно удалось привезти из резервного госпиталя № 3 в Будапеште, с печатями и штампом этого госпиталя.

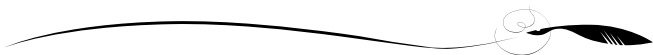
Осторожно подкравшись к стене плаца, пленные подкопались под нее и поодиночке выбрались наружу. Невдалеке от лагеря в поле они назначили место общей встречи; только один Ульмер, имевший отдельный документ, не должен был являться на условленное место и простился со всеми у ограды. Некоторое время спустя в лагере было получено письмо от него — уже из России.

Судьба остальных беглецов была иная, и им пришлось испытать еще много передрыг и неприятностей.

Когда поручик Бом последним проползал в отверстие под оградой плаца, он был замечен и задержан часовым. Остальные беглецы, не отошедшие еще далеко, видя задержание Бомы, бросились наутек в разные стороны.

Но поручику Бому удалось также избегнуть на этот раз ареста. Будучи шведом по происхождению и владея несколько немецким языком, он попытался уговорить часового отпустить его. «Дурак, — сказал часовому Бом, — какая тебе польза, если ты удержишь меня? Передо мною только что бежало около двадцати пленных, и ты не заметил этого и если даже удержишь меня, то все равно будешь отвечать. Но если ты меняпустишь, то никто не будет знать, во время какой смены часовых произошел побег, и тебе не придется быть в ответе. На, получай... и пусти меня», — и Бом подал часовому какую-то мелочь: две-три кроны.

Часовой отпустил Бому на свободу, но он тут же едва не попал снова в неволю. Видя, что спутники его разбегаются, он стал кричать им, чтобы они остановились и подождали его. Часовой стал предупреждать, что крик могут слышать

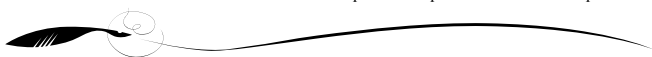

конные патрули, несущие службу кругом лагеря, но было уже поздно — патруль действительно направлялся к ним, привлеченный шумом.

Бом бросился бегом к ближайшим от плаца зданиям и, с трудом перескочив забор, очутился в каком-то большом дворе. В дальнем конце двора Бом различил несколько человек. Стараясь быть незамеченным ими, Бом вошел в уборную, находившуюся тут же во дворе, и увидел в ней несколько австрийских солдат. Он понял, что попал в казармы какой-то воинской части. Выйдя из уборной, Бом попытался скрыться, перелезши через стену, но был задержан дневальным, дежурившим у ворот. Дневальный вызвал дежурного своей роты. Дежурный, принимая Бома за рекрута запасного батальона, помещавшегося в казармах, стал допрашивать Бома, чего он перелезал через стену. Бом ответил, что хотел провести ночь у жены, которая якобы находится в городе и под утро возвратиться в казармы. «Ну, ступай, — сказал Бому дежурный, отпуская его, — только не опоздай на утреннюю перекличку, да принеси мне бутылку коньяка». Бом пообещал исполнить желание дежурного и, обрадованный, отправился на место условной встречи.

Штабс-капитан Чирковский и прапорщик Сирокомский были там. До утра они втроем поджидали прапорщика Вихму, но тот так и не явился. Испуганный задержанием Бома и полагая, что он один остался на свободе, Вихма, пользуясь тем, что документы были на руках у него, сразу с места побега направился на станцию железной дороги и без больших приключений достиг Румынии, а затем и России.

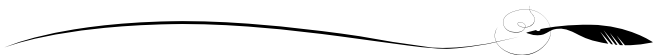
Наступивший день Чирковский, Сирокомский и Бом провели, прячась в кустах. Шел проливной дождь, и они промокли до нитки. Выйдя вечером из своего ненадежного убежища и так и не дождавшись прапорщика Вихму, они направились в город. Проходя мимо какого-то дома на окраине Эстергома, из окон которого доносилась музыка и пьяные выкрики, они

решили зайти в него, предполагая, что это мелкобразрядный ресторан или трактир. Но дом оказался заведением еще более легкомысленного характера. Беглецы спросили себе ужин, почистили запачканные от лежания в поле костюмы и, отказавшись от дальнейшего знакомства с обитательницами дома, расплатились и покинули его. Забавно отметить тот факт, что хозяйка легкомысленного учреждения, как выяснилось после, на следующее же утро донесла в полицию о «странных» посетителях, отказавшихся от сближения с жрицами свободной любви. Небезынтересна и резолюция, положенная начальником полиции на этом сообщении и гласящая, что такие посетители могут быть только русскими офицерами, бежавшими из плена.

Увидев на станции железной дороги жандармские патрули и не имея совершенно никаких документов, так как увольнительные записки могли быть использованы только в Будапеште, беглецы не решались зайти на вокзал и, выйдя из города, направились пешком вдоль течения Дуная. Их целью было достичь Будапешта. Здесь они намеревались обождать на станции отхода какого-нибудь воинского поезда с эшелоном, отправляемым на фронт, и уже после отхода его явиться к коменданту станции и заявить, что они отстали от эшелона, чтобы быть отправленными с одним из следующих эшелонов и попытаться перейти границу по прибытии на какой-нибудь фронт.

На следующий день пути они увидели на одной из паромных пристаней группу австрийских солдат, поджидавших парохода, идущего на Будапешт. Беглецы вмешались в их толпу, чтобы вместе проникнуть на пароход. При входе на пароход наряд военной полиции поверял документы у входящих; повернуть назад было уже поздно, но счастье на этот раз улыбнулось беглецам: кто-то толкнул шедшую впереди торговку яблоками, яблоки рассыпались по сходням, Чирковский, Сирокомский и Бом бросились помогать

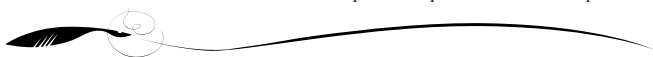
и подымать их, и полицейский, забыв поверить документы, пропустил их на палубу.

Здесь их ожидало новое испытание: их соседями оказалась дочь содержателя лагерной кантины, знавшая в лицо большинство военнопленных офицеров и несколько офицеров Эстергомского гарнизона, постоянно бывавших на спектаклях, которые устраивались нашим театральным кружком. Обычно перед каждым спектаклем прапорщик Сирокомский, безукоризненно владевший немецким языком, разъяснял со сцены значение пьесы и рассказывал вкратце ее содержание, и все посещавшие театр хорошо его знали.

И австрийские офицеры, и дочь кантиносодержателя долго и пристально всматривались в беглецов, и офицеры о чем-то перешептывались между собою; каждую секунду беглецы ожидали, что кто-нибудь назовет их по имени... Узнал ли их кто — Бог весть, но никто к ним не обратился и под вечер они достигли Будапешта.

Заполнив чернильным карандашом бланки увольнительных записок, они направились к станции железной дороги. Там они предполагали снять бинты и перевязки, на которых держали руки, играя роль раненых и приступить к разыгрыванию новой роли — отставших от эшелона. Но беглецы, ни разу, кажется, раньше не бывавшие в Будапеште, не знали плана города и заблудились. Было уже 8 часов вечера — время, до которого выдавались увольнительные записки лечебными заведениями, когда они, уже вблизи самого вокзала, были задержаны комендантским патрулем.

Напрасно они доказывали патрулю, что через несколько минут они будут уже в госпитале, так как Alföldi-gasse № 20, где помещался Reserve spital № 3, которым были помечены увольнительные записки, находится поблизости станции железной дороги. Напрасно заступалась за них собравшаяся публика, указывая, что записки просрочены на каких-нибудь десять минут и открыто возмущаясь, что «откормленные

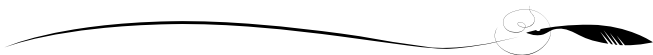

и засидевшиеся в тылу» солдаты комендантского управления арестовывают дравшихся на фронте и перераненных героев... Под возгласы негодования патруль препроводил Чирковского, Бома и Сирокомского в арестное помещение при комендатуре.

На следующее утро их вызвали к дежурному офицеру комендантского управления, который... обратился к ним, называя каждого по имени. Игра была проиграна. Арестованных препроводили для отбытия наказания на Эстергомскую гауптвахту, откуда они снова возвратились в концентрационный лагерь.

И вот, рассказывая мне о своих приключениях во время этого последнего побега, прапорщик Сирокомский с грустью заметил, что побег не удался, в сущности, из-за недостатка документов, а отбывать заключение за побег пришлось на гауптвахте, которая занимает второй этаж здания, в первом этаже которого свалена масса всевозможных документов, так как там помещается архив штаба какого-то австрийского (кажется 22-го) корпуса, заколоченный и не посещаемый, так как корпус находится на фронте. И когда я слушал этот рассказ Сирокомского, у меня сразу мелькнула мысль о возможности (мне трудно найти подходящее выражение, поэтому я выражусь грубо, резко и определенно) — о возможности ограбления этого архива. Я не считал тогда и не считаю теперь это ограбление преступлением; оно представляется мне исполнением воинского долга, как не есть преступление убийство в бою противника...

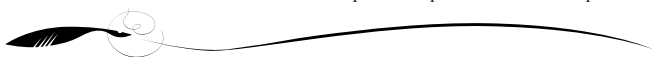
Одно время, когда я получил уверенность в возможности моего возвращения на родину как инвалида, я оставил эту мысль, но после встречи с прапорщиком Васильевым и его рассказов о Корнилове, я вернулся снова к ней, но уже для того, чтобы осуществлять ее не для себя лично, а для генерала Корнилова.

Но арестованные за незначительные проступки дисциплинарного характера помещались обычно по два человека в одной камере, и мне необходимо было заручиться заранее согласием, а может быть, и содействием моего возможного будущего сожителя по камере. Таким естественно должен был, мне казалось, быть Александр Васильев. Это было его право как участника первого неудачного побега Корнилова, или точнее подготовки к побегу. Но Васильев был отправлен в заключение в крепость... Ульмер бежал, Сирокомский после последней попытки к побегу находился под особенно тщательным наблюдением и слежкой и поэтому даже отошел несколько от «школы побегов», во главе которой стали капитан Пылев и поручик Крюковский (сибирский стрелок)... Бом также был под своего рода «негласным надзором». Кроме того, мне приходилось слышать, что Чирковский укрывает где-то полковое знамя, не то в сундуке с двойным дном, не то зашитым в подкладку своего офицерского пальто. Как бы то ни было, Чирковскому нужно было стараться быть особенно осторожным, чтобы полковая святыня не попала в руки врагов...

Мне нужно было самому искать себе союзника и помощника. Я колебался еще, к кому обратиться со своим предложением, производя в уме выбор между теми офицерами лагеря, с которыми успел ближе сойтись и которых считал более заслуживавшими доверия. Выбор этот затруднялся еще тем, что я не хотел обращаться ни к кому из офицеров более или менее близко стоящих к организации, подготовлявшей побег, чтобы возможный неуспех моего замысла не отразился на деятельности организации и «школы побегов». Этого требовала от меня простая добросовестность. Я не пришел еще не к какому решению, когда случай указал мне помощника в задуманном деле.

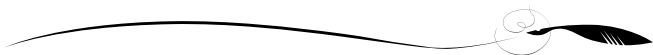
В это время в лагере подготовлялся массовый побег из плена. Из одной из кабинок производился грандиозный

подкоп, который шел подо всем лагерным двором и должен был закончиться за чертой лагеря. Подкоп удалось хорошо оборудовать материальными средствами. Доски из-под кроватей служили подпорами. Землю от уже вырытого хода выносили по частям и разбрасывали ночью на внутреннем дворе лагеря или выносили днем на плац для прогулок в карманах костюмов, землю же набивали свои матрацы и подушки, но все же скрыть такое значительное количество земли было затруднительно, и уже это одно задерживало ход работ.

При длине подземного хода в нем начинало не хватать воздуха: нужно было соорудить что-либо, вроде помпы для накачивания воздуха; при недостатке технических средств и в условиях жизни концентрационного лагеря, это казалось почти невыполнимой задачей, но и ее удалось каким-то образом разрешить. Помпы были устроены. Я не видел их лично и не знаю, каким путем и какими средствами создали их, но они не только были, но и действовали довольно успешно. Предстояло еще одно затруднение: подземный ход должен был проходить под местом, где находились часовые; перемена направления хода могла настолько удлинить его, что представлялась невозможной, а между тем существовало опасение, что часовые услышат глухой шум под землей и догадаются о его причине.

Необходимо было отвлечь внимание часовых в другую сторону. С этой целью был сфабрикован домашними средствами самодельный воздушный шар довольно крупных размеров и в ту ночь, когда подкоп должен был, по предположению его устроителей производиться под тем местом, где находились часовые, шар был наполнен горячим воздухом, вынесен на внутренний двор лагеря и пущен. Его подхватило ветром и понесло за черту лагеря. Так как он был наполнен не газом, а нагретым воздухом, то он должен был бы скоро упасть сам собою, но в темноте ночи неподготовленному человеку должно было показаться, что летит настоящий

воздушный шар. Так решили и часовые и открыли огонь по шару.

На одной из угловых вышек плаца для прогулок затрещал пулемет...

К изрешеченному пулями и упавшему на землю шару поскакали конные патрули...

Группы пленных, столпившись во дворе, наблюдали эту необычную в монотонной и серой лагерной жизни сцену. Рядом со мною стоял совсем неизвестный мне до того офицер, даже имени которого я не знал.

— Адски шикарно было бы в самом деле улететь из плена на воздушном шаре, — сказал он, обращаясь ко мне, — но, увы, это только несбыточная фантазия.

— Эта фантазия едва не осуществилась, — возразил я и рассказал о предположении генерала Корнилова улететь с Васильевым на аэроплане.

— Вот молодец! Неужели он до сих пор еще в плену? — справился мой собеседник, по-видимому, плохо осведомленный обо всем, что творится в других лагерях, а может быть, недавно попавший в плен.

Я охотно рассказал ему обо всем, что не являлось тайной и было известно почти всем, и заметил, что личность генерала Корнилова, которую я обрисовал со слов Васильева, произвела на него большое впечатление. Когда я, рассказывая о прохождении военной службы генералом Корниловым, описал ему переход Корнилова через Степь Отчаяния и его геройские разведки в Афганистане, мой собеседник заметил, что большое счастье пережить все то, то пришлось пережить генералу Корнилову, так как человек может всю жизнь стремиться принять участие в каком-нибудь рискованном предприятии, но ему никогда не представится к этому случая.

Сожаление, звучавшее в его словах, показалось мне искренним, и почти неожиданно для самого себя я предложил ему стать моим помощником в деле доставления необходимых

генералу Корнилову для побега документов. «Если Вам нравятся рискованные предприятия и приключения, то я могу предложить вам принять участие в маленькой аванюре, к сожалению, не очень опасной, но довольно интересной», — и я рассказал ему о моем замысле. Он немедленно согласился.

Только прощаясь, чтобы идти спать, мы вспомнили, что даже не знаем имени друг друга, и я узнал, что моего собеседника зовут поручиком Дворниченко.

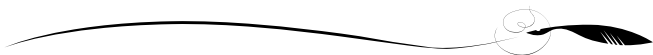
Через четыре дня мы могли приступить к выполнению задуманного плана.

Еще в ночь нашего разговора подкоп, о котором я упоминал выше, был почти закончен, и оставалось только вывести подземный ход наружу. Эту работу нарочно отложили на один день, так как был конец месяца (если мне не изменяет память, то марта 1916 года), и хотели получить перед побегом денежное содержание, которое должны были выдавать первого числа. Эта задержка погубила все дело.

Несколько офицеров, фамилий которых я теперь уже не запомню, сидя у раскрытого окна своей комнаты, за которым прохаживался часовой, по скверному русскому обычаю занимались болтовней, описывая в комическом виде растерянность австрийского командования, когда подкоп будет раскрыт, а в лагере не досчитаются многих офицеров. Случайно зайдя к ним в комнату, уже не помню, по какому делу, я услышал этот разговор и предупредил их, что часовой, который ходит под их окнами, по всей вероятности понимает русский язык, так как я слышал, как он напевал малорусскую песенку о стрелецкой могиле.

Не знаю, не пожелали ли они послушать моего предупреждения или не поверили ему, а может быть, оно уже запоздало, но вечером в лагере был произведен обыск, и подкоп раскрыт прежде, чем им успели воспользоваться.

На лагерь посыпались взыскания. Вообще, австрийское командование применяло в отношении военнопленных

принцип круговой поруки. Теперь же после удачного побега Ульмера и Вихмы и раскрытия подкупа, взыскания посыпались как из рога изобилия, чтобы запугать наиболее неустойчивых, которые из опасения разного рода неприятностей сами начинали отговаривать от побегов других офицеров, а то и просто доносить на них.

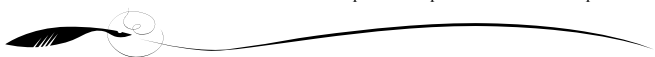
С этой целью были прекращены приемы писем для отправления в Россию и выдача писем, посылок и переводов, получаемых из России, были воспрещены спектакли и игры, прекращены прогулки за чертой лагеря и на плацу; прибегли к применению даже мер безусловно недопустимых по смыслу международных соглашений: были прекращены вожделение военнопленных в баню и отправление заболевших в госпиталь.

Но некоторые из этих строгостей должны были только облегчить... ограбление корпусного архива.

Сговорившись с поручиком Дворниченко, мы вдвоем стали играть в мяч на внутреннем дворе лагеря во время посещения его самим комендантом. Последний вспылил. «Это что, революция?» — кричал он, топая ногами, и я, и Дворниченко были отправлены на гауптвахту.

Таким образом, цель, которой мы добивались, была наполовину достигнута.

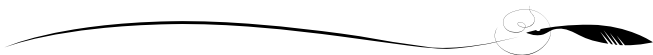
И той же ночью, на гауптвахте, стараясь производить возможно меньше шума, мы отодвинули в сторону переносную железную печь, установленную в нашей камере; захваченными с собой из театрального реквизита и тщательно припрятанными молотками и щипцами сорвали металлическую доску, на которой помещалась печь; при помощи тех же молотков и щипцов, карманной пилки и долота с величайшим трудом пробили отверстие в полу. Я выразился несколько неточно, говоря, что мы пробили отверстие, так как в первую ночь нашего пребывания на гауптвахте нам не удалось закончить всей работы и перед рассветом пришлось наскоро приводить наше помещение в старый по внешности вид.

Но уже к середине второй ночи нашего заключения в полу было пробито довольно широкое отверстие. По подобию веревки, образованному из наших костюмов, простынь и полотенец, плотно привязанной к ножке одной из коек нашей камеры, я и Дворниченко спустились в первый этаж помещения архива. Захватив с собою пачку уже заполненных и использованных бланков разного рода, мы тем же путем вернулись обратно; закрыли дыру, зиявшую в полу, металлической доской, прибили ее и установили печь на прежнем месте. При посещении камеры никто не мог бы догадаться, что под печью скрывается отверстие, ведущее в первый этаж, а архив, как я уже говорил выше, стоял закрытым и никем не посещался, так что наше хозяйничанье в нем могло еще долгое время оставаться необнаруженным.

Только тут мы вспомнили, что при возвращении с гауптвахты нам смогут произвести обыск, которого не сделали при отправлении нашем на гауптвахту. Весь третий день нашего ареста мы провели в этих опасениях. Если бумаги можно было надеяться зашить под погоны и в спинки наших шинелей и они могли быть незамечены при поверхностном осмотре, то наши плотничьи инструменты нельзя было ни пронести с гауптвахты незаметными, ни оставить в камере. Странно, что когда мы обсуждали раньше наш план, эта простая и, казалось бы, неизбежная мысль о возможности обыска как-то ни мне, ни поручику Дворниченко не приходила в голову. Ведь, в сущности, нам должны были произвести обыск при приеме нашем под арест! Но раз его упустили сделать тогда, то казалось как-то обидно, что он еще может быть произведен, и наше торжество полудостигнутым успехом кончится самым ребяческим постыдным провалом. Но этот мучительный день прошел, срок ареста окончился, и мы вышли с гауптвахты, не подвергнувшись и на этот раз обыску.

Похищенные из архива документы были благополучно доставлены в лагерь. Правда, они были уже использованы,

но в том, чтобы их снова сделать годными к употреблению, не встречалось большого затруднения. Через одного из военнопленных офицеров (если мне не изменяет память, то через штабс-капитана 74-го пехотного Ставропольского полка Пенского) мне удалось передать документы другому пленному офицеру — прапорщику, с которым я не был знаком лично, но о котором очень много слышал, — химику по специальности (кажется, фамилия его — Родионов). Он вытравил старые надписи на бланках, так что ни от них, ни от кислоты не осталось никаких следов, и бланки стали снова пригодными для пользования.

Часть этих бланков поручиком Дворниченко была передана, кажется, капитану Пылеву и поручику Крюковскому. Самым удачным из этой серии оказался, кажется, бланк, удостоверяющий командировку из какой-то автомобильной части за получением из различных казенных складов и покупкой в частных магазинах всевозможных автомобильных принадлежностей, с правом получения для перевозки их в часть вагонов и т. п. Бланком этим, как мне пришлось слышать после, удачно воспользовались для побега несколько офицеров.

Для себя же или, вернее, для генерала Корнилова я взял два бланка: 1) отпускной билет, выданный Эстергомским госпиталем, увольняемому в четырехмесячный отпуск по болезни солдату, следующему на родину, в деревню в окрестностях станции Лукаш, по пути и сравнительно недалеко от румынской границы; 2) удостоверение, помеченное Будапештом, на имя жандарма, следующего на станцию Оршова, близ самой румынской границы и командированного специально для поимки, бежавшего из плена... генерала Корнилова!..

Когда я был моложе, мне доставляло особое наслаждение создание таких маловероятных положений, своего рода игра неожиданностями, и поэтому, заполняя бланк, я не вписал

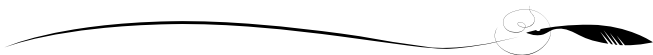
просто: «для поимки бежавших из плена русских пленных», а написал: «для поимки бежавшего из плена генерала Корнилова». Я не предвидел тогда, что точность такого указания будет иметь некоторое значение во время побега генерала Корнилова.

Итак, документы для побега имелись, но нужно было передать их генералу Корнилову; нужно было также помочь ему бежать из Лека, чтобы он имел возможность воспользоваться похищенными документами.

В Эстергом-табор сравнительно незадолго до похищения мною и Дворниченко документов прибыл прапорщик Аваш, караим по происхождению, находившийся прежде в том же лагере в Леке, где и генерал Корнилов.

Не так много времени до описываемых событий прапорщик Аваш сделал с двумя другими офицерами попытку побега из плена. Один из его спутников, ротмистр русской армии, носивший, если не ошибаюсь, польскую фамилию (кажется, Гриневецкий), был еще в мирное время женихом молоденькой венгерской графини Альмаши (если только имя ее не искажил прапорщик Аваш). Тоскуя в разлуке с невестой, ротмистр хотел воспользоваться побегом также для того, чтобы повидаться с нею перед оставлением пределов Венгрии. Напрасно спутники доказывали ему неосторожность свидания, могущего погубить обоих...

Беглецы направились к городку, где находился замок невесты. Прапорщик Аваш, у которого была ранена нога, отстал в пути, а два других офицера благополучно достигли городка и зашли в его единственную гостиницу. Дочь владельца гостиницы была подругой графини и знала ротмистра. Она также стала советовать ему скорее покинуть городок, где он легко мог быть опознанным, но насколько легко было давать благоразумные советы, настолько трудно было слушать их. К тому же беглецы считали свои документы безукоризненно подделанными. Они отдали их дочери владельца гостиницы

для прописки, но когда та принесла их в полицию, ее арестовали.

Оказались ли документы не так хорошо сфабрикованными, как это предполагали сами беглецы, или кто-нибудь из жителей городка узнал ротмистра и донес на него, но полиция явилась в гостиницу и арестовала обоих офицеров, а в скором времени в окрестностях городка был арестован и прапорщик Аваш. Была арестована и молодая графиня, заподозренная в содействии побегу жениха, хотя в действительности она даже не слышала о нем, и говорили, что ей грозит смертная казнь за измену отечеству.

Прапорщик Аваш только очень недолго пробыл под арестом и был затем переведен в другой лагерь — замок Ашурани. Такие переводы из одного концентрационного лагеря в другой часто применялись австрийским командованием к пленным офицерам, покушавшимся на побег, чтобы пребыванием в новой незнакомой обстановке затруднить повторение попыток к побегу; для самих же военнопленных эти переводы служили средством сообщения между различными лагерями.

В замке Ашурани прапорщик Аваш пробыл только очень непродолжительное время и был снова переведен на этот раз в Эстергом-табор. Ашурани, как и Лека, был так называемым штаб-офицерским лагерем, и перевод из него в Эстергом-табор, являвшийся одним из наиболее типичных «обер-офицерских» лагерей, был наказанием для прапорщика Аваша за столкновение, бывшее у него с австрийскими властями в Ашурани.

Причины этого столкновения очень характерны для того времени. В Ашурани приезжим православным священником австрийского военного ведомства и австрийским же подданным совершалось богослужение для военнопленных офицеров. Прислуживали при богослужении и исполняли обязанности певчих несколько пленных же русских солдат.

Когда в порядке богослужения приблизилось время певчим исполнять молитву за Отечество («Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние Твое»...), священник приказал военнопленным певчим помянуть австрийского императора. Солдаты повиновались и по комнате, где разносились слова молитвы: «победы благоверному императору и королю Францу-Иосифу на сопротивных даруя...», среди офицеров наступила минутная растерянность.

Опомнившийся первым, прапорщик Аваш обратился к солдатам с приказанием замолчать.

— Я сам не православный и не христианин, — обратился к певчим Аваш, — но я — русский офицер и я запрещаю вам помянуть в богослужении и молиться о даровании победы императору, страна которого в войне с Россией. Вы — русские солдаты, и вы должны молиться о даровании победы нашему государю императору Николаю Александровичу!

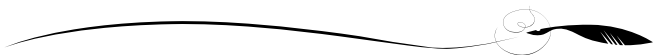
— Это вы сами молчите, фендрик*! — кричал в свою очередь священник. — Я старше вас рангом: я имею чин капитана, а Вы только фендрик. Вы видите нашивки у меня на рукаве? (Австрийские военные священники имели чины, соответствующие воинским, которые различались по галунам на рукавах рясы или сюртука.) Ваши солдаты должны слушать меня! Я приказываю петь: победа Францу Иосифу!..

— Вы для меня не капитан, а духовное лицо, — возражал Аваш, — и кто бы вы ни были, Вы не имеете права требовать от русских военнопленных измены. Я приказываю петь: победы Николаю Александровичу...

Солдаты растерянны и испуганно молчали. Богослужение прекратилось.

Через два дня прапорщика Аваша, как беспокойного, перевели в Эстергом-табор, а относительно исполнения

* Фендрик (нем. fähnrich — «знаменщик») — так до 1730 г. называли прапорщика. (Примеч. ред.)

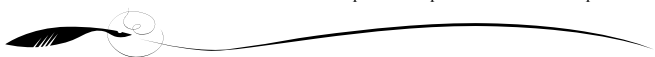

молитвы за отечество в лагерях военнопленных австрийским военным министерством был издан циркуляр, что ни австрийский, ни русский императоры не должны в ней упоминаться, что каждый военнопленный вправе молиться о даровании победы своему оружию, но что такое же право имеют и православные австрийско-поданные и что поэтому исполнение молитвы за отечество при богослужении, совершаемом в присутствии подданных разных стран должно ограничиться первыми словами молитвы: спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние Твое...

От прапорщика Аваша, который еще недавно был в Леке вместе с Корниловым, я старался разузнать возможность пересылки туда документов для облегчения Корнилову побега в условиях жизни в Леке.

Я убедился, что если даже мне удастся каким-либо образом переслать Корнилову документы, то бежать из Лека будет для Корнилова все-таки почти невозможно. Комендант концентрационного лагеря в Леке, подполковник Машке, имел несколько личных столкновений с генералом Корниловым и очень усилил после этого надзор за своим пленником, доводя его подчас даже до совершенно излишней и неуместной мелочности.

Уже с первого дня прибытия генерала Корнилова в Леке между ним и подполковником Машке начались недоразумения. Высоко ставя свое воинское звание, Корнилов требовал, чтобы Машке как младший по чину первым отдавал ему честь и, заходя в комнату, которую Корнилов занимал в замке, не садился бы без его разрешения. Подполковник Машке полагал, что такие требования со стороны военнопленного по отношению к коменданту концентрационного лагеря недопустимы. Австрийское военное министерство согласилось с точкой зрения генерала Корнилова, полагая, что офицеры и в плену сохраняют свои чины и что офицеры разных, хотя бы и воюющих между собою стран, как бы являются члена-

ми одного рыцарского ордена, уставы и традиции которого всегда остаются неизменны.

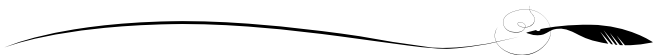
Подполковнику Машке пришлось подчиниться, но он стал изводить Корнилова мелочными придирками. Так, когда, например, Корнилов получил из России в посылке конфеты, называемые «пьяными вишнями», Машке распорядился разрезать и раздавить каждую вишенку, будто бы в них могла заключаться какая-нибудь контрабанда. Постепенно обе стороны озлобились, и пленные офицеры Лека каждый день опасались какого-нибудь несчастья.

Внешне сдерживаясь, генерал Корнилов старался, по его выражению, «поставить подполковника Машке на место» неуловимыми колкостями, к которым трудно было придраться, и на каждом шагу давал почувствовать Машке свое превосходство. Тупой и ограниченный, подполковник Машке чувствовал пренебрежительное отношение к нему генерала Корнилова, выходил из себя и не мог скрыть своих мстительных чувств.

Чуть не накануне побега прапорщика Аваша из Лека между Корниловым и Машке произошло одно из самых крупных столкновений.

Подполковник Машке имел обыкновение производить ночью поверку, все ли военнопленные налицо. Закутанный в черный плащ, с револьвером в одной руке и потайным фонариком в другой, Машке лично руководил этими поверками, неожиданно направляя свет фонарика на глаза спящего пленника.

И вот как-то Корнилов, разбуженный среди ночи таким визитом, язвительно обратился к Машке: «Простите, подполковник, но, может быть, вы не откажете сказать мне, из какой оперетки вы играете сейчас роль с вашим черным плащом, револьвером и потайным фонариком?» Взбешенный Машке ответил какой-то резкостью, на которую Корнилов ответил также резко. Машке бросился к Корнилову, крича: «Я буду

стрелять, я ударю вас!», и его едва удержал дежурный по караулу офицер. Корнилов ответил вызовом подполковника Машке на дуэль. Дуэль должна была состояться по окончании войны...

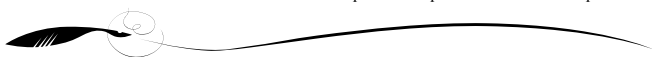
Этот инцидент послужил поводом для слухов, будто у генерала Корнилова было какое-то столкновение с эрцгерцогом Фридрихом⁴⁰, и последний ударил по лицу русского генерала.

Молва, всегда преувеличивающая, не остановилась перед явными несообразностями, и самые невероятные слухи в десятках вариантах распространялись по лагерям.

Чтобы быть понятым, я должен здесь сделать небольшое отступление. Не у всех людей одинаковые представления о воинской чести и о том, как обязан поступить офицер в том или другом случае; в России же этики офицерства, как обособленного класса, в сущности, не существовало; само офицерство, включавшее в себя самые различные классы общества с взглядами и мнениями, сложившимися под влиянием самого неодинакового быта, самых противоречивых тенденций, в особенности во время войны, было лишь частью русской разномастной интеллигенции и было проникнуто общеинтеллигентскими настроениями. Хорошо ли это или дурно — это другой вопрос, которого я касаться не буду, но несомненно, что благодаря этому факту было лишь немного общих основных положений, которые могли служить связывающими звеньями в офицерской среде, и даже по очень важным вопросам одинаково порядочные люди могли держаться самых противоположных взглядов.

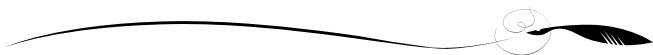
Позже гражданская война содействовала известному расслоению офицерства на более тесно связанные общностью взглядов и убеждений, более монолитные, так сказать, группы, но и по сейчас этот процесс своеобразной кристаллизации представляется мне незакончившимся.

В то же время, к которому относятся мои воспоминания — весной 1916 года, один офицер мог очень часто рас-

сказывать про другого что-либо, считаемое рассказчиком нисколько не позорящим того и даже, напротив того, доказывающим высокую порядочность того, о ком он говорит, а этот другой (офицер) считал бы то же самое совершенно недопустимым и бесчестящим.

Приведу наиболее резкий и грубый пример: всем служившим в русской армии известно, как распространены были еще с 1914 года, с самого начала мировой войны, слухи о якобы собственноручных расправах великого князя Николая Николаевича⁴¹ со многими из принадлежавших к высшему командному составу, о том, будто он ударил по лицу и сорвал погоны с того или другого из командующих армиями и командиров корпусов за проявленную нераспорядительность и неспособность; назывались даже имена: генерала Селиванова⁴², генерала барона Зальца⁴³ и т. д. В то время как одни относились к этим слухам не только с нескрываемым одобрением, но даже с восторгом, и именно эти слухи содействовали популярности великого князя Николая Николаевича среди части офицерства, другие, также доверяя этим, тогда еще не опровергнутым, слухам, относились к ним с решительным осуждением. При этом решающим моментом были зачастую вовсе не политические убеждения того или другого офицера: в числе офицеров, одобрявших или не одобрявших действия великого князя были люди самых разнообразных оттенков политической мысли — от крайних правых до крайних левых... Решающим моментом были именно понятия о «честь мундира» и воинской чести, признание приемлемости или неприемлемости того или иного действия для офицера и обязательность для него поступать так или иначе именно потому, что он военный служащий и офицер, то есть решающей была этика офицерства, как общественной среды, имеющей свой особый быт и, естественно, имеющей поэтому особые традиции — желательно ли это или нежелательно, но в данный исторический момент являющейся таковой.

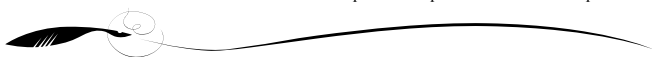

Точно так же, но значительно позже описываемого мною времени, в дни мартовского переворота, решающим моментом в отношении к хотя и безусловно ложным и опровергнутым теперь документально, но тогда принимавшимся широкими массами офицерства за шутку, слухам о красных бантах на груди великих князей Кирилла Владимировича⁴⁴ и Николая Михайловича⁴⁵, генерала Краснова⁴⁶ и других, были зачастую не политические убеждения, не сочувствие или несочувствие революции, а именно этика офицерства или хотя бы специальная воинская этика.

Даже теперь в Красной армии решающую роль в решении внутреннего, хотя и не выражаемого открыто отношения к тому или другому вопросу играют часто не политические убеждения того или другого лица командного состава, а именно понимание им воинской этики, иногда расходящееся даже с его партийными убеждениями...

При уже подчеркнутом мною различном понимании воинской этики и различном толковании ее требований ясно, что в числе слухов, распространившихся в концентрационных лагерях по поводу несуществовавшего столкновения генерала Корнилова с эрцгерцогом Фридрихом, были такие, которые сам Корнилов считал оскорбительными для себя, хотя их и не считали такими повторявшие их офицеры и солдаты.

Все это нервировало Корнилова и угнетало. Мне кажется, что настроения этого времени бессознательно воспитали или углубили в нем ту несомненно несколько несправедливую и предубежденную враждебность к немцам и всему немецкому, которую в нем можно было подметить. Если он был чересчур крупным человеком для того, чтобы эта предубежденность стала в нем смешной, то он все же не мог освободиться от нее, да это и было бы неестественным и психологически невозможным после всех обстоятельств его плена.

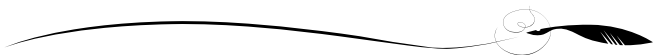
После описанного столкновения Корнилова и подполковника Машке режим, введенный Машке по отношению к Корнилову, сделался почти невыносимым. К счастью для Корнилова, Лек все же был «штаб-офицерским», то есть несколько привилегированным лагерем, что до известной степени как бы психологически связывало подполковника Машке.

Может быть, это странно звучит, но размер произвола коменданта как бы предопределялся самым типом лагеря. Это и не было прямым распоряжением австрийского командования, но это было психологической неизбежностью; размеры произвола коменданта и тип лагеря как бы логически происходили один из другого...

После столкновения с подполковником Машке слежка за Корниловым естественно должна была усиливаться.

У Корнилова был в Леке денщик — Дмитрий Цезарский, или Цесарский (фамилия его в разных документах была написана различно), происходивший из Симферополя или — не помню сейчас хорошо — только имевший в этом городе маленький фруктовый киоск. Этому денщику австрийское командование обещало платить сравнительно крупную сумму, чтобы он доносил о каждом подозрительном шаге Корнилова. (Я, кажется, забыл ранее упомянуть, при описании условий жизни в плену, что во всех не смешанных концентрационных лагерях, то есть в тех, которые предназначались исключительно для офицеров, к последним назначались австрийским командованием денщики из числа пленных солдат — по одному на группу в четыре–шесть обер-офицеров и на каждых двух штаб-офицеров, военнопленным же генералам полагался каждому отдельный денщик.)

Так как в почти всех лагерях у военнопленных [есть] благодетели или подкупленные среди австрийских солдат, то генералу Корнилову немедленно стало известно о сделанном Цезарскому предложении, и он прямо сказал об этом Цезарскому, смотря ему в глаза:

— Я — русский генерал. Я должен бежать из плена. Буду пытаться бежать. Рано или поздно — я бегу. Знай это... Если ты — русский солдат — можешь предать и продать своего генерала — продай меня!

Корнилов знал русского солдата и знал, как нужно говорить с ним. Он не был таким блестящим оратором и стилистом, как, например, генерал Деникин, и часто говорил, что ему сравнительно трудно сказать речь к солдатам, но легко разговаривать с ними.

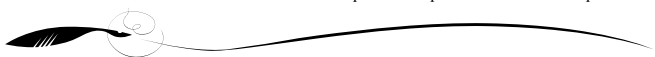
Цезарский упал на колени.

— Ваше превосходительство! Пусть меня расстреляют австрийцы — я вас не выдам! И я буду помогать бежать Вашему превосходительству.

И после этого не было уже ничего, что могло бы сломать преданность Цесарского. Он был предан Корнилову, как собака — отзывался о нем другой человек, жертвовавший за Корнилова своею жизнью, чех Франц Мрняк. Обожание Цесарским генерала Корнилова бросалось в глаза при первом взгляде — своею жизнью и смертью в каземате австрийской крепости Цесарский доказал свою верность воинскому долгу и присяге своему любимому вождю.

Тяжесть пребывания Корнилова в Лека и трудность побега из этого лагеря увеличилась еще тем, что у Корнилова сложились обостренные отношения с некоторыми из военнопленных офицеров лагеря. Заранее можно было предвидеть, что такие отношения должны были возникнуть между ним и одной, хотя небольшой численно, но сплоченной и деятельной группой.

Дело в том, что неустанная и планомерная агитация революционно-пораженческого и сепаратистского характера, которая с самого начала войны велась среди военнопленных, не могла не сказаться. Некоторые офицеры и солдаты становились платными агентами австрийской и германской лагерной комендатуры. Они получали вознаграждение под

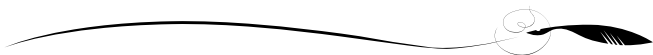

видом денежных переводов и посылок якобы получавшихся ими от родственников от России.

Получали ли они кроме этих сравнительно небольших выдач более крупные суммы, которые не могли быть выдаваемы им в лагерь, чтобы не обнаружить их, или продавали Отечество за гроши — я не имею возможности сказать. Архивы военных министерств могли бы дать иногда интересные ответы на вопрос, сколько стоит человеческая совесть.

В числе таких агитаторов было много солдат из числа более или менее интеллигентных, рискнувших при пленении самозвано выдать себя за офицеров, чтобы находиться во время плена в более привилегированном положении. Когда такое самозванство разоблачалось (чаще всего, благодаря случайным встречам), лагерная комендатура обычно ставила условием дальнейшего содержания таких самозванцев на офицерском положении согласие вступления на агентурную службу агитатором или шпионом, а иногда и тем, и другим вместе. Разоблаченного в одном лагере самозванца переводили после этого в другой лагерь, где его еще не знали. Благодаря тому, что военнопленные офицеры вообще переводились иногда из одного лагеря в другой, в особенности после побегов, то часто случалось, что самозванцев разоблачали снова и снова, и им приходилось кочевать из лагеря в лагерь. В отношении таких самозванцев австрийское командование иногда оказывалось очень неразборчивым и брало совершенно не подходящих людей.

Так, в Эстергом-таборе во время моего пребывания там был разоблачен один самозванец, выдававший себя за военного врача и бросавшийся в глаза невежеством и тупостью совершенно исключительными, и что же? Лагерное командование перевело его даже не в другой лагерь, а в госпиталь для военнопленных, где с первого же дня больные, попадавшие к нему на осмотр, стали высказывать сомнения коменданту госпиталя в медицинских знаниях лжеврача; комендант

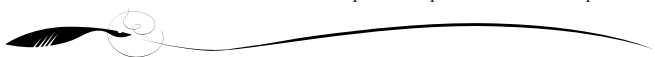
отказывался даже выслушивать эти заявления, пока вновь поступивший в госпиталь раненый офицер не опознал в лжевраче санитаря своей роты, и лжеврача только перевели снова в лагерь — понятно, опять новый.

В другой раз я был свидетелем, как самозванец, выдававший себя за офицера Донского казачьего войска... не знал даже цвета лампас своего войска. Он всплыл после этого в другом лагере, но уже под видом армейского прапорщика.

Но были в числе таких агитаторов и настоящие офицеры, иногда высокоинтеллигентные, но... купленные лагерной комендатурой. Были, разумеется, и идейно убежденные люди, искренно верившие в истинность своих идеалов.

Следует заметить, что если из шпионов в офицерские лагеря обычно назначались дельные и способные, то из агитаторов наиболее талантливые и энергичные назначались в солдатские лагеря, а в офицерские попадали наиболее бесцветные и бездарные.

Для популяризации желательных австрийскому военному командованию идей среди военнопленных широко распространялась издаваемая при австрийском генеральном штабе газета «Русские известия». Агитационная работа при помощи последней проводилась очень планомерно и постепенно. Начавшись защитой прав законодательных учреждений в рамках строгой легальности и доказыванием необходимости ответственного министерства с Милюковым⁴⁷ во главе, как-то незаметно переходя к пропаганде социалистических лозунгов и панегирикам Керенскому⁴⁸, агитация «Русских известий», будто не вступая в противоречие со своими прежними положениями, а вполне логически, заканчивалась проповедью большевизма и славословием Ленину и Троцкому. Самым уязвимым местом этого издания, бросавшимся в глаза логической бессмыслицей, были его постоянные нападки на тайную поддержку, оказываемую британским посольством в Петербурге тем же идеям, которые проповедовались «Известиями».

И под этим *soit disant** органом социалистической мысли красовалась подпись императорского и королевского капитана генерального штаба Гуго Нагеля и адрес типографии Военного министерства.

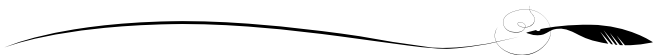
Пропаганда пораженчества, ведшаяся «Известиями», имела своих агентов и защитников среди военнопленных офицеров лагеря Лека, и между ними и генералом Корниловым все время шла ожесточенная борьба.

Споры и столкновения, проходившие на этой почве, принимали самые резкие формы. Как-то в споре с Корниловым генерал-лейтенант Мартынов, утверждая, что для установления в России республиканского строя необходимо скомпрометировать монархию всеми средствами и способами, какие только представятся, начиная распространением слухов, опорочивающих личность членов царствующей династии и обвинениями их в измене интересам России и кончая содействием поражению России в мировой войне, упрекал генерала Корнилова в недостатке последовательности его политических убеждений. Генерал Мартынов цинично закончил, что считает себя как республиканца обязанным помогать поражению русской армии и надеется быть военным министром будущей русской республики, тогда как Корнилов так и умрет начальником дивизии, если будет останавливаться на полдороге.

— Вы — не республиканец и никогда не были и не будете действительно республиканцем, Вы — просто изменник! — крикнул Корнилов, бросив в Мартынова стулом, на спинку которого опирался во время разговора, повернулся на каблучках и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

И таких столкновений было не одно и не с одним генералом Мартыновым, который, кстати, как я слышал, уже тут в Праге (от генерала Чернавина⁴⁹) состоит в настоящее время на службе в Красной армии.

* Правильно *soi-disant* — *фр.* «так называемый». (Примеч. ред.)

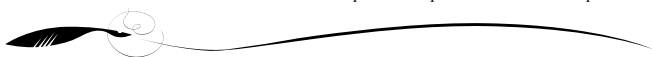

Но если не могло быть никакой речи о возможности сколько-нибудь спокойных отношений между генералом Корниловым и пораженцами, в искренность и неподкупность убеждений которых он не верил, то вообще по своим политическим воззрениям Корнилов не мог сойтись с большинством военнопленных офицеров лагеря Лека, как монархистов, так равно и республиканцев. Если прямота и глубокая убежденность его взглядов вызывали уважение в политически несогласных с ним офицерах, то та же прямота и искренность были причиной частых споров.

Высказывая открыто республиканские взгляды и будучи сторонником буржуазно-демократического республиканского строя и противником социализма, который он считал опасной утопией, генерал Корнилов признавал необходимость эволюционного развития государственных форм и был врагом революционных методов борьбы не только во время войны, но и в мирное время. На революционную же борьбу в то время, как Россия находилась в войне с внешним врагом, генерал Корнилов смотрел как на государственную измену.

Если во всем этом Корнилов сходиллся с большинством из офицеров республиканцев и даже с частью монархистов, допускавших эволюционирование государственного строя, то в своих взглядах на взаимоотношения понятий государства, верховной власти и народа Корнилов не мог согласиться с подавляющим большинством и республиканцев, и монархистов.

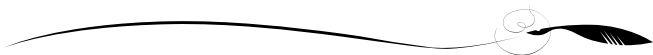
Корнилов был по убеждениям крайним «государственником» (употребляя этот термин за отсутствием другого, который более соответствовал бы той преобладающей надо всем идеи государственности, сторонником которой он был). В представлении Корнилова не только верховная власть (будь она монархическая или республиканская, безразлично), но и народ являлись служебными подчиненными понятиями по отношению к идее государства. «И верховная власть наро-

дов должна быть слугами государства», — говорил Корнилов. Но почти все без исключений офицеры, придерживавшиеся республиканских взглядов, держались того убеждения, что не только верховная власть, но и государство является слугами народа, благодаря чему создавалось неожиданное положение, что в этой области своих политических убеждений безусловный республиканец генерал Корнилов более сходилась с монархически мыслящей частью офицерства.

Так как среди монархистов были или лица, не отделяющие в своем представлении личности монарха от государства, смотревшие на него как на олицетворение и символ государства и сливавшие воедино эти два понятия, или лица, считавшие, что монарх должен быть слугою государства и даже первым слугою своего народа, то и создавалось то положение, что генерал Корнилов не был вполне ни с республиканцами, ни с монархистами. «Будучи республиканцем, я лишь скрепя сердце подчиняюсь монархической власти, даже если она будет слугою государственных интересов, так как полагаю, что республиканская власть лучше может их обеспечить, — говорил генерал Корнилов, — но я не признаю и не подчинюсь республиканской власти, которая интересы громадного большинства и даже всего народа ставила бы выше интересов государства. В возможностях верховной власти почти всегда только проходящие и временные интересы народа и очень часто — вся судьба и будущее государства. И если бы республиканская власть постановила сохранение республиканского строя выше интересов государства и народа, я, не будучи монархистом, защищал бы тот монархический строй, который выше самосохранения поставил бы интересы государства». Я передаю не дословно, чтобы соединить несколько отдельных фраз, говорившихся Корниловым не один раз, но вполне сохраняя смысл, высказывавшихся им положений.

Если теперь эти положения, быть может, могли бы вызывать большой отклик и встретить больше сторонников, то в

то время их разделяли очень немногие. Люди разных лагерей и разных убеждений, относясь с глубоким уважением к личности генерала Корнилова и его боевым заслугам, могли лишь с тем же уважением отнестись и к его взглядам, не разделявшимся ими — и это было уже явлением исключительным, так как умение уважать чужие убеждения одинаково редко встречалось и среди монархистов, и среди республиканцев, — и генерал Корнилов должен был чувствовать себя очень одиноким.

Мне кажется, что сознание этого одиночества, понимание того, что иногда более близкие ему по душевным настроениям люди могут быть фатально отделены от него расхождением в том или ином вопросе и более чуждые казаться когда-нибудь единомышленниками — было душевной трагедией Корнилова, по крайней мере, в этот период его жизни.

Был еще один вопрос, по которому генерал Корнилов, хотя имел много сторонников и среди республиканцев, но столько же ожесточенных противников в обоих лагерях. Это идея о желательности создания какого-либо надгосударственного авторитета. Отчасти под влиянием тяжести войны — не только материальной, но и моральной — и сознания той огромной психологической травмы, которую война нанесла всему человечеству, идея эта в то же время, можно сказать, носилась в воздухе и имела горячих и убежденных защитников.

Сам генерал Корнилов признавал идею о таком внегосударственном авторитете естественной и нормально-прогрессивной, но признавал образование его только естественным путем группировок отдельных держав в рамках объединения. Идеологическое и искусственное объединение путем конгрессов и соглашений и создание тем или иным образом авторитета, стоящего выше государственного, казалось Корнилову неприемлемым.

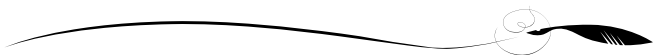
Корнилов всегда подозревал, что, как бы ни называлось и на каких основах ни действовали бы такие интернационалы на генезис, в них всегда преобладающее влияние было бы за силами, которые остались бы неназываемыми и находились за кулисами политической жизни, а интересы России никогда не были бы достаточно защищены.

Корнилов признавал подход к человечеству только исходя от личности, семьи и отечества, и любовь к отечеству стояла впереди любви к человечеству. Иной, а тем более обратный подход, казался ему более неестественным и противным человеческой природе.

В сущности же, главные доводы Корнилова в этих спорах были доводами не от разума, а от сердца, и, стараясь быть беспристрастным, я должен признать, что сторонники противоположных взглядов были сильнее и в эрудиции, и в диалектике.

Для такого страстного националиста как Корнилов, для которого ничего не было выше имени России, все доводы в пользу авторитета, стоящего выше государственного должны были казаться государственной изменой...

Все это должно было мучить Корнилова и заставлять его еще более желать вырваться из этой атмосферы споров, столкновений, взаимного непонимания и недоверия, а иногда и действительного предательства и стремиться снова на фронт, где он сознавал, что может принести пользу. От офицеров, недавно попавших в плен, он знал о настроениях в армии и знал, что многое, чему был свидетелем в плену, в других формах происходит и там, в армии, что и там ведется подготовка поражения и создания настроений, способствующих ему. В то же время, доверяя распространявшимся среди пленных слухам о германофильских настроениях в правительстве и стремлении его к заключению сепаратного мира, Корнилов говорил, что помимо борьбы на фронте, надо вести борьбу на два фронта. Но благодаря

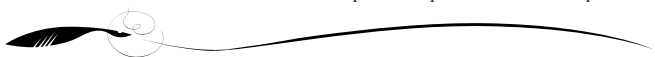

все усиливавшейся слежке побег из Лека с каждым днем становился невозможнее.

В официальном австрийском документе-извещении военного командования на имя коменданта резервного госпиталю в Кёсеге указывалось, что Корнилов пытался совершить побег из Лека, но побег был предотвращен стараниями тамошнего коменданта замка.

Я не могу утверждать категорически, что попыток побега генерала Корнилова из Лека не было, но ни от самого генерала Корнилова, ни от каких-либо других лиц мне ничего не приходилось слышать о реальной попытке к побегу из этого лагеря, и я лично склонен предполагать, что сообщение прешпуркского военного командования основывалось лишь на похвальбе о предотвращении побега со стороны подполковника Машке. Сам же Корнилов рассказывал мне лишь, что он все время думал и стремился к побегу из Лека, но не имел надежды на его успех.

Теря последние надежды на этот успех, Корнилов передал одному офицеру-инвалиду, который должен был по обмену уезжать в Россию и фамилию которого я, к сожалению, забыл, записку к своей семье (жене, дочери и сыну), жившей в то время на Кавказе, в Ессентуках. «Дорогие мои, — писал в этой записке Корнилов, — простите, если я оставлю вас сиротами. Я не в силах дальше переносить плен и свою теперешнюю бесполезность для России. Я знаю, что наше правительство предлагало австрийскому отпустить меня из плена в обмен на фельдмаршал-лейтенанта Кусманека (коменданта Перемышля), но австрийское командование отказало. Может быть, оно согласилось бы освободить меня в обмен на двух-трех своих генералов, находящихся в плену у нас. Сделайте, что возможно для этого: я думаю, наше правительство согласится, что я стою такой мены. Если вам не удастся меня освободить или мне не удастся в скором времени бежать отсюда, я покончу

жизнь самоубийством. Простите, мои дорогие. Лавр Корнилов».

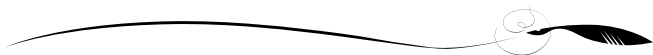
Эту записку, которую я цитирую по памяти, так как она не уцелела, офицер провез в Россию, спрятанной от полицейского досмотра в тумбочку с зубной пастой, но так как этому офицеру пришлось еще долго ожидать своей очереди на отправление в Россию в каком-то из госпиталей, в которых задерживали инвалидов для переосвидетельствования (Брюкс, Егер, Райхенберг, Терезиенштадт — в Австрии, Лайт-мориц — на Рюгене, в Германии), то еще очень нескоро эта записка была доставлена по адресу.

Таково было положение дел к тому времени, когда прибытие в Эстергом-табор прапорщика Аваша доставило мне сведения о жизни в Леке генерала Корнилова и возможности для него побега оттуда.

Понятно, сведения, сообщенные мне прапорщиком Авашом, были не так подробны и многое из того, что я здесь говорил о жизни в Леке и настроениях генерала Корнилова, я сам узнал уже позже от него самого, но все самое главное и существенное, необходимое для заключения ближайших конкретных выводов, было мне рассказано прапорщиком Авашом.

Для меня было ясно, что медлить в доставке генералу Корнилову документов, которые могли бы облегчить ему возможность побега, слишком рискованно, но вместе с тем я боялся толкнуть генерала Корнилова на какую-нибудь попытку, имевшую слишком мало шансов на успех, и быть, хотя отчасти, виновником его преждевременной гибели.

Все, что мне приходилось слышать и узнаваться о Корнилове от Аваша и других офицеров, знавших его, заставляло меня проникаться все большим уважением к нему. Из всего, что я слышал, мне было ясно, что по своим политическим взглядам, убеждениям и симпатиям генерал Корнилов и я лично никогда не сойдемся, что мне будут казаться оши-

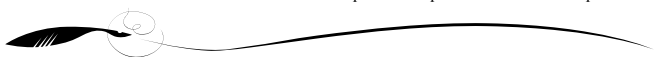
бочными многие из его мнений, но для меня было слишком очевидно, что к Корнилову нельзя подходить с условной меркой партийных убеждений. И прежде всего, для меня Корнилов был слишком выдающимся офицером, человеком имевшим такие заслуги перед русской армией и могущим принести ей в будущем такую пользу, что всякая мысль о нашем политическом разномыслии не только была бы безусловно недопустима, но и изменой перед Русской армией.

Я должен был закончить то, что предпринял, еще не зная почти ничего о нравственном облике Корнилова. Если после ареста прапорщика Васильева я казался себе наследником принятых им на себя добровольных обязательств по отношению к Корнилову, то после всего, что я знал из рассказов Аваша, было бы недопустимым для офицера политиканством остановиться на полудороге. Разве любовь к Родине и сознание своего долга по отношению к армии не должны были объединить всех и сгладить все разногласия и противоречия?

Необходимо было возможно скорее оказать Корнилову содействие, хотя бы тем немногим, что было в моих силах, и мне казалось, что это возможно лишь в случае перевода Корнилова из Лека куда-либо, где я мог бы встретиться с ним.

Из Эстергом-табора в это время переводился в Лека поручик лейб-гвардии Финляндского полка⁵⁰ Даниэль-бек, призванный из запаса и служивший ранее приставом Государственной думы. Я никогда раньше не встречался с ним и не знал его лично, но слышал о нем, как о человеке, заслуживающем безусловного доверия. Тяжело раненный в голову при взятии в плен, поручик Даниэль-бек был известен оригинальностью своей попытки побега из плена.

Не имея никаких документов, которые могли бы облегчить побег, поручик Даниэль-бек с целой группой пленных русских офицеров пытался проехать к австро-швейцарской границе, выдавая себя за врача, сопровождающего партию больных военнопленных, назначенных в его санаторий. Из ла-

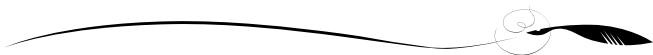

геря им удалось выбраться благодаря счастливой случайности, и план побега был положительно симпровизирован. Лишь сам Даниэль-бек да один из офицеров, игравший роль лазаретного служителя, были в штатских костюмах, все же остальные офицеры были в полной русской форме. В пути, во время остановки поезда на одной из станций, у Даниэль-бека потребовали документы.

— Какие документы? — возмутился Даниэль-бек. — Разве вы не знаете меня? Я лейб-медик Его Величества, профессор доктор N — и Даниэль-бек называл имя какого-то ученого почти мировой известности. — Неужели среди Вас не найдется ни одного настолько образованного человека, чтобы узнать меня если не по лекциям, то хоть по портретам в журналах? После этого Вам останется только арестовать Его Величество императора, если он встретится вам на улице без удостоверения личности!

И действительно, такой дурак, боящийся прослыть невеждой, нашелся — это был какой-то жандармский полковник, который стал извиняться, что не узнал сразу уважаемого профессора и немедленно поручился за него, после чего Даниэль-бек со всей своей партией спокойно и беспрепятственно продолжали свое путешествие. Они были задержаны уже при самой попытке перейти швейцарскую границу.

Не зная лично Даниэль-бека, я просил капитана Пылева передать ему письмо от меня для вручения генералу Корнилову. В этом письме я брал на себя смелость советовать Корнилову добиваться под предлогом недомогания своего перевода в резервный госпиталь в Кёсег, в который должен был скоро быть отправлен я на врачебную комиссию и где мог вручить Корнилову заготовленные документы для побега. Предположение, что Корнилов и я попадем именно в Кёсег, я строил на том, что все последние отправления больных военнопленных по концентрационным лагерям довольно значительного района происходили в этот госпиталь.

Сами документы я не переслал с Даниэль-беком в Лек, так как опасался, что Корнилов может, имея их, сделать попытку побега из самого Лека и будет подстрелен при ней. Думаю, что я имел право для таких опасений, так как даже самые опытные боевые офицеры часто не принимают совсем во внимание опасности, если она угрожает только им лично, а не их частям и успеху боя. Если такой командир никогда не поставит свою часть в угрожающее ей положение, когда это требуется самой обстановкой боя, если он не пошлет солдат на гибель, когда это не является необходимым и неизбежным для достижения победы, то, может быть, тем чаще он не бережет достаточно своей собственной жизни. Это должно быть заботой его ближайших сотрудников и людей, близко стоящих к нему в тот или иной момент боя. Что Корнилов был именно таким командиром, я полагаю, теперь настолько установлено и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах.

Попытка же побега из Кёсега безусловно являлась бы и более легкой, и менее опасной. Если вообще в госпиталях надзор за военнопленными был значительно слабее, чем в концентрационных лагерях, то относительно Кёсега мне было известно (по сведениям, полученным прапорщиком Ульмером от австрийских офицеров, сидевших с ним в крепости), что охрана в нем еще слабее, чем в других лазаретах.

Получив письмо, генерал Корнилов стал симулировать тяжелое недомогание. Так как одних заявлений, что он чувствует себя нездоровым, было недостаточно для отправления в госпиталь, то Корнилов почти перестал есть, чтобы скорее похудеть и иметь болезненный вид. Перед периодической визитацией врача Корнилов начинал питаться почти исключительно селедкой и не пил воды, чтобы губы его потрескались, будто бы от жара. Наконец, перед тем, как идти на самый осмотр, Корнилов выкуривал папиросы из чая для увеличения сердцебиения и несколько дешевых скверных сигар, от которых его тошнило и, бледный и истощенный,

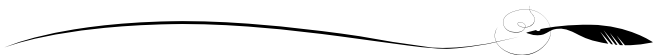

приходил к врачу. Последний скоро признал Корнилова тяжелобольным, но подполковник Машке боялся выпустить Корнилова из своей власти. Врач три раза безуспешно указывал на необходимость отправления Корнилова в госпиталь, наконец, он заявил, что отказывается отвечать дальше за состояние здоровья и жизнь больного, так как режим, веденный Корниловым, действительно изнурил его до последней степени, — и австрийское военное командование решилось на отправление Корнилова в резервный госпиталь Кёсег.

В половине июня 1916 года Корнилов, наконец, прибыл в Кёсег со здоровьем, действительно надорванным и расшатанным. Я не знаю, решил бы я дать мой совет Корнилову, если бы мог предвидеть такие последствия его; возможно, что, все-таки, я дал бы его...

Между тем я никак не мог дожидаться своего лично отправления в Кёсег и, не зная, что Корнилову также не удастся попасть туда, очень беспокоился. Ускорить мое отправление в госпиталь лежало вне моих возможностей. В наказание за ряд побегов, совершенных из Эстергом-табора военнопленными офицерами, и еще большее число попыток к ним (о части которых я рассказывал), лагерное командование ввело ряд репрессий, в числе которых было и прекращение отправок заболевших офицеров в госпиталь.

Мое личное положение ухудшалось еще тем, что еще до того, как я узнал, что подлежу назначению на врачебную комиссию и задолго до эпизода с похищением документов из корпусного архива, я сделал очень наивную и неумелую попытку побега, бежав из лагеря переодетой женщиной, но уже на третьи сутки был пойман. Побег этот ни по замыслу, ни по выполнению, ни по условиям его сопровождавшим, не представлял ничего интересного, и я упоминаю о нем лишь потому, что из-за него мне было вообще несколько труднее обычного добиться отправления в госпиталь, хотя, казалось бы, сквозное огнестрельное ранение сердечной мышцы, после

которого я почти чудом выжил, давало мне право надеяться на возможность легко достичь этого... Как бы то ни было, отправление в госпиталь было сильно затруднено.

Но когда двое офицеров, больных туберкулезом, умерли в лагере, не дождавшись отправления в лазарет (кажется, одного из них звали Энгель, а другого Кох), то комендатура разрешила отправлять в госпитали больных острыми формами какой-нибудь болезни и заразных. Отправление предполагаемых инвалидов и больных хроническими болезнями пока не возобновлялось, а обо мне, как совершавшем попытку побега, был послан отдельный запрос. Поэтому я передал заготовленные для генерала Корнилова документы подпоручику Мартенсону (кажется, уроженцу Финляндии), болевшему тяжелой формой малярии и назначенному в Кёсег. Мартенсон привез документы в Кёсег и передал их Корнилову, прибывшему незадолго до этого, но сам совершенно ошибочно был признан симулянтом и возвращен в Эстергом-табор.

Через два дня по его возвращении был отправлен в Кёсегский госпиталь и я наконец, увиделся с генералом Корниловым.

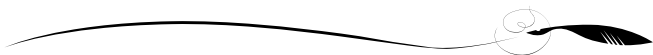
Немного забавно, что моя лично роль в организации его побега в сущности вся была сыграна до этой первой встречи с ним и закончилась этой встречей, после которой я был лишь не более, как простым наблюдателем. Как статист, сыгравший свою маленькую роль в прологе пьесы, я из-за кулис наблюдал игру первых актеров — тех, кто были действительно главными и незаменимыми помощниками Корнилова в организации его побега. И позже, когда я был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего⁵¹ за мое незначительное участие в этой организации, и теперь я сознаю, что оно было невелико, и, хотя мне как всякому пишущему воспоминания приходится часто упоминать о себе лично, я надеюсь, что из всего, что я буду говорить дальше, станет ясной и личность, и деятельность тех, кто неизмеримо больше меня сделал для

успеха побега Корнилова, и прежде всего, конечно, Франтишка Мрняка и Дмитрия Цесарского.

Но прежде всего мне необходимо дать тем, кто не был в Кёсеге, представление, что представлял собой Кёсегский резервный госпиталь, откуда совершался побег генерала Корнилова.

Госпиталь этот находился не в специально оборудованном и приспособленном для помещения военнопленных и пресечения их попыток к побегу здании, а в обыкновенных казармах австрийской воинской части, находившейся в данное время на фронте (батальона эрцгерцога Фридриха). Казармы представляли собою ряд больших или, точнее, длинных двухэтажных зданий, в которых и помещались наши больные и раненые солдаты, несколько маленьких построек и служб и небольшой трехэтажный павильон, в котором раньше находилось офицерское собрание батальона. Теперь во втором и третьем этаже этого павильона помещались пленные офицеры, в первом — канцелярия госпиталя, аптека и комнаты некоторых из лиц медицинского персонала, а в подвале — ванная комната. Перед павильоном был разбит небольшой садик, а весь госпитальный участок был окружен невысокой каменной стеной. С каждой из четырех сторон стены ходило от угла и до угла по одному часовому, один же часовой стоял у ворот двора против офицерского павильона и торжественно именовался «главным караулом», и еще один стоял в садике у входной двери из павильона. В самый павильон часовые вводились лишь на ночь — большей частью тоже один человек, который мирно дремал, сидя в кресле и укутав ноги пледом, в передней второго этажа, бывшей проходной комнатой также и для третьего этажа. Кроме того, в каморке под лестницей помещался один из госпитальных служителей — военнослужащий, как и все остальные. Так как офицерский павильон имел по составу больных скорее характер санатория, чем больницы, то санитары из австрий-

ских солдат появлялись в павильоне в иные дни только в часы утреннего чая, обеда и ужина.

Караульную службу при госпитале несли сменные части, назначаемые комендантом города. В составе этих частей со второй половины 1916 года бывали бывшие австрийские военнопленные в России, вернувшиеся на родину по обмену как инвалиды, но признанные австрийскими врачебными комиссиями лишь полуинвалидами, способными нести гарнизонную службу в тылу. Для всех знакомых с внутренними условиями быта армий, сражавшихся в мировую войну держав, а в особенности для тех, кто отбывал в германском или австрийском плену, было ясно, что из дисциплин, существовавших в этих армиях, самой мягкой была дисциплина русской армии императорского периода, хотя это и должно звучать несколько парадоксально для большинства русской интеллигенции, считавшей дисциплинарные условия русской армии не только суровыми, но чуть ли не варварскими. Поэтому все германские и австрийские солдаты, побывавшие в русском плену, считались своим командованием и русскими военнопленными, да и самими собой — распустившимися.

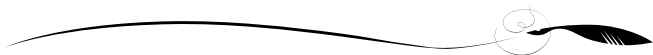
При таких условиях охраны побег в смысле возможности выйти за черту госпиталя был из Кёсега неизмеримо легче, чем из каких-либо концентрационных лагерей, и было ясно, что временем побега необходимо избрать один из тех дней, когда караульную службу при госпитале будут нести именно возвратившиеся из России бывшие военнопленные. Наиболее же удобным часом для побега являлся полдень, когда служитель, живший в каморке под лестницей, уходил обедать.

Главным же обстоятельством, которое, казалось бы, должно было помешать попыткам побега со стороны Корнилова, было то, что весь служебный персонал был предупрежден о возможности таких попыток со стороны Корнилова (позже оказалось, что это обстоятельство только содействовало побегу).

Одновременно с прибытием генерала Корнилова в Кёсегский госпиталь начальник последнего, бывший одновременно его комендантом и старшим врачом, штаб-врач доктор Максимилиан Клайн получил приказ от военного командования в Прешпурке следующего содержания: «При отступлении русских войск с Карпат, был у Горлицы взят в плен с целым своим штабом [неточность! — А. С.-3.] один из наилучших русских генералов — генерал Корнилов. Этот генерал был интернирован в замок графов Эстергази, в Лека, откуда все же покушался на побег, который был предотвращен стараниями тамошнего коменданта замка (каштеляна). [Другая неточность, быть может, умышленная. — А. С.-3.] Военное станционное командование в Прешпурке, зная Корнилова как человека весьма энергичного и предприимчивого и способного на различные воинские деяния, распорядилось его переводом в местный госпиталь, где он имеет быть интернированным, если не воспоследует других распоряжений. По всем данным можно заключить, что генерал Корнилов своего умысла на побег не оставил и военное станционное командование вполне предуведомлено, что если бы Корнилову удалось бежать из плена, то он всеми возможными средствами и приобретенной в войне опытностью мстил бы за оскорбления, которые ему по его мнению были здесь нанесены. [Определенный намек на подполковника Машке. — А. С.-3.] Поэтому военное командование предписывает каждому в отдельности всевозможными способами следить и препятствовать Корнилову в побеге, чтобы каждый по собственному побуждению его постоянно и неуклонно сторожил.

Тот, кто ему каким-либо способом — снабжением его удостоверением, одеждою, или иной помощью при побеге оказал содействие, будет подлежать суду по законам военного времени, по параграфу 327 Свода военных постановлений, который гласит: подлежит смерти за преступление против военной мощи государства».

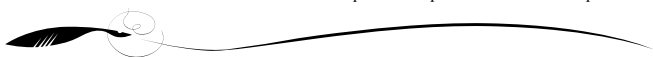

Текст этого приказа, воспроизводимого мною почти дословно, был прочитан доктором Клайном всему служебному персоналу госпиталя и, как им, так и дежурным офицером жандармского отделения всем подчиненным им лицам были сделаны соответствующие внушения и сделаны распоряжения.

Несмотря на строгость этого приказа, одно обстоятельство, известное мне на основании сведений прапорщика Ульмера и учитывавшееся мною, когда я советовал Корнилову добиваться перевода его в госпиталь Кёсега, как значительно облегчавшее возможность побега, все же продолжало оставаться в силе.

Комендант госпиталя доктор Максимилиан Клайн имел поблизости Кёсега собственную санаторию для больных частных лиц и, посвящая ей все свое внимание, мало уделял времени на свои обязанности по отношению к госпиталю для военнопленных, и как комендант и как старший врач его. По своим обязанностям он был должен два раза в сутки, утром и вечером, производить врачебный осмотр больных военнопленных, соединенный с проверкой для установления их присутствия, но врачебного обхода доктор Клайн не делал, не было, следовательно, и регулярной проверки им; следуя примеру начальника, младшие чины госпиталя также небрежно относились к своим обязанностям, и проверка чинами караула производилась очень небрежно, что значительно облегчало возможность побега.

Были, понятно, и отрицательные последствия такого отношения госпитального начальства к делу. Пленные солдаты, число которых доходило до нескольких сотен человек, оставались без врачебной помощи. Нуждавшимся в немедленных операциях во избежание, например, заражения крови, таковых не делалось. Мне приходилось слышать, что уступая просьбам одного больного солдата, ему произвел операцию ампутации ноги, за отсутствием врача, один из го-

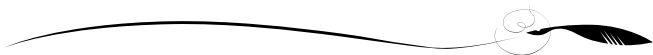
спитальных санитаров, игравший до призыва на военную службу в оркестре Будапештской оперы. Вообще младшие врачи госпиталя брались только за «интересные» в научном отношении операции.

Самые необходимые медицинские инструменты отсутствовали. При посещении госпиталя делегацией сестер милосердия русского Красного Креста в палатах для солдат совершенно не оказалось даже термометров. Когда кто-то из сестер (кажется, госпожа Ключарева) любопытствовала проверить температуру одного из больных, Клайну пришлось спешно послать санитаря для покупки термометров в городе...

Пленные офицеры находились в отношении врачебной помощи в лучшем положении: обязанности врача-ординатора офицерского отделения госпиталя исполнял русский же военнопленный — полковой врач, доктор Гутковский.

Отчасти за эту службу, отчасти потому, что по своей довоенной специальности доктор Гутковский был врачом по женским болезням и акушерству, а в Кёсеге и его районе в это время совершенно не оказалось австрийских врачей той же специальности (мобилизованных в армию и отправленных на фронт), и к доктору Гутковскому часто обращалось за медицинской помощью гражданское население города, но, как бы то ни было, он пользовался почти полной свободой. Он мог ходить в город без конвоиров, посещать кофейные, рестораны и магазины и заниматься частной врачебной практикой. Жил доктор Гутковский в офицерском павильоне, где занимал комнату рядом с аптекой в первом этаже.

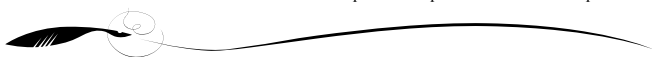
Генералу же Корнилову была отведена также отдельная комната в третьем этаже павильона. Денщик Корнилова, Дмитрий Цесарский, о котором я говорил выше, прибыл вместе с Корниловым и продолжил прислуживать ему, но помещался отдельно от Корнилова, в одном из маленьких зданий. Кроме Цесарского к Корнилову был определен для

услужения один из пленных русских солдат, несших при госпитале обязанности санитаря, Петр Веселов и русский же военнопленный фельдшер-массажист Константин Мартьянов.

В числе пленных офицеров были вызвавшие доверие Корнилова и скоро посвященные им в свои предположения, но были и такие, которым казалось лучше не говорить ни о чем. Понятно, установить точный критерий было трудно, так как нельзя же было основываться лишь на мнении, высказываемом в возникавших иногда спорах на политические темы. Правда, можно было иногда констатировать, что этот или иной человек, хотя и является моим политическим единомышленником, но в самом подходе его к решению какого-нибудь вопроса как-то неуловимо чувствуется отсутствие благородства, а другой — мой противник, но я не могу отказать его мнениям в честности, но ведь этого слишком недостаточно. Можно высказывать самые благородные мнения на словах и не быть благородным человеком. Установить чью-либо порядочность в условиях бездеятельности лазаретной жизни и отсутствия возможности как-нибудь проявить себя, было бы задачей почти невыполнимой, и поэтому, быть может, очень многие офицеры вполне порядочные и заслуживающие уважение не были посвящены в замысел побега.

Фамилии некоторых из офицеров, посвященных Корниловым в его планы, я, к сожалению, забыл и потому могу назвать далеко не все. Капитан Калусовский (какого-то из Сибирских стрелковых полков⁵²), уже немолодой и болезненный человек, дальнейшая судьба которого мне неизвестна; капитан Савинов, с которым мне после пришлось встретиться в России (в июле 1917 года, когда мы оба были избраны общим собранием прибывших из плена инвалидов для предъявления Временному правительству требований [введения] смертной казни за измену и пораженческую агитацию, как на фронте, так и в тылу и [ее] принятия для восстановления дисциплинарной власти командного состава); прапорщик Фосс,

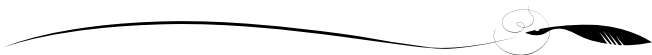

или Фох, больной туберкулезом, и прапорщик Брестского пехотного полка⁵³ (не помню имени) Чуниховский — бывший офицер, выслужившийся из нижних чинов. Уже после побега генерала Корнилова из плена Чуниховскому удалось под видом нижнего чина попасть в солдатский лагерь с целью побега из него. Здесь одним солдатом-евреем был сделан донос на него австрийскому начальству; другие военнопленные евреи избили тогда доносчика и побудили его заявить, что донос его был ошибочным. Чуниховскому удалось получить назначение на работы куда-то на Адриатическое побережье, и он бежал из плена в лодке с несколькими солдатами, намереваясь достигнуть противоположного берега. Я не знаю, удалось ли им это или они погибли в море...

Вот и все фамилии, которые сохранила мне память, но их было более.

Но были, как я уже упомянул, в числе офицеров и люди, которых, казалось, надо было остерегаться. Таким казался генералу Корнилову прапорщик Б. (не называю фамилии, так как знаю глубоко порядочных однофамильцев его), бывший народный учитель Сумского уезда Харьковской губернии, студент консерватории, очень недурной музыкант и по внешности человек, заслуживающий доверия. Только значительно позже и я, и другие, знавшие его, могли убедиться, что опасения Корнилова насчет этого офицера были не напрасны.

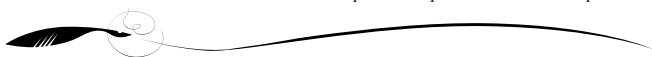
Как раз накануне дня получения известия о мартовском перевороте несколько офицеров-инвалидов, находившихся в то время в инвалидном резервном госпитале в городе Брюксе в ожидании отправления на Родину, получили приглашение в местный солдатский лагерь на спектакль, устроенный самими солдатами. В числе офицеров были: поручик Липский, киевлянин родом, служивший в одном из стрелковых батальонов, расквартированных в Одессе, прапорщик Васьянов из города Судоры, Курской губернии, — инвалид с выбитым пулей глазом, я и упомянутый прапорщик Б.

Когда мы вошли в казарму, где помещался импровизированный театр, и занавес поднялся, со сцены раздались слова народного гимна, исполнявшегося артистами-любителями, как бы увертюра к спектаклю. Солдаты-зрители, поднявшись с мест, подхватили слова гимна; австрийские офицеры и солдаты лагерной комендатуры продолжали сидеть. Тогда прапорщик Васьянов громко на всю казарму подал по-немецки команду: «Встать, смирно!» Австрийцы рефлекторно встали с мест и вытянулись с рукой у козырька кепи...

И вот, когда на другой день пришло известие о мартовском перевороте, прапорщик Б., высказывавший до того монархическое воззрения, не только слишком внезапно превратился в социалиста, чтобы такому превращению поверить, но стал угрожать прапорщику Васьянову, что он донесет на него по возвращении в Россию — если правительство не арестует Васьянова, то тот будет растерзан солдатской толпой... Еще через несколько дней прапорщик Б. окончательно «самоопределился» и объявил себя украинским социалистом-федералистом, а еще позже и сепаратистом. Ясно, что его новоявленному социализму и украинству можно было верить столько же, сколько и его монархизму и что Б. не был ни искренним социалистом, ни убежденным монархистом, а просто был человеком безо всяких моральных устоев, спекулировавшим на высказываемых им политических взглядах, что и угадал в нем генерал Корнилов...

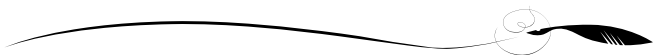
Кроме того, в Кёсеге находился в то время один лже-офицер, самозванство которого было скоро установлено. Выдавая себя за офицера одного из гвардейских кавалерийских полков, поляка по происхождению, он подал ходатайство о зачислении его в Польские легионы австрийской армии⁵⁴. Случайно удалось установить, что он русский по происхождению и православный, никогда даже не служил в полку, который называл, а был околоточным надзирателем в Варшаве. В легион ему все же удалось поступить.

Замечу, что доктором Клайном около того же времени делалось предложение поступить в польские легионы австрийской армии еще одному из раненых офицеров — прапорщику Васильевскому, прехорошенькому мальчику, у которого после пришлось ампутировать ногу, хотя Клайн знал, что Васильевский — не поляк и не католик, а русский, уроженец Петербурга и православный. Предложение было отклонено.

Такое же предложение одним из офицеров местной комендатуры было сделано прапорщику Шелиго-Сочинскому, причем делавший предложение имел дерзость прибавить, что вряд ли в случае победы центральных держав Польша действительно получит независимость и вероятней, что все останется «статус-кво», но что во всяком случае ему-то, Шелиго-Сочинскому, представляется возможность из пленного стать снова свободным человеком, ухаживать за прелестными девушками и т. д. вместо того, чтобы томиться в четырех стенах. Он сказал также, что так как австрийское командование не имеет особых оснований доверять искренности поступления в легион поляков-офицеров русской армии, то большинство из них получают тыловые назначения, во избежание предательства или дезертирства обратно в русскую армию, но что это еще лучше для Шелиго-Сочинского, так как он будет, таким образом, застрахован от отправления на фронт, ранений и смерти. Шелиго-Сочинский ударил предлагавшего по лицу, о чем тот предложил промолчать и не доносить начальству.

Следует отметить, что очень многие из горячих польских патриотов, бывших офицеров русской армии, отказывались от поступления в легионы: некоторые потому что не считали себя освобожденными от присяги русскому императору, большинство потому, что в принесении присяги германскому и австрийскому императорам, как государям — покровителям Польши видели желание ограничить самостоятельность их

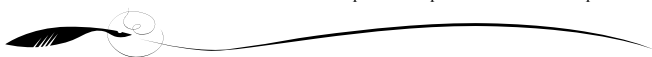
родины. В особенности после того, как обращение к полякам великого князя Николая Николаевича было подтверждено Высочайшим приказом по армии и флоту (в 1916 году), в котором русский император торжественно заявлял, что слухи о возможности заключения Россией сепаратного мира ложны уже потому, что им не может достигнута одна из целей, поставленных Россией в мировой войне: «создание независимой Польши из всех трех ныне разрозненных частей» (русской, австрийской и германской), случаи отказа от поступления в легионы сделались постоянным явлением и начались даже уходы из легионов.

Теперь, когда на страницах польской прессы возникает время от времени полемика, самостоятельно или лишь под давлением Франции Милюков признал независимость Польши, вероятно, основательно забыт этот приказ, впервые обещавший свободу всей Польше, а не только части ее, находящейся во власти противника, как это делалось Германией и Австрией, и произведший потому в то время большое впечатление.

Со времени этого приказа, впервые вкладывавшего конкретное содержание в обещания, щедро дававшиеся Польше обеими воюющими сторонами, отношение поляков к русским значительно улучшились и наши пленные стали находить у них большую поддержку.

На пленных же русских офицеров, поляков по национальности, оказывал также большое влияние тот факт, что к приходившим из русской армии офицерам неприязненно относились поляки — австрийские офицеры, зачастую трактуя их как ренегатов, на что жаловался мне, поступивший в легион капитан Зелинский, бывший одно время со мною в Эстергом-таборе.

Я не буду описывать здесь политических споров, происходивших в Кёсегском госпитале, так как они ничем не отличались от таковых же в Лека. Поэтому-то я и имел возможность

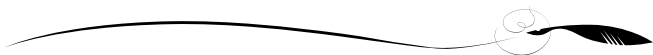

изложить взгляды, высказывавшиеся Корниловым в Лека, что знаю о них не только понаслышке, но сам слышал повторение их в Кёсеге.

В общем, обстановка резервного госпиталя в Кёсеге и условия жизни в нем, хотя и более благоприятствовали побегу Корнилова из плена, чем обстановке в Лека, но требовала известной осторожности.

И говоря откровенно, неизвестно, удался бы побег Корнилову, если бы у него неожиданно не нашелся незаменимый союзник в составе самого служебного персонала госпиталя — чех Францишек Мрняк, которому всецело принадлежит честь помощи и содействия освобождению генерала Корнилова. Если все мы остальные были лишь эпизодическими личностями в этом героическом побеге Корнилова, и каждый из нас мог бы быть замененным другим или не быть вовсе, то Францишек Мрняк по справедливости разделял с Корниловым славу побега из плена и не должен был бы быть забытым в истории русской армии.

Уроженец Тшебениц и сапожник по профессии Мрняк служил солдатом в австрийской армии. Раненный в левую руку в той же битве у Горлицы, в которой был взят в плен генерал Корнилов, Мрняк в июне 1916 года, то есть незадолго до прибытия Корнилова в Кёсег, был прикомандирован как служитель к госпитальной аптеке. Заведовал этой аптекой военномедицинский чиновник Дезсо Кютль, который имел собственную аптеку в городе и больше времени проводил в ней, чем в госпитале, где числился на службе. Видя, что Мрняк усердно работает и старается вынести какие-нибудь познания из своей службы при аптеке, Кютль вскоре препоручил Мрняку неофициальное исполнение своих обязанностей. Он доверил Мрняку приготовление лекарств, предписываемых больным, уплачивая за это ему из своих средств по 60 крон в месяц, а сам стал заходить в аптеку лишь часа на полтора в день, обычно между 10 и 11:30 утра.

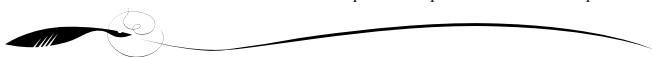

Еще слушая чтение оглашенного доктором Клайном приказа военного командования в Прешпурке относительно назначения Корнилова в Кёсегский госпиталь и предполагаемого стремления Корнилова совершить побег, Францишек Мрняк стал останавливаться на мысли об оказании возможного содействия этому побегу, считая это своим долгом чешского националиста и патриота.

Отношение русского правительства к идее чешской государственной независимости было ему известно. Уже факт формирования чешских легионов в русской армии позволял высказывать вполне определенные предположения о намерениях русского правительства, но на наиболее радикально настроенную часть республиканско-мыслящего чешского общества несколько отталкивающим образом действовали неизвестно откуда исходившие и кем муссируемые слухи о предположениях русского правительства возвести на престол, как Чехословакии, так и других стран, могущих возникнуть в результате мировой войны, членов Русского императорского дома. Говорили, что на польский трон выдвигаются императорским правительством кандидатуры великого князя Николая Николаевича, на византийский — великого князя Кирилла Владимировича, на болгарский, который должен был бы стать вакантным с устранением царя Фердинанда⁵⁵, — великого князя Константина Константиновича⁵⁶ и на чехословацкий — великого князя Дмитрия Павловича⁵⁷.

Я не знаю, имели ли эти слухи какое-нибудь распространение среди чешской интеллигенции, так как мне мало приходилось в плену встречаться с представителями образованных классов общества, но эти слухи были довольно широко распространены в низах среди чехов — солдат австрийской армии, с которыми мне наиболее часто приходилось встречаться.

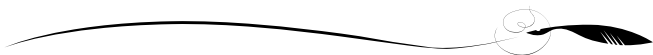
Но к середине 1916 года слухи эти как-то затихли. Наоборот, рассказывали, будто имеются сведения, исходившие

от известного славянофила графа Владимира Бобринского⁵⁸, что ни русское правительство, ни русские монархические круги не считают какой бы то ни было государственный строй одинаково приемлемым для всех времен и всех народов, и что поэтому чешско-словацкому народу будет дана возможность самому решить судьбы своей страны и своего государственного устройства.

Но решающее впечатление на тех чехов, служивших в австрийской армии, которых мне пришлось знать, произвело неизвестно откуда и каким путем распространившееся известие, что французское правительство сообщило русскому Министерству иностранных дел о возможности немедленного заключения сепаратного мира с Австрией с большими территориальными уступками (всей Галицией и Карпатской Русью) в пользу России в случае отказа России от мысли воссоздания Чехословацкого государства. Французское правительство со своей стороны настаивало на таком отказе на том основании, что военные затруднения Франции не позволяют ей отвлекаться чуждыми чешскими интересами, и Франция в праве ожидать от России внимания преимущественно к ее положению и интересам. Упорно говорили, что русское Министерство иностранных дел заявило, что оно отказывается даже довести до сведения своего императора эти предположения, так как предуведомлено, что русский император считает непременным условием заключения мира полную независимость Чехословакии во всем объеме этнографических границ чехословацкого народа, могущем обеспечить его государственное бытие.

Слух этот производил впечатление, которое трудно даже охарактеризовать, и значительно содействовал развитию русофильских настроений в народных низах; после этого мне особенно часто приходилось слышать утверждение, что единственный настоящий друг Чехии и чехословацкого народа — это Россия.

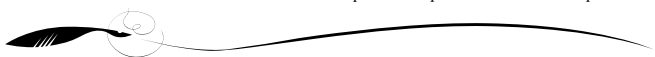
В то время мне лично казались маловероятными такие переговоры, какие по слухам имели место между французским и русским правительством главным образом потому, что представлялось совершенно необъяснимым распространение сведений о них по преимуществу среди простонародья, хотя я и вспоминал, как часто у нас на фронте так называемая солдатская почта оказывалась лучше осведомленной о каком-либо событии, чем образованная часть русского общества. Но относясь с полудоверием к правильности слухов о переговорах, я, понятно, всегда подтверждал их, если ко мне обращались с расспросами.

Только по возвращении в Россию я убедился, что народная молва была справедливой, и эти переговоры и ответ русского министерства о намерениях своего монарха относительно Чехословакии действительно имели место, как это подтверждается, впрочем, и бывшим французским посланником в России Морисом Палеологом⁵⁹.

Я упоминаю об этом потому, что именно этими обстоятельствами было создано то положение, при котором чешский националист Францишек Мрняк считал своим патриотическим долгом помочь русскому генералу (Корнилову), хотя за последнее ему угрожала смертная казнь, о чем он был осведомлен.

Но имея о генерале Корнилове сведения только из австрийских источников, Францишек Мрняк хотел найти им подтверждение от людей, которые ближе должны были знать Корнилова.

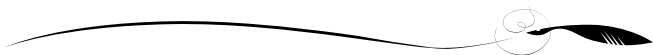
Доктор Гутковский часто заходил в аптеку и, встречаясь в ней с Кютлем и Мрняком, беседовал с ними о политическом положении и событиях дня. И вот, пользуясь почти постоянным отсутствием Кютля, Мрняк начинал расспрашивать доктора Гутковского о Корнилове, его боевой деятельности, взглядах и отношении к вопросу чехословацкой независимости. Отвечая на расспросы, Гутковский рассказывал

о воинских заслугах и подвигах Корнилова и подтвердил Мрняку, что республиканец Корнилов является не меньшими славянофилом, чем монархист граф Бобринский, что у представителей самых разнообразных течений русской политической мысли нет разногласий в одинаково благожелательном отношении к славянскому вопросу и что лично сам Корнилов является большим другом чешского народа и сторонником его независимости.

Мрняк интересовался вопросом о том, действительно ли Корнилов замышляет побег и возможностью своей встречи с Корниловым, но оба собеседника слишком мало знали друг друга, и доктор Гутковский старался избежать прямых ответов и свою очередь хотел выспросить Мрняка. Благодаря этому первый разговор их о Корнилове не привел ни к каким результатам.

Тогда Мрняк навел доктора Гутковского в его комнате, стараясь окольными путями навести разговор на возможность побега генерала Корнилова из плена, но Гутковский снова уклонялся от прямых ответов и сказал Мрняку, что он не может ничем ему содействовать, так как опасается недоверия Корнилова лично к себе, как к поляку по происхождению, вследствие предубеждения, с каким Корнилов относится к полякам. Этот ответ был отчасти справедлив, так как такое предубеждение не всегда, может быть, обоснованное, действительно существовало у Корнилова, а отчасти он был вызван опасениями Гутковского довериться малознакомому ему человеку, как он сам объяснял это после. Чтобы прекратить разговор Гутковский сказал, что единственное, что он может сделать — это дать возможность Мрняку увидеться с Корниловым, если он по каким-нибудь причинам этого желает. Но тогда уже сам Мрняк из чувства осторожности ответил, что каких-нибудь причин искать встречи с генералом Корниловым у него нет, и что он расспрашивал о Корнилове лишь из любопытства.

В действительности же, еще слушая чтение приказа прешпурского командования, Мрняк мысленно сказал себе, что если кто-нибудь поможет Корнилову бежать из плена, то это будет он — Францишек Мрняк. Но ему было необходимо узнать, насколько серьезно Корнилов решил бежать из плена, и вступить с Корниловым в личное общение — и Мрняк стал искать других способов встретиться и переговорить лично с Корниловым.

Присмотревшись ближе к Цесарскому и Мартьянову, он решился довериться им. 3 или 4 июля 1916 года, пригласив их в свою комнату рядом с аптекой и угостив ромом, он открыл им свое желание помочь Корнилову в побеге из плена, если тот задумал его.

Через два дня Цесарский зашел к Мрняку и вызвал его к Корнилову.

— Вы чех? — спросил Корнилов Мрняка, когда тот поднялся в его комнату, и Мрняк заметил, что на его утвердительный ответ, лицо Корнилова будто просветлело и морщины сгладились, но сейчас же снова стало мрачным. Пригласив Мрняка сесть ближе к своей постели, Корнилов сказал, что знает уже от своего денщика (Цесарского), что Мрняк высказывает много беспокойства о его судьбе, но ничего не может ему сказать, кроме совета быть осторожным.

— Я хорошо знаю австрийские военные законы, а еще лучше ваши обычаи, — сказал Корнилов. — Поэтому Вы хорошо бы сделали, если бы перестали интересоваться моею судьбою. Вы этим избежите многих неприятностей.

И с этими словами отпустил Мрняка.

Эти немногие слова дали Мрняку понять характер Корнилова и его нежелание рисковать чужою жизнью для своего спасения и, вместо того чтобы заставить его отказаться от своих преднамерений, еще более укрепили его в них.

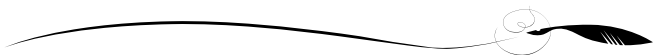
На следующий день, приготовив вероналовые пилюли, прописанные Корнилову доктором Гутковским, Мрняк

сам занес их Корнилову. Корнилову показалось несколько подозрительным повторное посещение Мрняка, так как, зная от меня о случае с Васильевым, он опасался провокаций со стороны австрийской комендатуры, и поэтому он встретил Мрняка очень холодно, и лишь когда Мрняк сказал ему о служебной цели своего посещения, отнесся несколько доверчивее.

Мрняк старался воспользоваться начавшимся разговором с Корниловым, чтобы узнать его отношения к Чехии и причины, которые заставляют Корнилова идти на опасности, сопряженные с побегом из плена, а Корнилов хотел ближе узнать Мрняка, чтобы колебанием или отказом не лишить себя возможности воспользоваться его помощью, которая могла бы быть незаменимой, если его желание помочь было искренним. Чтобы убедиться в непоколебимости намерений Мрняка, Корнилов, узнав у Мрняка, имеются ли в живых отец и мать, снова указал ему на опасность, угрожающую им и на угрожающую ему самому смертную казнь. Мрняк ответил, что никто не может отвлечь его от принятого решения, если сам Корнилов не откажется воспользоваться его помощью. Тогда Корнилов протянул Мрняку руку, поблагодарил его за сочувствие и сказал, что он принимает его предложение не для того чтобы самому выдвинуться своим побегом из плена, но сознавая ту пользу, которую может принести этим.

Он постарался разъяснить Мрняку (насколько тот мог понять его, так как Корнилов почти не говорил по-чешски, а Мрняк не владел русским языком) цель своего упорного стремления бежать из плена. Он указал на опасность, угрожавшую успешному для России окончанию войны, от которого зависит также будущее Чехии, так как, даже находясь в плену, он знает о положении России и тех подпольных силах, которые стараются сеять в народе и в армии раздор и беспокойство; знает, что вожди их — или немцы, или германофилы, или находятся под немецким влиянием, или просто

куплены германским и австрийским штабами и не заботятся о величии, единстве и целостности России; знает, как легко можно увлечь русский народ горячими словами и невыполнимыми обещаниями, и какой поэтому успех может иметь пораженческая пропаганда (ведь находясь в плену, Корнилов видел, как она ведется). Корнилов высказал Мрняку надежду, что своим влиянием на власти, своею популярностью в народе и армии и доверием и любовью к нему казачества, он сможет воспрепятствовать тому, что грозит России и этим принести пользу и своей Родине и, братьям Мрняка, чехословакам.

— Если вы хотите действительно быть мне помощником в этом деле, — были слова Корнилова. — Вам за это будет обязана ваша страна и будет благодарить ваш народ. Если бы Вас постигло несчастье, я постарался бы помочь вашим родным [Корнилов предполагал выдать им 10 тысяч рублей, но этому не суждено было сбыться — А. С.-З.], а я благодарю Вас, как Вам будет благодарна вся Россия [привожу эти слова почти дословно, так как слышал их как от Мрняка, так несколько раз и от самого генерала Корнилова — А. С.-З.].

С этими словами Корнилов обнял и поцеловал Мрняка...

Так как из документов, добытых мною и поручиком Дворниченко, один (отпускной солдатский билет) был помечен Эстергомом, а другой (жандармское удостоверение) — Будапештом, то по географическому расположению этих мест в отношении к Кёсегу и к румынской границе, к которой предстояло держать путь, оба документа становились действительными лишь от Будапешта, и Корнилов мог бы быть задержанным прежде, чем удалось бы доехать до этого города, может быть, даже по дороге от госпиталя до станции железной дороги. Кроме того, жандармское удостоверение не могло быть использовано в первые дни побега и в непосредственной близости Кёсега, так как преждевременно делало бы известным существование побега, который желательно было скрывать возможно дольше. Необходимо было

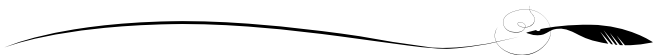

достать еще какие-либо документы, хотя бы годные лишь для того, чтобы доехать до Будапешта. Поэтому Корнилов просил Мрняка постараться достать какие-либо документы и передал ему 300 крон для покупки наиболее необходимых для побега вещей.

Чтобы точнее сговориться о времени и организации побега, Корнилов условился с Мрняком, что тот зайдет через два дня, а Корнилов тем временем обдумает путь следования к румынской границе, так как переход именно через нее предпринимался имеющимися документами, и вопрос о принятии мер, чтобы побег оставался нераскрытым возможно дольше.

После ухода Мрняка Корнилов вызывал по одному в свою комнату капитана Калусовского, капитана Савинова, прапорщика Фосса и меня, рассказал о принятии им предложения Мрняка и советовался о том, как устроить побег. Может быть, Корнилов советовался еще с кем-нибудь из офицеров — я не знаю наверное.

В отношении устройства побега было принято решение, что самым удобным временем для него является полдень, так как в это время австрийский солдат, живший в каморке под лестницей уходил обедать, самый же день побега лучше всего мог указать Мрняк, так как он мог узнать, когда в карауле будут полуинвалиды, вернувшиеся из России, которые, как указывалось выше, не так строго несли караульную службу. Было также решено, что внимание часового у выходной двери офицерского павильона капитан Савинов попытается отвлечь игрой на скрипке у открытого окна, находящегося за углом от выходной двери, чтобы часовой хотя бы несколько отошел от нее. Правда, выходить в садик перед павильоном не воспрещалось, но все же было бы лучше, если бы часовой даже не заметил бы выхода Корнилова. О дне побега Корнилов должен был сообщить нам через Цесарского, Мартьянова или Веселова, которые также должны были быть посвящены в побег, так как мы должны были больше не встречаться с Корниловым,

чтобы отвлечь от себя всякие подозрения, которые могли бы помешать нашему собственному возвращению на Родину как инвалидов. Сам же Корнилов решил с этого дня не выходить из своей комнаты, так как другие больные не заходили к нему без приглашения, и его отсутствие не было бы таким образом обнаружено сразу после побега. С доктором Гутковским, Цесарским, Веселовым и Мартьяновым Корнилов должен был переговорить сам.

В тот же день Мрняк купил карту, компас, карманный электрический фонарик, револьвер и патроны, и солдатские котелки, а на другой день в обеденное время, когда служащие госпитальной приемной канцелярии уходили на обед и в помещении ее оставался один дежурный ординарец, Мрняк под предлогом необходимости заверить печатью госпиталя несколько медицинских документов, пользуясь доверчивостью ординатора, приложил печать к двум заранее заготовленным им отпускным билетам на имя Владислава Латковича для Корнилова и Иштвана Немет для себя. Оба удостоверения были на срок восемь дней и выданы до станции Карансебеш, не доезжая до Оршовой и также недалеко от румынской границы.

Бывая каждый день в комендатуре города, Мрняку тогда же удалось достать лист чистой бумаги, которая была уже на всякий случай заверена комендантской печатью. На этом листе Мрняк написал командировочные удостоверения от имени местной комендатуры на имя военного сыщика. В отличие от удостоверения, которое достали Дворниченко и я и которое было на имя жандарма, командированного исключительно с целью поимки бежавшего генерала Корнилова, удостоверение, изготовленное Мрняком, было для поимки беглых пленников вообще и имело конечным пунктом назначения станцию Карансебеш.

Таким образом, для побега имелось целых пять документов, и из них все три, доставленные Мрняком, были использо-

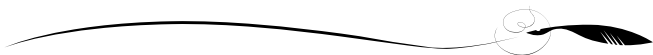
ваны во время побега, из двух же документов, доставленных мною, был использован при побеге лишь один.

На другой день, после того как Мрняку удалось достать документы, он зашел снова к Корнилову, чтобы рассказать ему обо всем сделанном и условиться, что день побега будет не позже 12 августа 1916 года. Чтобы частыми посещениями Корнилова не обратить на себя излишнее внимание и не помешать успеху побега, Мрняк так же, как капитан Савинов и я, условился более не встречаться с Корниловым лично, а сноситься с ним посредством Цесарского и Мартьянова.

Желая повидаться со своею семьей и попрощаться с нею на случай неблагоприятного исхода задуманного предприятия, Мрняк выхлопотал у доктора Клайна увольнительную записку на пятидневный отпуск и уехал в Пшебенец. Всякий может понять, что должен был переживать Мрняк, когда в день именин своей матери он прощался с нею, чтобы возвратиться из отпуска в Кёсег, откуда должен был идти почти на верную смерть и не имел права даже намекнуть своей матери, что это, может быть, последняя их встреча.

Корнилов же перестал выходить из своей комнаты и почти не вставал с постели, жалуясь на ухудшение здоровья, с той целью, чтобы его отсутствие после побега не так скоро могло быть замечено. С той же целью каждое утро и каждый вечер, при входе в его комнату старшего из караульных, сопровождавшего доктора Гутковского при врачебном обходе для проверки военнопленных, Корнилов начинал нервничать, высказывать сильное раздражение и жаловаться, что не может спокойно видеть австрийских мундиров, так как они в госпитале не дают ему забыть, что он военнопленный. Скоро караульные были приучены не заходить вовсе при обходе врача и проверке в комнату Корнилова и оставаться за дверьми ее и только прислушиваться к разговору Корнилова с Гутковским.

В первый же день, когда Гутковский вошел в комнату без сопровождения караульного унтер-офицера, Корнилов

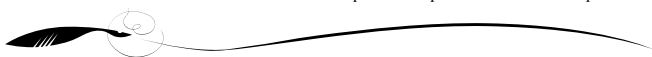
протянул ему записку. Независимо, быть может, от воли генерала Корнилова, в ней сказалось до известной степени то предубежденное отношение к полякам, на которое указывал еще раньше доктор Гутковский в разговоре с Мрняком и которое, мне казалось, действительно существовало у Корнилова, хотя он сам не замечал его в себе и обычно отрицал. «Я собираюсь бежать. От вас, как русского военного врача, требую возможно дольше скрывать мой побег. Если измените, Вы будете повешены. Исполните свой долг». Доктор Гутковский, бледный, с лицом, сразу ставшим холодным и строгим (Корнилов после говорил мне — «как у мученика, идущего на смерть»), молча прочел записку, скомкал ее, проглотил и также молча поклонился Корнилову. Корнилов со слезами на глазах приподнялся на постели, протянул руку и тихо сказал: «Простите — если обидел... Не хотел». Гутковский молча пожал протянутую руку и вышел.

Мартьянов и Веселов были предупреждены Цесарским, которому Корнилов рассказывал все первому. День побега был назначен на пятницу 11 августа — и наконец, он наступил.

Около полудня Мрняк, написав прощальное письмо родителям, в котором сообщал им о своем предстоящем побеге с генералом Корниловым и объяснял им те побуждения, которые заставили его решиться на этот шаг, зашел в офицерский павильон и поднялся в комнату Корнилова.

Корнилов уже ожидал его, одетый в форму русского солдата; штатский костюм, остававшийся у него со времени объезда лагерей военнопленных, был уже передан через Цесарского Мрняку и лежал в купленной тем котомке. Как и Мрняк, Корнилов написал прощальное письмо, но это не было письмо родным.

Это была маленькая записка, наскоро набросанная Корниловым на счет портного за штатский костюм; по этому счету у Корнилова каждый месяц производились вычеты

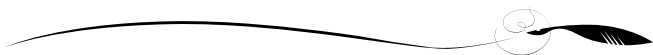

из содержания. Корнилов писал: «Благодарю австро-венгерское военное командование за содействие, любезно оказанное моему побегу из плена представлением мне необходимого для него штатского костюма. Надеюсь, что австро-венгерское военное командование не откажется также отплатить расходы по моему побегу согласно этого счета. Генерал Корнилов».

Письмо преследовало, между прочим, также цель ввести комендатуру в заблуждение известного рода, так как свой побег или, по крайней мере, большую часть его Корнилов предполагал совершить в форме австрийского солдата. Корнилов рассчитывал только, что доктору Гутковскому, Цесарскому и Веселову удастся скрыть побег в течение четырех дней, за которые он и Мрняк были бы уже далеко от Кёсега, и письмо уже не могло бы повредить им обнаружением самого факта побега; поэтому Корнилов открыто оставил его на письменном столе своей комнаты.

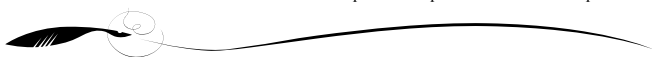
Вместе с Мрняком, Корнилов спустился в его комнату рядом с госпитальной аптекой. Служителя, живущего в каморке под лестницей, как всегда в это время дня не было дома, и Корнилов, и Мрняк прошли незамеченными.

Между тем у всех нас, знавших, что сейчас совершается побег, сжималось сердце. Но нужно было казаться спокойными, не привлекать ничьего внимания своею встревоженностью. И внешне спокойно капитан Савинов приказывает поручику Липскому (киевлянину, офицеру одного из стрелковых батальонов, стоявших до войны в Одессе) подняться в комнату Корнилова и спросить его, не беспокоит ли его игра на скрипке. Через минуту Липский возвращается и докладывает, что Корнилова в комнате нет. Тогда Савинов подходит к открытому окну и что-то играет — я не могу уловить мелодии. Капитан Калусовский садится на подоконник другого окна и смотрит во двор: из его окна видны и выходная дверь нашего павильона и ворота госпиталя — он первый будет знать, удастся ли беглецам благополучно мино-

вать караул. Для меня наблюдательного пункта нет. Я лежу на своей койке и слежу за Калусовским. Калусовский сидит на подоконнике вполоборота, спиной ко мне, но мне кажется, что даже в спине его есть что-то неуловимое, что даст мне возможность угадывать: вот беглецы вышли из павильона... они идут к выходу... слава богу! Калусовский отходит от окна и со вздохом облегчения опускается на свою койку. И все-таки мне хочется подойти к нему и расспросить, хотя он видел только то, что знаю и я сейчас по его вздоху, по выражению его лица — знает только, что беглецы вышли благополучно за ограду госпиталя. Капитан Савинов продолжает играть: ведь из его окна не видна ни дверь нашего павильона, ни ворота. Наконец он кончает мелодию, оборачивается и обменивается взглядом с Калусовским — этим взглядом все сказано. Беглецы на свободе!..

Уже после я узнал, что часовой у дверей павильона отошел от них, чтобы лучше слушать игру Савинова, к самому углу здания и не видел, как Корнилов, переодетый в австрийскую форму, вышел с Мрняком в садик. Выходить в садик перед павильоном, как я, кажется, уже говорил, не воспрещалось, но было опасно, что часовой может опознать Корнилова в австрийском солдате. Выходя из госпиталя, Корнилов был уже в австрийской военной форме, так как он переоделся в нее в комнате Мрняка, рядом с аптекой. Он подстриг также свои усы и одел черные очки, а Мрняк ляписом выжег ему родимый знак под левым глазом, чтобы еще больше изменить его внешность. Незамеченные, они вышли из офицерского павильона и так же спокойно миновали так называемый главный пост у ворот госпитальной ограды. Часовой, стоявший у них, должен был спросить у неизвестного ему и не принадлежащего к служебному персоналу госпиталя солдата (каким являлся для него Корнилов) документы или пропуск, но он... побывал в России и поэтому не спросил их только потому, что Корнилов шел с известным ему лично Мрняком.

Уходя, Мрняк забыл захватить с собою письмо, написанное родителям, чтобы опустить его в почтовый ящик; вместо почтового ящика письмо осталось в ящике письменного стола. Это заставляло потому сильно беспокоиться Мрняка, и, как видно из его записок, он полагал, что побег был обнаружен на другой день при проверке его вещей, так ему было заявлено и во время суда над ним. Но это было не так!

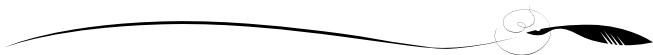
Неявка Францишика Мрняка на службу действительно была обнаружена на другой же день, но ей как-то не придали значения. Кажется, высшие чины госпитальной администрации просто предполагали, что он просрочил разрешенный ему отпуск и не возвратился еще из него, и поэтому обнаружение отсутствия Мрняка не вызвало никаких предположений о возможности также бегства Корнилова, тем более что последнее время перед побегом они почти не виделись. Правда, при обнаружении отсутствия Мрняка был произведен осмотр его вещей, но для осмотра взяли лишь остававшийся в комнате чемодан с его вещами, а посмотреть ящики письменного стола просто не догадались. Письмо Мрняка было найдено позднее, когда был уже раскрыт побег Корнилова.

На суде лагерным командованием утверждалось другое, лишь чтобы не сознаваться и в небрежном смотре вещей бежавшего солдата, и в запоздании обнаружения побега Корнилова. А побег в действительности был обнаружен не сразу.

Вечерняя поверка в пятницу, утренняя и вечерняя поверка в субботу и утренняя в воскресенье прошли благополучно.

Доктор Гутковский, заходя в комнату Корнилова, начинал расспрашивать отсутствующего генерала о здоровье и отвечать на его воображаемые вопросы. Если часовые прислушивались стоя за дверью, то могли предположить, что голос Корнилова им не слышно, лишь потому что он говорит очень тихо из-за болезни и слабости.

Цесарский заносил обед, ужин и кофе, стучал судками и уносил их обратно, съедая сам порцию Корнилова. Один

раз зашел массажист Мартынов и просидел полчаса в пустой комнате Корнилова.

Для непосвященного должно было казаться, что Корнилов находится в госпитале, так как ничего по внешности не изменилось.

Лишь днем в воскресенье 13 августа нового стиля побег был обнаружен чисто случайно. Кажется, в самый день побега генерала Корнилова в солдатском отделении госпиталя умер один из военнопленных русских солдат (фамилии его я не знал). Когда в воскресенье тело усопшего должны были предать земле, начальник госпиталя Максимилиан Клайн разрешил тем из раненых и больных пленных офицеров, которые могли ходить, отдать последний долг своему соотечественнику и проводить его до места последнего успокоения.

Мы собрались перед зданием павильона и австрийский вольноопределяющийся из комендатуры, по фамилии, кажется, Пош, безукоризненно дисциплинированный солдат и хорошо воспитанный юноша, производил подсчет, чтобы вызвать из комендатуры конвоиров, соответственно числу идущих на кладбище офицеров.

— А фельдмаршал-лейтенант* Корнилов разве не пойдет? — любопытствовал он.

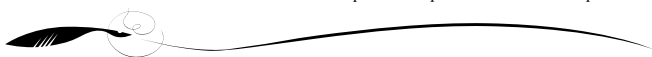
— Вероятно, ему нездоровится, — ответил кто-то.

— Понятно: иначе он бы сам вышел, — поддержали те, кто знали о побеге. Но ведь знали не все.

— Лучше пойти спросить: может быть, Корнилов не знает, — слышались голоса, — ведь он не выходил уже несколько дней...

— Я сам спрошай, — коверкая русский язык, заявил Пош. Но ему не пришлось спрашивать. Генерала Корнилова не оказалось в его комнате; Пош бросился искать его, заглядывал повсюду, но Корнилова нигде не было. Но зато в комнате

* Генерал-лейтенант. (Примеч. авт.)

Корнилова на письменном столе Пош заметил оставленную Корниловым записку. Побег был обнаружен.

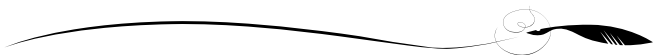
Пош бросился к телефону. Госпиталь оцепили вызванные наряды войск. На мусорную кучу во дворе взгромодили пулемет. Начались поиски, обыски, аресты. Только теперь вспомнили о недавнем дезертирстве Францишика Мрняка и при более тщательном обыске нашли его письмо.

Цесарский, Мартьянов, Веселов, доктор Гутковский были арестованы. Арестовали также нескольких офицеров, из которых не все даже догадывались о побеге, так что даже фамилий некоторых из них я не запомнил.

Калусовский, Савинов, я остались на свободе: мы были инвалиды, и Клайн предполагал, что никто из нас не станет ставить на карту ожидающего нас вскоре отправления на родину.

Похороны бедного солдата так в этот день и не состоялись: о них попросту забыли. Интересно отметить также, что найденная Пошем насмешливая записка Корнилова совершенно не фигурировала после во время суда над арестованными; о ней предпочли умолчать, чтобы не ставить себя еще раз в смешное положение. Отсюда и возникла версия, что побег был раскрыт на другой же день благодаря письму Мрняка, которая поддерживалась на суде, так что сам Мрняк поверил ей и сообщает за истину в своих записках...

На место арестованного доктора Гутковского немедленно был прислан в Кёсег Михаил Филиппович Филиппович-Гончаренко, серб, усыновленный киевлянином, студент старшего курса медицинского факультета Киевского университета Святого Владимира, служивший в качестве санитарного офицера в Черногорской армии и при отступлении ее бывший взятый в плен. Не рассчитывая быть освобожденным в качестве сербского подданного, Филиппович-Гончаренко назвал себя при пленении русским врачом, чтобы иметь возможность возвратиться в Россию по обмену медицинского персонала.

После ему действительно удалось сперва как полуинвалиду выехать в Норвегию, где он женился, а потом и возвратиться в Россию. Не знаю чем объяснить, что еще позже, уже после 1921 года, он украинизировался, и я встретил его в прошлом году в Праге, но уже украинцем. Но в то время он, прибыв в Кёсег в качестве русского полкового врача, объяснил нам, что он не врач, а студент-медик и серб по происхождению.

Немного времени спустя после его приезда в госпиталь нагрянул генерал-инспектор лагерей военнопленных, фельд-маршал-лейтенант граф Штюрг, кажется, брат убитого австрийского премьер-министра. Узнав, что в госпитале есть военнопленный русский врач и, должно быть зная о свободе, которой пользовался доктор Гутковский, граф Штюрг, не разобравшись в том, что Гутковский уже арестован, а Филиппович-Гончаренко прибыл в Кёсег уже после побега Корнилова, и путая Гончаренко с Гутковским, отдал приказ об аресте злополучного серба.

Доктор Максимилиан Клайн был Штюргом немедленно отрешен от должности, а на его место назначен штаб-врач доктор Иоганн Грubi, чех по происхождению.

Вне госпиталя также были произведены аресты в связи с побегом Корнилова. Поблизости госпиталя, почти визави его, жила молоденькая девушка, круглая сирота, служившая переписчицей в магистрате или полиции — не помню точно — Мицци Гайденайх. Ее сердце тронулось тяжелым положением русских военнопленных, но бедняжка ничем не могла облегчить его. И вот когда кто-нибудь из русских офицеров или солдат умирал в госпитале, Мицци Гайденайх провожала покойника до могилы и на скромные сбережения своего маленького жалования покупала букетик цветов, который бросала на одинокий гроб... Потом и гроб, и букетик засыпали, а Мицци Гайденайх со слезами уходила с кладбища. Никто из нас ни разу не обменялся с нею ни одним словом, но все мы, уходя с кладбища, уносили воспоминание

о милой девушке, выразившей столько участия к нашему тяжелому положению.

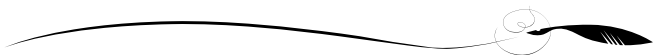
Нам удалось довести о Мицци Гайденрайх до сведения государыни императрицы Александры Федоровны. Государыня была очень растрогана и просила сестер милосердия, уезжавших для объезда концентрационных лагерей, передать скромной немецкой девушке из маленького провинциального городка драгоценную брошь от русской императрицы с ее инициалами, как память того, что русские люди поняли ее сочувствие к их несчастью. Император Франц-Иосиф разрешил сестрам передать эту брошь, когда во время приема у него ему было доложено об этом поручении, и сам был очень растроган. Брошь была передана, кажется, сестрой Романовой или Ключаревой.

Но... жалуется царь, да не жалуется псарь... и, когда был обнаружен побег Корнилова, эпизода с брошью оказалось достаточно для ареста Мицци Гайденрайх по подозрению... что русская императрица подкупила ее брошью для оказания содействия Корнилову в побеге... Как и Филиппович, и арестованные офицеры, ничего не знавшие о побеге Корнилова, Мицци Гайденрайх просидела в крепости несколько месяцев до суда и потом была освобождена за неимением улик, но лишилась службы и очень бедствовала.

Доктор Гутковский, Мартьянов и Веселов были приговорены к крепостному заключению на разные сроки. Доктор Гутковский вернулся потом в Россию и бывал в семье генерала Корнилова. Дальнейшая судьба Мартьянова и Веселова мне неизвестна.

Из других лиц, не бывших арестованными, я после встречался в России с капитаном Савиновым (в Петербурге в июле 1917 года), с летчиком Васильевым (в Петербурге в октябре 1917 года) и поручиком Дворниченко (в Киеве весной 1918 года).

Главный же, после Францишика Мрняка, помощник Корнилова по побегу, его денщик Дмитрий Цесарский

был приговорен к одиночному крепостному заключению до конца войны с Россией, не перенес его тяжести и умер в плену.

Что можно прибавить к этому?

Выше всех других подвигов — исполненный долг, и всякие слова слишком истрепаны, затерты и опошлены, чтобы можно было найти подходящие выражения для человеческой мысли. Мне казалось, людям должно было бы быть стыдно говорить о героизме; его можно лишь почувствовать и о нем можно только думать.

Я рассказал о холодных неприкрашенных фактах, большего я не хочу и не могу.

В самом госпитале побег генерала Корнилова принес много благоприятных для пленных перемен.

Доктор Груби, убежденный чешский националист и русофил, всеми силами старался облегчить положение пленных. Если он не мог добиться признания кого-либо полным инвалидом для возвращения на родину, то добивался признания полуинвалидом и отправления в нейтральные страны. Других он задерживал и после выздоровления в госпитале, где условия жизни были лучше, чем в лагерях.

Он подтянул своих помощников, и медицинский уход за больными солдатами улучшился. Улучшилось и содержание солдат. Благодаря редкой добросовестности поставщика, мадьярского еврея г-на Шара, стол в офицерском отделении был и ранее вполне удовлетворительным, но этого нельзя было сказать про солдатское отделение, где, пользуясь недосмотром доктора Клайна, некоторые из его помощников расхищали продукты, доставлявшиеся Шаром для довольствия пленных. Жалобы пленных солдат переводчики из русских же военнопленных солдат-евреев переводили доктору Клайну умышленно неправильно.

Теперь доктор Груби сам мог расспрашивать пленных солдат, для чего брал у пленных офицеров уроки русского

и украинского языков. Продукты, доставляемые для солдат, теперь стали поступать полностью...

Своих русских симпатий и русской ориентации доктор Груби совершенно не скрывал.

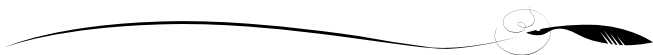
Помню, как он бежит по палатам и, хватая себя за волосы, восклицает:

— Вы слышите, как звонят? Это плохо звонят: так звонили, когда у вас Варшаву взяли... Что такое у вас в России творится? Ведь мы знаем, что теперь у вас снарядов уже довольно. Сейчас у нас, у австрийцев, — поправляется он, — ничего нет, ни людей, ни снарядов, ни продуктов, чтобы кормить армию, а у вас все есть. Что ваше Временное правительство старается что ли, чтобы его разбили? Я спрашиваю Милюкова: что это, глупость или измена? Что ваш Керенский — на самом деле дурак, или только притворяется им? Неужели вы будете разбиты и Чехия так и не будет свободной?!...

И все эти восклицания и разговоры слышат и доктора, и санитары, и офицеры австрийского караула... Они могли бы донести, но...

Во-первых, громадное большинство их, почти все — австрийские евреи и, в сущности, до судьбы двуединой монархии им нет никакого дела. «Австрийская империя — хорошо! Чехословацкая республика — хорошо! Мне все равно!» — как торжественно заявил один из караульных австрийских офицеров... Во-вторых, все эти доктора, офицеры, солдаты как черти ладана боятся попасть на фронт. Они забаррикадировались в тылу и знают, что не успеют они донести на доктора Груби, как тот устроит им переосвидетельствование и отправит на фронт. Может быть, доктор Груби попадет в крепость, но перед этим они-то сами, наверное, попадут на фронт... и, спасая свою драгоценную жизнь, они предпочитали молчать.

Мы, пленные, сделались хозяевами госпиталя, и не мы боялись нашей охраны, а она побаивалась нас, зная, что нашей

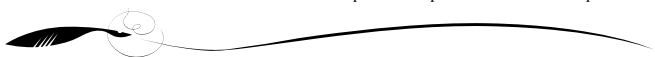

жалобе доктор Груби даст более веры, чем ее объяснениям. Караульные офицеры первые торопились при встрече отдать честь, часовые вытягивались и отдавали на караул, санитары просили о протекции, когда хотели поехать в отпуск, доктора молчали, когда видели, что пленные расходуют десятки бутылок зельтерской воды, обливая ею друг друга в шуточных батаях... Служащие хозяйственной части выбивались из сил, чтобы на масленицу были настоящие русские блины, а на Благовещение — традиционные «жаворонки», которые никак не удавались госпитальным пекарям-австрийцам. Караульный офицер, которого один из пленных угостил гречневой кашей, полученной им в посылке из России, не смел сознаться, что она ему вовсе не нравится, и бедняга притворился, что она пришлась ему очень по вкусу. «Я не смел... — говорил он мне после. — А может быть, поручик обиделся бы, если бы я сказал, что мне не нравится. Он мог бы пожаловаться доктору Груби, что я оскорбил русское национальное кушанье». Да, следует сознаться, что многие из нас, пленных, злоупотребляли положением, сложившимся в Кёсеге при докторе Груби...

Но пока в Кёсеге в результате побега генерала Корнилова происходили все эти перемены, что было с самим Корниловым и его спутником?

В венгерских газетах мы прочитали сперва приказ о крупной премии, объявленной за поимку Корнилова, потом сообщение, что Корнилов при попытке переплыть Дунай, чтобы бежать в Румынию, был ранен огнем австрийского поста, а его спутник, австрийский солдат Францишик Мрняк, задержан и осужден судом за измену к смертной казни, которая и приведена в исполнение. Позже прочли мы опровержение и сообщение о прибытии Корнилова в Россию; опровержения о казни Францишика Мрняка мне не попадалось.

Уже по возвращении в Россию, увидевшись с Корниловым, узнал я дальнейшие обстоятельства его побега. После

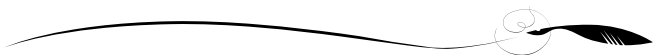
того, как ему и Мрняку удалось выйти из госпиталя, Корнилов и Мрняк спокойно прошли через весь город к станции железной дороги.

По дороге им встретился один из госпитальных служителей — австрийский солдат, фамилия которого ни Корнилову, ни мне не была известна, так как пленные обычно называли его прозвищем Иуда, вследствие слухов о том, что ему поручено тайно следить за нами и поддерживать связь с теми из офицеров, которые подозревались в подкупе их австрийским командованием. Но как раз в тот момент, когда Иуда мог бы заметить Корнилова и Мрняка, те завернули в пивную, чтобы выпить по кружке пива, и Иуда ничего не заметил. Кажется, Мрняк также не заметил Иуды.

В половине второго Корнилов и Мрняк выехали пассажирским поездом на станцию Рабу (Гиэр), где два часа ожидали пересадки на курьерский поезд, отходивший в Будапешт. Здесь, в Рабу, произошла другая встреча, которая могла бы погубить начатое предприятие. В зале ожидания 3-го класса Корнилов и Мрняк столкнулись с одним из санитаров Кёсегского госпиталя, возвращавшимся в Кёсег из отпуска, Алоизием Домносилом. Домносил знал Корнилова в лицо, но наружность Корнилова настолько изменили полуподстриженные усы, выжженная бородавка и черные очки, что он не мог его опознать.

В Будапеште снова нужно было ожидать поезда, отходившего лишь утром на другой день, и Корнилов с Мрняком отправились на этапный воинский пункт, где предъявили отпускные удостоверения, заготовленные Мрняком и не вызвавшие никакого подозрения. Таким образом, в удостоверениях, похищенных поручиком Дворниченко и мною, пока не встречалось надобности. Здесь, на этапном пункте, Корнилов и Мрняк поужинали и переночевали.

Утром на другой день (в субботу 12 августа) Мрняк получил в комендатуре подтверждение на получение по от-

пускным билетам бесплатного проезда по железной дороге до станции Карансебеш.

В 8:30 часов утра они выехали из Будапешта и в 6 часов вечера были уже на станции Карансебеш, где им удалось благополучно миновать караул военной полиции. Здесь они прошли в загородную рощу, и Мрняк, оставив Корнилова, пошел в город за продуктами.

Вернувшись, он застал Корнилова спящим рядом с каким-то австрийским солдатом, укрывшись с ним одним плащом. Когда Мрняк разбудил Корнилова, тот рассказал ему, что встретился с солдатом в роще, но объяснить друг с другом они не могли, так как солдат оказался мадьяром, а так как Корнилов в то время сидел на пне, поджидая Мрняка, то мадьяр знаками предложил Корнилову лечь вместе на свою шинель и отдохнуть. И русский генерал мирно уснул рядом с мадьярским солдатом, завернувшись в одну шинель.

Протившись с мадьяром, Корнилов и Мрняк углубились в рощу, где Корнилов переменял военную форму на штатский костюм, а форму закопали в землю. Ориентируясь по компасу, Корнилов и Мрняк направились дальше уже пешком, надеясь сравнительно скоро достичь румынской границы. Но когда они углубились в лес, которым поросли горы, путешествие их затруднилось.

Пользоваться по ночам электрическими фонариками становилось невозможным из опасения быть замеченными военными и сыскными патрулями. Поэтому беглецы часто сбивались с пути и, немного продвинувшись вперед в продолжение дня, снова возвращались ночью.

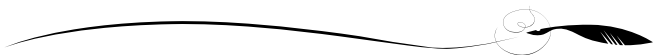
Надеясь достичь границы в течение двух суток, Корнилов и Мрняк захватили пищи только на этот срок; блуждать в горах им пришлось более четырех суток, припасы вышли, и трое суток беглецы питались только ягодами и сырыми грибами. К тому же здоровье Корнилова было подорвано и недоеданием, и теми средствами, которые он принимал,

чтобы попасть в госпиталь. Уже покидая госпиталь, Корнилов чувствовал себя больным, а в пути совсем разнемогся. Уходя из госпиталя, беглецы захватили с собою немного лекарств и пилюли с отравой, приготовленные Мрняком, чтобы принять их, если будет грозить задержание и новый плен. И вот, желая принять лекарство, Корнилов по ошибке едва не проглотил яда. Он успел распознать его вовремя и выплюнул, но, вероятно, хоть немного отравы осталось на слизистой оболочке рта и языке и попало в кровь, так что Корнилов почувствовал себя совсем больным.

Ранним утром 17 августа, то есть через четверо суток по обнаружении побега, Корнилов и Мрняк достигли вершины какой-то горы, название которой было им неизвестно, уже поблизости румынской границы, чего, однако, в этот момент они оба не знали. Спускаясь с горы в лесистую лощину, они увидели на шоссе у подножья горы небольшое деревянное здание, на вывеске которого была надпись «кантина Борловича». Страдая от голода, беглецы решились зайти в нее, чтобы купить какие-нибудь съестные припасы. Корнилов остался наверху, скрываясь в кустах, а Мрняк зашел в кантину. Сделав покупки и уже расплатившись за них, Мрняк увидел в дверях двух вооруженных мужчин и заторопился уйти, когда из-за перегородки, разделявшей кантину, вышел третий, хорошо одетый человек и потребовал от Мрняка предъявления документов.

Оказалось, что вблизи кантины работает целая партия пленных русских военнопленных солдат, и все трое посетителей кантины, встреченные в ней Мрняком, принадлежат к военно-полицейскому надзору за пленными. Мрняк достал заготовленное им удостоверение о командировке для поисков беглых русских военнопленных, но неизвестный заявил, что так как удостоверение выдано в Кёсеге и имеет назначением район Карансебеша, то оно должно быть подтверждено и заверено военным командованием в Карансебеше, без чего

является недействительным. Предъявив Мрняку приказ, подтверждающий его заявление, неизвестный предложил ему следовать за собою в Карансебеш.

У Мрняка был с собою заряженный револьвер, но в кантине находилось еще двое вооруженных мужчин, и Мрняк опасался, что стрельбой привлечет только внимание какого-нибудь патруля и, не спася себя, только сделает более вероятной поимку Корнилова. Он решил пожертвовать своею свободой и, вероятно, жизнью, чтобы спасти Корнилова. Он надеялся, что Корнилов из своего укрытия на горе увидит, как его уводят, и успеет скрыться. В своих записках Мрняк говорит, что так и случилось и что Корнилов через два часа уже перешел границу. Но сведения, полученные Мрняком об этом во время суда над ним, не соответствовали действительности, и Корнилову еще долго пришлось блуждать одному.

Сам же Мрняк около 8 часов вечера того же дня был приведен в Карансебеш, где ему был произведен подробный допрос дежурным местного военного командования. Он назвался Стефаном Немеетцом из Прешпурка, командированным кёсsegской комендатурой с шестью солдатами для розыска и поимки беглых русских пленных. По окончании допроса дежурный офицер направил Мрняка в канцелярию комендатуры, где ему вторично произвели допрос, после чего ему возвратили его удостоверение и направили в одно из отделений комендантского управления для засвидетельствования его удостоверения или замены его на такое же, выданное от имени местной комендатуры.

Мрняк уже направился к двери, когда в комнату вошел жандармский офицер, который, осведомившись, почему Мрняк находится здесь и кто он такой, начал вновь его допрашивать. Услышав, что он командирован из Кёсега для разыскания и поимки беглых русских пленных, поручик сказал, что уже знает об этом и о том, что в числе бежавших из Кёсега находится генерал Корнилов.

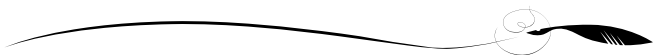

Выйдя затем в свою комнату, поручик скоро возвратился из нее с телеграммой в руке и, пристально смотря на Мрняка, прямо спросил, не звать ли его Францишиком Мрняком, так как описание наружности последнего сходится с его собственной. Так как в описании наружности Мрняка было указано, что у него ранены пальцы левой руки, поручик потребовал, чтобы Мрняк сделал ими движения, как при игре на рояле и сжал их в кулак. Установив таким образом идентичность личности допрашиваемого с Мрняком, поручик распорядился его арестованием. Мрняк пробовал протестовать и отрицать свою самоличность, но при обыске у него было найдено удостоверение на его имя, вложенное в электрический фонарик. На Мрняка наложили кандалы и вновь подвергли допросу.

На вопрос, где генерал Корнилов, Мрняк ответил, что не знает, так как он потерял Корнилова в лесу, но что он условился с ним, что если они разойдутся и не встретятся в продолжение двух-трех часов, то оба вернутся в Карансебеш и оттуда вместе поедут до Оршовой поездом.

В действительности, такого соглашения между Мрняком и Корниловым не было, и Мрняк, давая это показание, хотел лишь увести следствие на неправильную дорогу.

Предполагая, что Корнилов уже перешел границу, Мрняк и не подозревал, что он говорит правду, которая может стать гибельной для Корнилова, что Корнилов, увидев задержание Мрняка, действительно бросился в горы, но, не будучи знаком с местностью, не зная, где проходит граница, не имея карты, которая осталась у Мрняка, снова сбился с пути, и после долгих блужданий [пришел] если не в самый Карансебеш, то на одну маленькую станцию близ его по линии между Лукашем и Карансебешом. Не мог Мрняк и предположить того, что Корнилов, имея на руках доставленное когда-то мною жандармское удостоверение о командировке в район станции Оршова, якобы для поимки бежавшего генерала Корнилова, решит воспользоваться им и действительно проехать через

Карансебеш в Оршову. Положение, таким образом, складывалось очень опасно и для генерала Корнилова, но Мрняк ничего этого не подозревал.

Несмотря на то что было около 8:30 часов вечера, жандармский офицер приказал, чтобы Мрняк тотчас же указал место, где он разошелся с генералом Корниловым. Немедленно было вооружено все население Карансебеша, сообщено во все ближайшие жандармские отделения, вызваны по телефону сыщики и привезены полицейские собаки. Мрняк был помещен в автомобиль и должен был указать место, где Корнилов переодевался в штатское платье, чтобы полицейские собаки могли легче напасть на след Корнилова.

Поняв этот замысел, Мрняк, хотя и полагавший, что Корнилов уже перешел границу, умышленно стал указывать другие дороги, чем те, по которым они вместе блуждали, и разведка напрасно пробродила целые сутки.

На следующий день поиски Корнилова возобновились и продолжались четыре дня, после чего Мрняк был снова доставлен в Карансебеш, откуда через два дня отравлен в П. для преданию военному суду.

После восьмидневного процесса Мрняк был приговорен к смертной казни за преступление против военной мощи государства по той самой 327-й статье Свода военных постановлений, о которой когда-то предупреждал приказ, читанный в Кёсеге доктором Клайном.

Как я уже указывал выше, в австрийских газетах сообщалось, что приговор был приведен в исполнение. Весть о казни Мрняка дошла и до России, и в 1-м полку чешских легионов внесли в списки полка имя Францишика Мрняка как погибшего за славянское братство и независимость Чехии, и на каждой поверке вызывали первым его имя и, как в русском Тенгинском полку при вызове на переключке имени Архипа Осипова следующий по порядку солдат отвечал: «погиб во славу русского оружия», так в легионах первый легионер

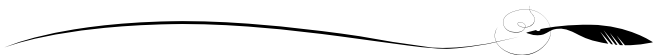
первой роты при вызове Мрняка на переключке отвечал: «погиб, спасая русского генерала, за свободу Чехии»...

И до сих пор почти все считают Францишика Мрняка мертвым и таким считали его не только те, кто только мельком слышал его имя, но долгое время считал и я сам, и до самого последнего времени считала и семья генерала Корнилова.

Редкая скромность этого человека не позволила ему даже напомнить о себе, хотя бы только для того, чтобы сообщить, как он избежал казни. Только раз зашел он к одному русскому генералу, адрес которого узнал случайно, чтобы попросить у него портрет генерала Корнилова. Генерал передал ему случайно бывшую у него иллюстрацию, изображавшую встречу Корнилова при приезде на Московское совещание⁶⁰, и Мрняк ушел, даже не оставив своего адреса, никуда и никогда не выдвигаясь, ни о чем не прося. Только с большим трудом удалось мне разыскать его, чтобы получить сведения о его судьбе после осуждения его на смерть.

По вынесении приговора защищавший Мрняка по назначению австрийский офицер подал апелляционный отзыв. В отзыве утверждалось, что Мрняк уже перешел с Корниловым границу и был в Румынии, но чувствовал раскаяние в своем преступлении и, пользуясь незнанием Корниловым местности, умышленно вернулся с ним обратно, чтобы предать Корнилова и себя в руки австрийских властей; что преждевременным прекращением поисков Корнилова в окрестностях Карансебеша и слишком поспешным арестованием Мрняка и отправлением его для предания суду ему помешали привести в исполнение этот план и не дали возможности загладить таким образом свою вину.

Для доказательства справедливости этих утверждений апелляционного отзыва в нем ходатайствовалось о предоставлении Францишику Мрняку возможности в сопровождении надежной стражи вновь перейти румынскую границу,

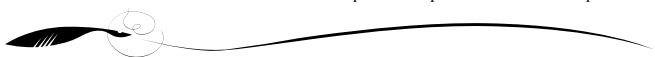
чтобы указать своим спутникам те места, где он уже побывал с Корниловым, и тех людей, которые могли бы подтвердить, что они уже встречали Мрняка на территории Румынии и что, следовательно, Мрняк вернулся добровольно.

Разумеется, таких людей не было, так как в Румынии Корнилов с Мрняком не были, да и на австрийской территории они ни с кем не встречались, так как избегали встреч как лишней опасности быть обнаруженными и задержанными. Но Мрняк знал, что проверить справедливость заявлений апелляционного отзыва невозможно, так как пока шел его процесс, последовало объявление Румынией войны Австрии. Если же австрийское командование все же решило бы отправить Мрняка в пограничную румынскую полосу, то Мрняк надеялся скрыться от своих провожатых какою бы то ни было ценой.

Ответа на апелляционный отзыв долго не поступало, и Мрняк, скованный по рукам и ногам, был помещен в сырую и темную камеру, где ему пришлось пробыть девять месяцев. Часто за это время ему приходили в голову мысли о самоубийстве, тем более что (как он мне рассказывал после), яд был у него с собою: пилюли с ядом, изготовленные им в Кёсегском госпитале, ему удалось, обернув в вату, спрятать у себя в ушах. Но какая-то смутная надежда поддерживала его жизнь и отгоняла мысль о самоубийстве.

Лишь через девять месяцев был получен ответ на апелляционный отзыв. Признавая, что вследствие объявления войны Румынией нельзя проверить правильность данных, указываемых в апелляции, высшая судебная инстанция назначала пересмотр дела.

Новым вердиктом Францишек Мрняк был осужден на десять лет тяжкого заключения и доставлен для отбытия наказания в крепостную тюрьму в Комарне⁶¹. Трудно описывать те несчастья, которые не переживались самим лично, а о которых лишь слышал от другого человека, хотя бы самые

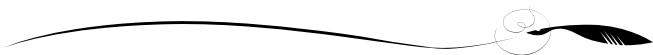
подробные рассказы, в особенности, если пришлось пройти через столько испытаний, сколько их выпало на долю Мрняка.

Длительное заключение в сыром и темном карцере без окон, без матраса, холод, голод, издевательства, брань и побои, и главное — отсутствие надежды на свободу... Да, будущая Россия не вправе забыть этого чеха, который столько перенес, спасая одного из тех, кто сохранил России ее армию, забыть человека, единственным утешением которого были доходившие и в крепость к нему слухи, что генерал Корнилов счастливо возвратился на Родину и ведет в наступление русские армии...

Последняя надежда на возможность освобождения была выдавать себя за умалишенного, и Мрняк стал симулировать безумца, но еще долго пришлось ему томиться в казематах Комарно. 17 августа 1916 года по новому стилю начались его злоключения и продолжались до самого конца 1918 года. 19 сентября 1918 года Мрняк стал играть роль полного безумца и через 13 дней, 2 октября 1918 года был признан приглашенным в крепость врачом-психиатром действительно умалишенным и отправлен в сумасшедший дом.

Во время следования туда в поезде, в сопровождении караульных, Мрняк два раза уходил в уборную и каждый раз скоро возвращался, так что провожатые отпустили его самого и в третий раз, когда он снова попросился в уборную. Но на этот раз Мрняк уже не возвратился: на полном ходу поезда он спрыгнул под откос и скрылся.

Но до самого переворота⁶² и объявления независимости Чехословакии⁶³ ему приходилось скрываться и блуждать по словацким селам, переноса иногда побои и постоянно опасаясь быть задержанным. Лишь после переворота получил Мрняк возможность возвратиться домой. Освобожденный чешским правительством от военной службы, Мрняк наконец прибыл домой в Тшебинец 22 ноября 1918 года, но еще долго отзывались на его здоровье перенесенные испытания...

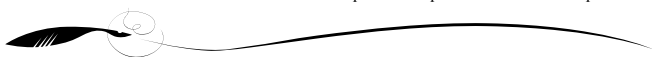
Но что было с тем, за кого Мрняк жертвовал своею жизнью, что делал Корнилов, очутившись один на маленькой станции перед Карансебешем, к которой он вышел вечером 17 августа после своих блужданий по лесу?

У него были на руках целых два удостоверения на имя больного солдата: одно — до станции Карансебеш, заготовленное Мрняком, которому истекал срок 19-го, другое, доставленное мною до станции Оршова; в нем не было проставлено срока, Корнилов мог бы сам проставить его чернильным карандашом. Но ни тем, ни другим удостоверением Корнилов не мог уже воспользоваться: он был в штатском костюме.

Оставалось еще жандармское удостоверение, когда-то похищенное мною и Дворниченко из корпусного архива. Корнилов опасался, что ему может повредить при пользовании им недостаточное знание немецкого языка; при пользовании обыкновенным отпускным солдатским билетом это не имело бы большого значения в такой разноплеменной стране, как Австрия, но для жандарма необходимы были большие познания или в немецком, или в мадьярском языке; последнего Корнилов почти не знал. Но выбора не было. Корнилов чернильным карандашом проставил даты на своем жандармском удостоверении. Чтобы легче избежать расспросов и разговоров и чтобы хотя бы несколько уменьшить сходство со своими фотографиями, которые могли быть уже разосланы, Корнилов перевязал лицо платком, будто у него болят зубы.

Военный полицейский спросил у Корнилова документы, и Корнилов, молча, держась рукою за щеку, показал свое жандармское удостоверение. Полицейский, сжалившись над сослуживцем, у которого так болят зубы, а он все же должен ехать, провел Корнилова к поезвному жандарму, который устроил больного коллегу в своем купе, не надоедая ему лишними расспросами.

Когда поезд проходил через станцию Карансебеш, на вокзале происходила какая-то суматоха: это было как раз после

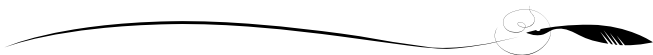
установления в местной комендатуре личности Францишика Мрняка. В самом поезде производилась проверка документов у всех пассажиров. Не производилась проверка только в купе поездного жандарма, в котором ехал Корнилов, и он благополучно миновал Карансебеш.

По приходе поезда на станцию Оршова, при выходе Корнилова из вагона, патруль военной полиции снова потребовал у Корнилова предъявления документа. Так как документ Корнилова был не специально заготовленный, а подлинный — бывший когда-то в употреблении, то он был уже заверен комендатурой Оршовой. Поэтому от Корнилова не потребовали явки в местную комендатуру для подтверждения документа, как это случилось под Карансебешем с Францишиком Мрняком. Специальная цель командировки — поимка генерала Корнилова казалась вполне естественной после накануне только ставшей известной в Оршове поимки Мрняка.

Таким образом, даже своим несчастьем Мрняк, сам того не зная, продолжал выручать Корнилова.

Но оставаться долго на пограничной станции, не будучи обнаруженным, было бы невозможно. Корнилов купил на последние деньги немного продуктов и углубился в лес. Он очень скоро мог бы достигнуть границы, но у него не было ни карты, ни компаса, которые остались у Мрняка, и он не имел возможности ориентироваться. Поэтому вместо того чтобы продвигаться к границе, Корнилов все время двигался вдоль нее. Началось бесконечное блуждание у самой долгожданной цели.

Припасы у Корнилова вышли; даже ягоды и грибы попадались нечасто. Корнилов совсем обессилел. Одежда и обувь его изорвались. Израненные ноги оставляли на дороге кровавый след. Несколько раз от голода, слабости и истощения Корнилов падал в обморок. Он потерял счет времени и не смог бы ответить на вопрос, сколько дней он так идет: неделю, восемь, девять дней?..

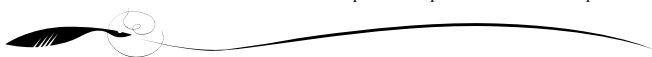

И вот однажды в полусне-полуобмороке Корнилову кажется, что около него стоит дочь в белом платье, с распущенными волосами и говорит: папа, папа, вставай, упадешь. Полупроснувшийся, подымается Корнилов и смутно различает в вечерних сумерках раннего лесного вечера, что он на самом деле чуть не скатился в пропасть, на краю которой уснул. В ушах у него стучит от слабости, и он не может понять, кажется ему только или он на самом деле слышит лай собак где-то невдалеке... Только что пригрезившаяся напоминает ему о письме, посланном семье из Лека: «Прощайте, мои дорогие. Не вините, если я оставляю вас сиротами»... Да, этот момент настал: скоро его семья осиротеет, — мелькает у него в голове. Он не в состоянии дальше переносить все, что перенес за эти дни. Он вынимает из бумажки пилюли с морфием и стрихнином, приготовленные в Кёсеге Мрняком перед началом их побега и, собирая последние силы, двигается туда, откуда доносится лай собак. У него одно решение: если там враги, если там опасность быть задержанным — принять яд, но все-таки туда — на этот собачий лай надо идти: оставаться дальше одному не под силу...

Но навстречу Корнилову только бросились несколько овчарок, да поднялся старик — пастух. Невдалеке лежало овечье стадо.

Вид Корнилова, оборванного и окровавленного был слишком ужасен, чтобы можно было придумать для него какое-нибудь правдоподобное объяснение, кроме того, которое было правдой, и Корнилов сказал старику, что он русский и бежал из плена. Он не назвал лишь своего имени, так как, зная, что за поимку его будет обещана премия, опасался предательства и выдал себя за рядового солдата.

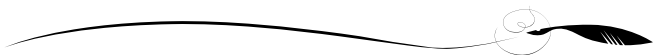
Старик отнесся с некоторым недоверием к этим словам и возразил Корнилову, что годы его не те, чтобы он мог быть рядовым солдатом, да и по манере себя держать не похож. Корнилов стал объяснять, что он бывший сельский учитель,

а на военную службу пошел по своей воле, но старик перебил его: «Не хочешь говорить, кто ты — не говори; мне-то это все равно. Вижу только, что помочь тебе нужно, а помочь нетрудно: граница тут совсем близко». Старик сказал все это, путая русские слова с румынскими; он и был, кажется, наполовину карпаторуссом⁶⁴, прожившим всю жизнь в местности с румынским населением. Он был православным, и звали его, кажется, Алекса.

Встреча с ним Корнилова была причиной тех слухов и легенд, которые сейчас еще можно услышать в Подкарпатской Руси, будто Корнилов бежал из плена через Подкарпатскую Русь и скрывался там некоторое время по избам. Возникающая на наших глазах легенда передает мелкие подробности пребывания Корнилова в Подкарпатской Руси и нашла уже отражение в местной периодической печати, но в действительности в Подкарпатской Руси Корнилов никогда не был и вблизи Оршова, где встретился со стариком-пастухом, население, кажется, по преимуществу румынское. Пастух предложил Корнилову кукурузные лепешки и овечий сыр, и когда тот насытился, уложил его в своем шалаше.

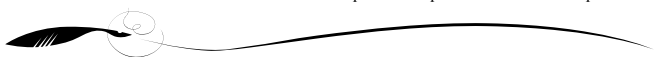
Утром он разбудил и снова накормил Корнилова, который после всего пережитого, чувствовал такой упадок сил, усталость и депрессию, что тотчас же снова заснул и проспал весь день. Около полуночи старик снова разбудил Корнилова и сказал, что он поможет Корнилову перейти границу, но что Корнилов должен для этого быть осторожным и во всем слушать его, так как возле границы, кроме постов часовых, курсируют патрули военной полиции с собаками-ищелками. Исполняя свое обещание, старик провел Корнилова к поросшему кустарником берегу реки, которой они достигли, пробираясь ползком. Здесь, прячась с Корниловым в лозняке, старик указал ему место, где два австрийских часовых сходятся на общей границе своих участков. «Когда они разойдутся, чтобы идти каждый к другому краю своего

участка, ты ползи к реке. Когда переплывешь ее — будешь в Румынии», — сказал старик Корнилову и предупредил его, что Дунай в этом месте довольно широк и имеет быстрое течение, так что, если Корнилов плохо плавает или сомневается в своих силах, то ему лучше не рисковать. Но Корнилов, хотя и не особенно хорошо умеющий плавать, ответил, что он положится на волю Божию. Тогда старик обнял, поцеловал и благословил Корнилова и оставил его одного. Он так быстро скрылся в кустарниках, что Корнилов после сознавался, что чувствовал что-то вроде суеверного страха, думая, были ли старик обыкновенным человеком или святым угодником, ниспосланным Богом ему на помощь. Воспоминания о грубовато-добродушной, старицкой манере себя держать своего неожиданного помощника и о предложенных им лепешках и овечьем сыре помогли Корнилову успокоиться, и он стал наблюдать за берегом.

Часовые встретились и стали расходиться. Корнилов пополз к берегу. Ему казалось, что время остановилось, и он ползет целые часы. Он вскочил на ноги и бегом бросился к реке. Часовые открыли по нему огонь. Одежда мешала плыть. Наконец, он почувствовал под ногами землю. Он был уже на румынской стороне Дуная, но, забывая, что он уже на свободе, Корнилов поднялся и бежал до тех пор, пока не потерял сознание. Этот-то случай и дал повод австрийским газетам к сообщениям, что Корнилов утонул при попытке переплыть Дунай.

Когда Корнилов пришел в себя, его окружала толпа румынских крестьян. Они провели Корнилова в село, названия которого Корнилов не запомнил. В селе Корнилов увидел несколько русских солдат, также недавно бежавших из плена и бывших задержанными местными румынскими властями. Опасаясь, что его также могут интернировать, и ему так и не удастся попасть в Россию до конца войны, Корнилов решил, что, если он назовется рядовым, то за ним будет

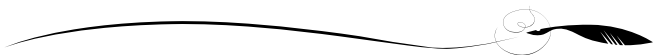
меньший надзор, чем если будут знать, кто он такой, и ему легче удастся бежать в Россию. Поэтому он назвался рядовым одного из полков своей бывшей дивизии (Рымникского пехотного полка⁶⁵). Его возраст казался странным для рядового, и сельские власти стали высказывать предположение, что он шпион. Опасения эти поддерживались тем, что этой же ночью был по телеграфу передан приказ о мобилизации, о чем ни Корнилов, ни пленные русские солдаты, бывшие в деревне, не знали.

Было это, если мне не изменяет память, 28 августа, то есть через 17 дней после побега Корнилова из Кёсега.

В числе пленных русских солдат, бывших в той же деревне, случайно оказался один фельдфебель Рымникского полка, и румыны повели Корнилова на очную ставку с ним. Корнилов так исхудал и изменился, что фельдфебель не узнал своего начальника дивизии, сам же Корнилов, хорошо знавший строевой состав своей части, сразу назвал фамилию фельдфебеля. Не узнавая Корнилова, фельдфебель стал «экзаменовать» его, выспрашивать имена офицеров полка, фельдфебелей и унтер-офицеров того батальона, в котором, по словам Корнилова, он служил в Рымникском полку. Корнилов отвечал на вопросы.

— Это наш, — решил наконец фельдфебель. В этот же день всех русских солдат, бывших в деревне, этапным порядком направили в ближайший городок Турн-Северин. Обессиленный Корнилов не мог идти. С большим трудом, так как в селе как раз проводилась военно-конская повинность, достали для него телегу. В пути Корнилову стало еще хуже. Он подозвал к себе фельдфебеля и открыл ему свое имя, прося сообщить своей семье, если он умрет.

В Турне-Северине прибывших русских солдат выстроили на городской площади, и вышедший к ним русский капитан объявил им, что Румыния в союзе с Россией объявила войну Австрии и что будет приступлено к формированию воинских

частей из русских солдат, бежавших из Австрии и находящихся в Румынии.

Корнилов вышел из строя и подошел к изумленному офицеру.

— Я могу теперь сообщить Вам, — сказал он, — что я офицер. Я боялся открывать свой чин, так как мне казалось, что в случае интернирования за солдатами будет менее надзора, нежели за офицерами и легче будет бежать в Россию...

— Позвольте узнать ваше имя, чин и часть, — перебил капитан, — вы уже не молоды, вы прапорщик запаса?

— Нет, — улынулся Корнилов, желая разыграть в лицах старый анекдот.

— Но вы обер-офицер? — переспросил капитан. Корнилов отрицательно покачал головой.

— Виноват, господин полковник, — вспыхнул капитан, прикладывая руку к козырьку. — Вы разрешите узнать Ваше имя?»

— Я — генерал-лейтенант Корнилов.

В это время к пленным солдатам, выстроенным на площади, направлялся английский военный агент в сопровождении русского полковника. С изумлением заметив, что капитан сперва как-то удивленно и растерянно вытянулся в струнку перед каким-то оборванцем, вышедшим из строя, а потом горячо стал пожимать руку этому оборванцу, полковник подошел к ним.

— Ваше Превосходительство, позвольте вам представить полковника Потоцкого — обратился к Корнилову капитан и объяснил Потоцкому, что перед ним Корнилов. Потоцкий немедленно пригласил Корнилова к себе.

Корнилов просил прежде всего позволения принять ванну и принести пищу к себе в комнату, так как, по его выражению, «был слишком голоден и слишком одичал, чтобы обедать в приличном обществе».

Когда после обеда Корнилов лежал в постели, Потоцкий вошел к нему, чтобы осведомиться, не нужно ли чего его гостю. Корнилов в ответ разрыдался.

— Ваше Превосходительство, что случилось? Я обеспокоил или расстроил Вас чем-нибудь? — допытывался Потоцкий.

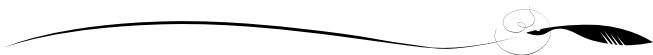
— Нет, полковник. Я только слишком счастлив. Я только слишком долго был в неволе и только сейчас понял, что я уже не военнопленный, что я снова генерал Русской армии!

Вечером местное общество чествовало Корнилова ужином. Городские дамы поднесли ему спешно сшитую и не совсем правильную русскую генеральскую форму.

31 августа нового стиля Корнилов был в Бухаресте, где русским посольством был дан торжественный обед в его честь, а 1 сентября он был в Рени, где в честь его давал обед начальник русской Дунайской флотилии⁶⁶ Михаил Веселкин⁶⁷, и в тот же день выехал в Россию в Ставку к государю императору.

Проездом через Киев он остановился, чтобы переночевать и приобрести настоящую русскую форму. В это время в Киеве находилась вдовствующая государыня императрица Мария Федоровна и великие княгини Милица⁶⁸ и Анастасия Николаевны⁶⁹. Утром, когда Корнилов находился еще в постели, к Корнилову явился с приглашением от императрицы генерал (если мне не изменяет память, это был генерал-лейтенант Коцебу⁷⁰, состоявший при великой княгине Милице Николаевне). Корнилов указал на свою не совсем форменную одежду. «Государыня с таким нетерпением ожидает Вас видеть, что не будет за это в претензии», — было ответом. Вернувшись от императрицы, которая задержала его на завтраке, и приобретя форменную одежду, Корнилов выехал в Ставку.

Государь поздравил Корнилова с геройским побегом из плена, сказал, что скоро надеется увидеть его генералом

от инфантерии и командующим армией, а «пока» поздравляет его командиром корпуса (до пленения Корнилов командовал дивизией). Государь предложил Корнилову двухмесячный отпуск для поправления здоровья, но Корнилов отказался, сказав, что хотел бы скорее вернуться на фронт и просить лишь о двухнедельном отпуске, чтобы повидаться с семьей.

Семья Корнилова жила в то время, как я говорил уже выше, в Ессентуках. Случилось так, что отчаянное письмо, посланное Корниловым из плена через офицера-инвалида, было получено почти одновременно с побегом Корнилова, так как этому офицеру пришлось долго ожидать своей очереди на возвращение в Россию вследствие большого скопления инвалидов.

Получив письмо Корнилова, его жена и дочь, страшно встревоженные, выехали в Петербург, чтобы немедленно начать хлопотать о его обмене. Проездом они остановились в Москве, чтобы обратиться за содействием к близким знакомым, жившим здесь. Когда они зашли к этим знакомым, те осыпали их поздравлениями и на их недоумевающий вопрос показали им телеграмму в «Новом времени», корреспондент которого в Рени, профессор Вергун, сообщал о прибытии Корнилова в Румынию.

Обрадованные жена и дочь Корнилова в тот же день выехали в Петербург, надеясь получить в Главном штабе более точные известия и муже и отце. «Нам ничего не известно, — ответил им на вопрос о Корнилове дежурный генерал Главного штаба Архангельский⁷¹, — вероятно, сообщение о побеге из плена только вымысел «Нового времени»... Обескураженные, вернулись Корниловы в гостиницу, где они остановились.

На следующий день должно было исполниться, кажется, 16 лет дочери Корнилова Наталье Лавровне, но не праздничное настроение было и у новорожденной, и у ее матери.

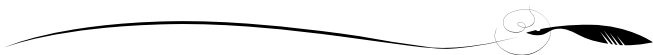
Но рано утром, когда Корниловы еще не оделись, номерной просунул им телеграмму. «Поздравляю с днем рождения. Жалею, что не успею приехать к нему», — телеграфировал дочери из Ставки отец. В телеграмме не был указан день приезда, и жена, и дочь не могли встретить Корнилова на вокзале.

Он был встречен на нем великой княгиней Викторией Федоровной⁷², бывшей председательницей комитетов помощи инвалидам, возвращающимся из плена и бежавшим из плена. Узнав, что Корнилова должна дожидаться с нетерпением его семья, великая княгиня сказала ему:

— Я знаю, что государыня очень хотела бы скорее увидеться с вами и расспросить вас лично, но я извинюсь перед нею за вас, и она не будет недовольна, если я предложу вам свой автомобиль, чтобы вы сперва могли скорее навестить свою семью...

Через полчаса Корнилов обнимал своих жену и дочь. Его Одиссея окончилась... Мы все знаем, надолго ли...

Я кончаю... Я знаю, что в моем рассказе много длиннот и вместе с тем много недосказано или не сказано вовсе: трудно говорить о событиях, которые еще так близки и еще не улеглись спокойно в сознании, еще труднее писать о людях, которые были близки, но с каждым днем забываешь все больше подробностей, и из двух зол приходится выбирать меньшее. Притом мне пришлось и видеть, и слышать больше, чем многим. Сейчас я могу еще ручаться, что, цитируя на память чужие слова и мнения, я если не всегда могу передать их смысл дословно, то всегда сохраняю их точный и прямой смысл. Смогу ли я не изменить его ни в чем, если буду откладывать мои воспоминания до того времени, когда ко всему виденному и пережитому, смогу относиться спокойнее и, быть может, объективнее, я не знаю. Мне приходилось неоднократно слышать выражения затаенных мнений и взглядов людей, которые — как Корнилов — войдут

в историю, слышать не с официальной трибуны, с которой не все и не всегда можно и уместно сказать и которая всегда накладывает на самого искреннего оратора какой-то неуловимый штамп, а слышать в условиях и обстановке спора и простой дружеской беседы...

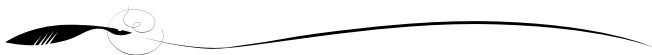
Мне кажется, что для правильного понимания личности всякого исторического деятеля это едва ли не наиболее ценный материал, и те, кому, как мне, выпала на долю возможность сохранить его для будущего историка, должны это сделать.

Наконец, я, может быть, более чем кто-нибудь другой знаком с одним из самых малоизвестных периодов жизни человека, который совершил в жизни не один подвиг, а вся жизнь которого была одним подвигом, одной жертвой за Родину.

Человек этот не всегда и не во всем был согласен со мною; даже более того, мы расходились с ним во взглядах на самые главные вопросы, которые нам ставила жизнь. Многие его действия [я] считал ошибочными, как, быть может, он — мои. Передавая его взгляды и мнения, я не проповедую этим своих собственных, так как я не согласен с очень многими из них....

Но теперь, когда так распространено нелепое стремление наклеить если не на каждого человека, то на каждого общественного деятеля какой-нибудь партийный ярлык таких внушительных размеров, что под ним совершенно не видно внутренней сущности человека, как будто она вся исчерпана этим ярлыком, и для каждой политической группировки есть свой и шаблон, и своя мерка, мне хотелось хотя бы несколько помочь выяснению личности человека во всяком случае не шаблонного и не укладывающегося в готовые партийные мерки.

Мне хотелось описать ту среду, в которой в этот человек жил и действовал в то время, как нас столкнула впервые судьба, описать внешнюю историю его жизни этого периода

и тех людей и те настроения, которые окружали его. Короче, картину быта русской армии в австро-германском плену.

Я знаю, что все это — задачи невозможные для современника и участника каких-либо событий, неизбежно видящего лишь часть истины. Но ту часть истины, которую я знаю, я открываю всю.

Может быть, мне было психологически невозможно избежать всегда выражения моих личных взглядов, убеждений, привязанностей, симпатий и антипатий, но мне кажется, что я ни разу не нарушил из-за них ни истины, ни беспристрастности.

Полковник князь А. Солнцев-Засекин,
бывший член Главного комитета и исполняющий должность
помощника председателя Союза Корниловских организаций

Прага, 14 апреля 1925 г.

Приложение

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов

Статья из «Военного сборника Общества ревнителей военных знаний», Книга 1, Белград, 1921 г.

«Истинный сын народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь».

Великий русский патриот и полководец, генерал Лавр Георгиевич Корнилов, 3-летняя годовщина трагической смерти которого исполнилась 13 апреля (31 марта) с. г., родился 18 августа 1870 года в семье небогатого сибирского казачьего офицера в г. Усть-Каменогорске.

В суровой и тяжелой обстановке протекло его детство.

Обучившись грамоте в станичной школе, он, обладая выдающимися способностями, настойчивостью и трудолюбием, отлично прошел курс Сибирского кадетского корпуса, Михайловского артиллерийского военного училища и с серебряной медалью окончил Академию Генерального штаба.

Первые годы военной службы генерала Корнилова протекли на далекой окраине нашей великой Родины — в Туркестане, в обстановке очень близкой к боевой.

Изучив туркменский и персидский языки, переодетый текинцем, генерал Корнилов производил смелые, полные величайшей опасности разведки, проникая с двумя-тремя казаками и верными ему текинцами в соседние полудикие страны — Афганистан и Персию, изучая их на случай войны с нами.

Он исследовал громадную, песчаную и безводную пустыню в Персии, именуемую «Долиной смерти».

В этой пустыне нет жизни, и до генерала Корнилова никто туда еще не проникал.

Все попытки отважных путешественников оканчивались печально: смельчаки гибли от голодной смерти и зноя.

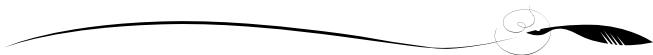
С несколькими казаками и текинцами, испытывая бесконечные лишения, почти без пищи и воды, но твердый в своем непреклонном решении исследовать эту таинственную страну, генерал Корнилов проник туда, прошел и исследовал ее.

Воин по рождению и духу, горя любовью к Родине, готовый за ее честь пожертвовать своею жизнью, генерал Корнилов, как только началась Японская война, поспешил принять в ней участие.

Его блестящие военные способности сказались уже в ту войну: так, во время Мукденского отступления, временно командуя 1-й Сибирской стрелковой бригадой, частью уже окруженной у д. Вазые японцами, генерал Корнилов, воодушевляя стрелков, смелым маневром и штыками прорвал суживающееся кольцо врага и вывел бригаду из тяжелого положения. Георгиевский крест был наградой герою за подвиг.

После Японской войны генерал Корнилов в течение нескольких лет (с 1907 по 1911 год) состоял военным агентом в Китае, добросовестно изучая нашего загадочного, пока спящего соседа; затем командовал 8-м Эстляндским пехотным полком, 2-м Заамурским отрядом пограничной стражи.

Высоко честный и прямой, ставивший интересы Родины превыше всего, он сразу повел энергичную борьбу с беспоряд-

ками, злоупотреблениями и произволом, царившими издавна в пограничной страже. Этим он нажил себе массу врагов и в результате был переведен во Владивосток на должность командира бригады 9-й стрелковой дивизии.

На Великую Европейскую войну генерал Корнилов вышел командиром 1-й бригады 49-й пехотной дивизии.

На его долю с первых же дней войны выпала тяжелая задача по обеспечению левого фланга армии генерала Брусилова, действовавшей в районе крепости Галича.

Австрийцы, ведя яростные атаки, напрягали все усилия сломить бригаду генерала Корнилова; последняя, руководимая своим доблестным вождем, стойко отражала врага, переходя в энергичные контратаки.

Однако после нескольких дней кровопролитного боя, потеряв более половины своего состава, некоторые части, изнемогая в борьбе со все усиливающимся врагом, стали отходить. Нависла грозная опасность...

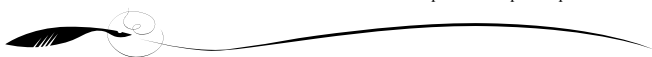
И вот, подобно великому Суворову, генерал Корнилов, зорко следивший за ходом боя с наблюдательного пункта, поскакал верхом на лошади к отходившим стрелковым цепям. Под жесточайшим огнем противника он остановил отходивших, привел их в порядок, ободрил и сам повел в штыковую атаку на наседавшего врага.

Воодушевленные и увлекаемые примером своего вождя, истомленные многодневными боями войска напрягли все свои силы и разбили врага.

В этом бою под генералом Корниловым была убита лошадь, сам же он при падении получил ушибы.

Во время победоносного наступления русской армии в 1914 году в Галиции, когда были взяты крепости Галич, Львов, Перемышль, генерал Корнилов уже командовал 48-й пехотной дивизией, имевшей под его водительством только одни успехи.

Где появлялся генерал Корнилов со своей дивизией, там была победа, там враг был бит и бежал.

Солдаты любили своего сурового, требовательного, но справедливого, заботливого и опытного в ратном деле вождя.

Он был всегда среди них: в своем неизменном при всякой погоде сером непромокаемом плаще, быстрой походкой обходил позиции при расположении на месте и скакал на лошади в цепях при наступлении, появляясь всегда в наиболее важных и опасных пунктах боя.

Офицеры и солдаты верили в него, они были убеждены, что с Корниловым не будет неудачи. В боях и походах бывали тяжелые моменты; казалось, сил человеческих не хватит выполнить ту или иную боевую задачу, но появлялся генерал Корнилов, приказывал, и невозможное становилось возможным и доступным.

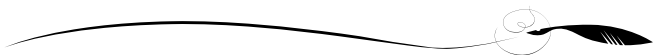
Так, в бою под г. Турка на Карпатах победоносно наступавшая 48-я пехотная дивизия вследствие неудачи соседних частей была окружена превосходными силами австро-венгерцев. Все пути были отрезаны, грозило позорное пленение дивизии...

Однако искусным маневром, сопряженным с невероятными по трудностям переходами по горам, ведомая железной рукой своего любимого вождя, дивизия прорвала сжимавшее ее кольцо австро-венгерцев и присоединилась к своей армии.

Весной 1915 года настали тяжелые дни для русской армии. Сосредоточив громадные силы в районе к юго-востоку от крепости Краков, австро-германцы прорвали наш укрепленный фронт в районе г. Горлицы. Начался великий и страдный отход русской армии из Галиции.

Часть армии, в том числе и дивизия генерала Корнилова, в это время сражалась за Карпатами, откуда вело всего только несколько путей через горные перевалы.

Развивая свое наступление, немцы стремились перехватить указанные пути и тем отрезать наши войска, отходившие

из-за Карпат; последним грозило неминуемое окружение и плен.

Спас положение генерал Корнилов. Выведя после победоносных боев свою дивизию из-за Карпат, он получил задачу обеспечить со стороны противника пути, ведущие оттуда в район г. Дуклы и тем дать возможность действовавшим за Карпатами частям русской армии спокойно отойти и избежать окружения.

Выполняя данную задачу, генерал Корнилов развернул дивизию и вступил в неравный, но славный бой с обрушившимися на него с трех сторон громадными силами австро-германцев. Находясь все время среди сражавшихся войск в самых опасных пунктах и руководя боем, генерал Корнилов своим хладнокровием, спокойствием вливал в души и сердца сражавшихся бойцов бодрость, стойкость и уверенность в победе.

В этом жестоком кровопролитном бою он был тяжело ранен пулеметной пулей в руку, но строя не оставил.

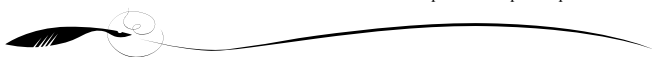
Целый день 22 апреля и до глубокой ночи героическая Корниловская дивизия сдерживала врага и не дала ему возможности отрезать наши войска, отходившие из-за Карпат. Выполнив задачу, дивизия согласно приказу начала отход. В арьергарде с Рымникским полком остался и генерал Корнилов.

Прикрывая свою дивизию, отходя шаг за шагом, отбивая яростные атаки врага, полк был постепенно окружен превосходящими силами австрийцев.

Пять дней, неся громадные потери, ведомый своим героем-вождем, двигаясь по горным тропинкам, отбиваясь от наседавшего со всех сторон врага, шел Рымникский полк.

Быстро таяли ряды бойцов; истощались боевые припасы... Все теснее сжималось кольцо противника, все пути были отрезаны...

Зато остальные три полка 48-й дивизии были спасены.

Австрийцы жаждали живьем взять в плен Железного генерала.

И вот, в ночь на 29 апреля с оставшейся горстью Рымникцев страдавший от раны генерал Корнилов после рукопашной схватки был взят в плен и увезен в один из крепких замков Венгрии — Лек.

Великий долг самопожертвования за Родину и за «други своя» был совершен генералом Корниловым вместе со своими героями-сподвижниками рымникцами: они спасли десятки тысяч жизней, пожертвовав за них своими жизнями, страданиями и свободой.

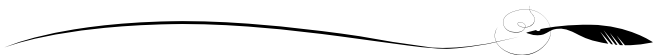
Больше года томился герой в неволе, с первых дней пленения мечтая о побеге. Он не мог оставаться спокойным и бездействовать в то время, когда вся Россия вела титаническую борьбу с врагом; его душа рвалась туда, на те поля, где защищались честь и право на жизнь его Родины.

Оправившись от ран, изучив чешский язык, обдумав план побега, генерал Корнилов при помощи русских военнопленных врачей и австрийского солдата-фельдшера, чеха Мрняка, бежал вместе с ним из неволи, переодевшись австрийским солдатом.

За несколько дней до побега он сказался больным; не выходил из своей камеры на обычные прогулки, лежал в постели, укрывшись с головой одеялом; этим он ослабил общий надзор и, в частности, бдительность часовых, изредка только при смене заглядывавших в его камеру.

Ухаживал за генералом Корниловым, как за больным, фельдшер Мрняк, имевший еще и раньше свободный доступ в камеру больного без разрешения караульного начальника. Дверь камеры запиралась только на ночь.

Мрняк добыл для генерала Корнилова форменную одежду австрийского солдата и отпускной билет на имя находившегося в отпуску рядового одного из чешских полков, расположенного у румынской границы.

В день побега, после смены караула и поверки караульным начальником наличия всех заключенных, генерал Корнилов быстро срезал запущенную им бороду, усы и вместе с Мрняком соорудил на своей постели из белья и различных предметов нечто вроде тела лежащего человека и прикрыл его одеялом.

Затем, переодевшись, вышел с Мрняком из камеры (часовой в это время был в другом конце коридора) и, пройдя беспрепятственно мимо часового у входа, не знавшего генерала Корнилова в лицо, вышел из замка.

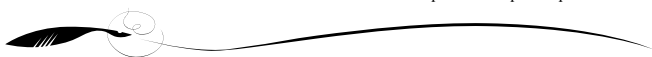
Сначала по железной дороге и проселком, а затем, когда стало опасно ехать ввиду частых обысков и осмотров австрийскими жандармами, искавшими Корнилова, — без дорог, по оврагам, лесам двигались путники, направляясь к Карпатам, к румынской границе, избегая всякого жилья.

Пищей им служили ягоды, грибы, коренья, и только случайно у пастухов они добывали себе немного хлеба.

Усталые, голодные, обессиленные, подошли они однажды к глухой деревушке. Мрняк зашел в избу, попросил хлеба, а генерал Корнилов остался поджидать его на опушке леса. К несчастью, в деревне оказались жандармы, искавшие бежавших. Мрняк был схвачен, генералу Корнилову же удалось скрыться в лесу.

Через несколько дней, двигаясь по ночам, а днем скрываясь в дуплах и между корней деревьев, истощенный до последней степени, но бодрый духом, проникнутый горячим желанием стать опять в ряды родной армии и сражаться с врагом, генерал Корнилов подошел к румынской границе, вдоль которой стояли венгерские посты.

Прожив два дня в шалаше укрывшего его пастуха и подкрепивши пищей свои силы, он ночью перебежал границу в наименее охраняемом, указанном пастухом месте. Несколько пуль просвистали ему вслед, но герой был уже в безопасности, на румынской границе, и спустя несколько дней, отдохнувши в г. Турн-Северине, отправился в Россию.

Приехав туда осенью 1916 года, он был назначен командиром 25-го армейского корпуса. Серьезных боев этому корпусу не пришлось вести, и герой отдыхал.

В это время начала открываться новая и кровавая страница русской истории. Русскому народу предстояло пережить величайшие испытания, потрясения и позор. Начиналась великая смута на Руси, созданная ее врагами и предателями. И в этой великой трагедии народа русского генералу Корнилову суждено было Провидением сыграть крупную роль. Он первый выступил на защиту чести, достоинства и самого существования своей родины.

В начале революции — 2 марта 1917 г. — генерал Корнилов по настоянию Государственной думы был назначен командующим войсками Петроградского военного округа.

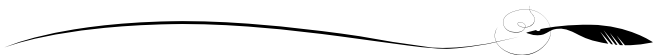
Приехав с фронта в Петроград, в этот котел политических страстей и безумной, губившей нашу Родину борьбы политических партий, генерал Корнилов увидел, что работать при такой обстановке ему, ставящему благо Родины превыше всего, едва ли будет возможно.

С первых же шагов своей деятельности он убедился, что войска Петроградского гарнизона уже были вовлечены в политику. Войска не представляли вооруженной силы, грозной для врага, а были орудием борьбы в руках левых, разрушавших Россию партий.

Совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый подкупленными немцами русскими изменниками, проводил среди войск большевистские идеи, разрушавшие дисциплину и дезорганизовавшие их (приказ № 1).

При попустительстве Временного правительства это самозванное учреждение пыталось командовать войсками Петроградского округа, не считаясь с генералом Корниловым и вопреки его распоряжениям.

Не имея со стороны безвольного Временного правительства поддержки, генерал Корнилов в мае 1917 года ушел

с поста главнокомандующего и был назначен командующим 8-й армией, действовавшей в Галиции и Буковине.

Много пришлось генералу Корнилову поработать, чтобы поднять боеспособность своей армии, упавшую вследствие большевистской пропаганды. Целые дни он проводил на позициях среди войск, всеми мерами поднимая престиж начальников, восстанавливая дисциплину и ведя упорную борьбу с разрушавшими армию различного рода комитетами, большевистскими агитаторами, а также и процветавшим уже братаньем с немцами. Комитеты были введены им в рамки законности и не вмешивались в дело управления войсками, агитаторы изгонялись. Трудная была это вообще работа, но она увенчалась успехом. Войска полюбили своего доблестного вождя. Они верили его простому, но искреннему, честному и твердому слову. Они любили и боялись его.

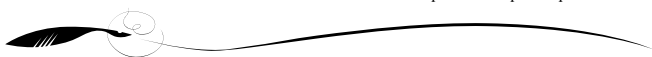
Генерал Корнилов внушил войскам уверенность в победе, и когда началось последнее наступление русских армий летом 1917 г., 8-я армия, ведомая своим вождем, прорвала на 30-верстном протяжении позиции австро-венгерцев, взяла Галич, города Станиславов, Калуш, свыше 10 тысяч пленных, более 100 орудий и, проникая в глубь Галиции, угрожала Львову.

Корниловская армия еще раз показала настоящую доблесть русского солдата, стряхнувшего с себя (к сожалению — только на время) кошмарное большевистское наваждение.

Остальные русские армии в это время разлагались: смертоносный яд большевизма, все в больших и больших дозах впускаемый предателями в душу русского народа, в конце концов разложил когда-то могучую вооруженную силу России.

Большевики, поддерживаемые немцами и на их деньги, делали свое гнусное дело.

«Долой войну, мир без аннексий и контрибуций, только капиталистам нужна война, народы же не хотят ее... немцы

нам не враги» — кричали они, звали солдат делить землю и бросать фронт. Солдатская масса поверила им, и русская армия начала быстро разлагаться, а с ней рушиться и Россия.

6 июля 1917 года немцы, перейдя на Юго-Западном фронте в наступление, легко прорвали позиции 9-й армии в районе Млынова. Начались постыдные Тарнопольские дни. Солдаты, не оказывая никакого сопротивления врагу, позорно и панически бежали, оставляя позиции, бросая оружие и снаряжение. Войсковые части не исполняли боевых приказов или целыми днями обсуждали их на митингах. По всем дорогам бродили толпы дезертиров, производя грабежи и насилия в попутных населенных пунктах.

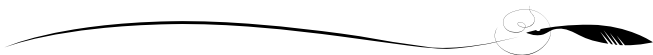
9-я и 7-я армии распались; фронт был открыт. Немцы беспрепятственно двигались к границам России.

И вот, чтобы спасти положение и остановить врага, Временное правительство под давлением общественного мнения, но вопреки Совету солдатских и рабочих депутатов, обратилось за помощью к генералу Корнилову, громившему в это время австро-венгерцев в Буковине.

7 июля он был назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

Вступив в командование, генерал Корнилов решительными и крутыми мерами приостановил панически бежавший фронт. Он сформировал отдельные ударные батальоны для борьбы с дезертирами и мародерами; отрезил от командования шедших на поводу у комитетов начальников и воспретил митинги.

Считая Временное правительство и, в частности, Керенского главными виновниками развала армии — это они допустили в последней большевистскую агитацию, производили над ней социалистические опыты и убили дисциплину — генерал Корнилов, болея сердцем за гибнущую Родину, потребовал 11 июля от Временного правительства немедленного

проведения закона о восстановлении дисциплины и введения смертной казни на театре военных действий.

«Армия обезумевших темных людей, неограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит...» — так начинает генерал Корнилов свою телеграмму, посланную Временному правительству и Верховному главнокомандующему, характеризую положение Юго-Западного фронта.

«...Сообщаю вам, стоящим у кормила власти», — заканчивает он ее, — «что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло; необходима непоколебимая государственно-революционная власть.

Я заявляю, что, занимая высокий пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели Родины... Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, слагаю с себя полномочия главнокомандующего».

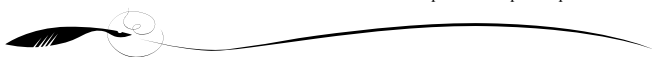
И Временное правительство после некоторых колебаний провело закон о смертной казни на фронте и военно-революционных судах.

Благодаря принятым генералом Корниловым мерам армии Юго-Западного фронта стали понемногу приводиться в порядок, боеспособность остатков воинских частей стала подниматься и противник был остановлен.

На Северном же и Западном фронтах разруха усилилась.

Никем не пресекаемая злостная большевистская пропаганда делала свое дело. Войска митинговали, братались с немцами, расстреливали своих офицеров, оставляли позиции и разъезжались по домам.

В тылу царил разгул большевизма, анархия надвигалась.

И вот взоры всех, понимавших катастрофическое состояние армии и страны, обратились на генерала Корнилова. Бывший в то время Верховным главнокомандующим генерал Брусилов не мог справиться со все возрастающей разрухой армии. Он не проявлял должной энергии, озирался на Совет солдатских и рабочих депутатов, митинговал, подобно Керенскому, и плыл по течению разрушавшего все на своем пути революционного потока.

19 июля 1917 года генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим.

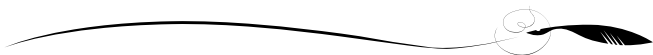
Принимая командование, он заявил Временному правительству, что на этом высоком посту он будет считать себя ответственным в своих действиях только перед своей совестью и русским народом.

Генерал Корнилов потребовал от Временного правительства в целях восстановления боеспособности армии и спасения страны от разрухи незамедлительного проведения в жизнь следующих реформ: 1) восстановления в армии дисциплины и поднятия престижа начальника; 2) введения закона о смертной казни в тылу; 3) милитаризации железных дорог, заводов и фабрик, работавших на оборону и снабжавших армию продовольствием и боевыми припасами.

Временное правительство во главе с Керенским под давлением обстановки принципиально, казалось, согласилось с этими требованиями, но откладывало рассмотрение и проведение их в жизнь.

Вступив в командование, генерал Корнилов немедленно занялся вопросами приведения в порядок и упрочения фронта, оздоровления армии и поднятия ее боеспособности.

Но злой гений России, разрушивший ее армию и положивший начало ее расчленению, Керенский, стал на пути творческо-организационной деятельности генерала Корнилова.

Не в его интересах, узкопартийного дельца, товарища председателя Совета солдатских и рабочих депутатов — учреждения, разрушавшего армию, — было содействовать начинаниям генерала Корнилова и поддерживать его.

Керенский «углублял революцию» — генерал Корнилов сдерживал ее. Керенский разрушал Россию — Корнилов хотел воссоздать ее великой и обновленной.

Все здравомыслящие слои населения и организации, видя в генерале Корнилове единственного спасителя России от наступавшей анархии, казалось, начали серьезно поддерживать его.

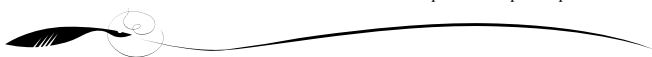
Так, Совецание общественных деятелей, Союз Георгиевских кавалеров, Союз офицеров армии и флота, Совет Союза казачьих войск и пр. вынесли ряд резолюций с призывом к населению о всемерной поддержке начинаний генерала Корнилова.

Все это до крайности волновало Керенского. Приведенные обстоятельства указывали ему на то, что взоры и надежды населения постепенно обращаются к генералу Корнилову и что его, Керенского, искусственно созданная популярность падает, а это грозит крахом всем его планам и личному благополучию.

Поддерживаемый Советом солдатских и рабочих депутатов, получая оттуда указания и директивы, он вступил в борьбу с генералом Корниловым, не рискуя, однако, открыто свалить его.

Несмотря на то что время было дорого, что каждый день промедления усиливал разруху в армии и стране, все проекты генерала Корнилова о поднятии боеспособности армии и оздоровления тыла под тем или иным предлогом тормозились и откладывались рассмотрением.

В личных переговорах в Петрограде с генералом Корниловым Керенский делал вид, что во всем соглашался с ним, давал слово провести реформы в самом ближайшем времени;

но уезжал генерал Корнилов, и все опять шло по-старому, реформы не видели жизни.

Керенский умышленно не желал их проводить, ссылаясь на то, что опубликование таковых вызовет недовольство и взрыв негодования в народе. А между тем армия продолжала разваливаться, фронт таял, распропагандированные солдаты, расстреливая своих начальников, бросали позиции и разъезжались по домам.

Далее терпеть было невозможно, Россия гибла...

12–14 августа 1917 года в Москве состоялось Государственное совещание.

Генерал Корнилов, несмотря на протесты со стороны Керенского и других министров, не желавших его выступления на Совещании и опасавшихся разоблачений, приехал 13 августа в Москву.

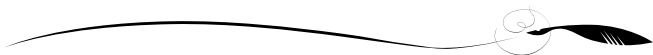
Восторженно встреченный населением Москвы и участниками Государственного совещания, генерал Корнилов в ясной, спокойной и сдержанной речи поведал собранию о катастрофическом состоянии армии, о предстоящем неминуемом, при существовавшей обстановке, разгроме ее немцами, захвате ими столицы и о надвигавшейся анархии.

Он настаивал на создании твердой власти, способной управлять страной и на скорейшем проведении в жизнь предложенных им реформ.

«...Я верю в светлое будущее России и полное восстановление боевой мощи нашей армии; нельзя только медлить, терять время. Нужна решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных реформ» — так закончил свою речь этот великий борец за честь нашей несчастной опозоренной Родины.

Государственное совещание, за исключением представителей от Совета солдатских и рабочих депутатов, поддержало генерала Корнилова.

Однако на Керенского это не возымело никакого действия; наоборот, в своей последующей речи, делая выпад

в сторону генерала Корнилова, он грозил «железом и кровью» всем посягающим на завоевания революции.

Реальных результатов Государственное совещание не дало. Поговорили, погорячились и разъехались ни с чем. Керенский остался на своем посту — на горе и несчастье России. Поддержка же Корнилова Государственным совещанием была только на словах.

Между тем события все более и более грозные шли своим чередом.

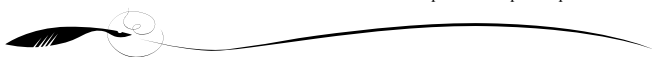
В средних числах августа немцы перешли в наступление, разгромили Северный фронт и, взяв Ригу, двинулись на Петроград; кроме того, ожидался немецкий десант на побережье Балтийского моря, вблизи Петрограда. Немецко-большевистскими агентами был взорван в городе Казани огромный военный завод и склады боевых припасов, стоившие миллиарды рублей.

Тогда генерал Корнилов открыто заявил, что Керенский и возглавляемое им правительство не только не способны управлять Россией, но, наоборот, разрушают ее. То же самое он заявил и приехавшему от Керенского 24 августа 1917 года в Ставку управляющему военным министерством Савинкову. Последний, защищая Керенского как «представителя и надежду всей демократии России», упрашивал генерала Корнилова пойти на уступки и стать на путь соглашения с Керенским.

Генерал Корнилов ответил, что лично против Керенского он ничего не имеет, но что его работа как председателя правительства глубоко вредна для России и он должен уйти с этого поста.

Лично же для себя, кроме желания помочь делу спасения Родины и послужить ей, генерал Корнилов ничего не желал.

Эти правдивые и искренние слова еще больше подогрели в Керенском чувство ненависти к Корнилову и мести. Он уже

с момента занятия генералом Корниловым поста Верховного главнокомандующего, чувствуя в нем своего политического соперника и сильной воли человека, учинил за Ставкой шпионаж. В этом отношении ему помогал служивший ранее там Генерального штаба полковник Барановский, занимавший при Керенском должность начальника его личной канцелярии. После Государственного совещания шпионаж за генералом Корниловым и его сослуживцами еще более усилился.

В связи с принимаемыми мерами по обеспечению столицы со стороны наступавших немцев генералом Корниловым был двинут в район к югу от Петрограда 3-й конный корпус генерала Крымова.

Еще во время перевозки корпуса в указанный район по просьбе самого же Керенского, в виду предстоящего выступления в конце августа в Петрограде большевиков с целью свержения Временного правительства и захвата власти, а также ненадежности большевистски-настроенного Петроградского гарнизона, корпус этот был двинут непосредственно к Петрограду. Указанную просьбу Керенского передал генералу Корнилову приехавший в Ставку Савинков.

На совещании 23 августа, на котором принимали участие генерал Корнилов, генералы Лукомский, Романовский, Барановский, Савинков и др. чины Ставки, было решено, что как только 3-й корпус подойдет к Петрограду, Временное правительство объявит город на военном положении; войска войдут и не допустят выступления большевиков; если же последнее состоится, то разгонят Совет рабочих и солдатских депутатов и подавят восстание.

В то время, когда корпус приближался к Петрограду и передовые его части уже были в районе города Луги и ст. Дно, в Ставку к генералу Корнилову приехал бывший член Государственной думы В. Н. Львов. Его послал Керенский для переговоров с генералом Корниловым по вопросу о формировании новой российской власти. Львов заявил, что

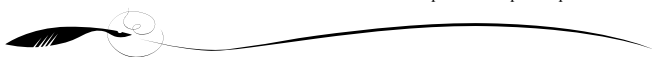
если, по мнению генерала Корнилова, дальнейшее участие во Временном правительстве Керенского вредно для страны, то последний немедленно уйдет. Если же Керенский может рассчитывать на поддержку со стороны генерала Корнилова, то он останется в составе правительства. Кроме того, Львов от имени Керенского просил генерала Корнилова изложить свою программу, как спасти Россию от разрухи и какая власть сейчас нужна.

Честный, всегда прямолинейный в высказываемых взглядах, глубоко прочувствовавший и переживший весь трагизм положения горячо любимой им Родины, генерал Корнилов заявил, что при создавшемся в России положении единственное спасение он видит в диктатуре, добавив при этом, что сам он не стремится к власти и готов подчиниться тому, кому будут вручены указанные полномочия.

На это Львов заметил, что весьма вероятно, если правительство станет на эту точку зрения, то диктаторские полномочия будут вручены ему, генералу Корнилову. Последний еще раз подчеркнул, что только твердая власть спасет Россию и что он от такого предложения не откажется, добавив при этом, что участие Керенского и Савинкова в управлении страной даже при диктатуре необходимо.

Для дальнейших переговоров о формировании власти генерал Корнилов просил Керенского приехать к нему в Ставку.

Львов уехал. На следующий день, 26 августа вечером, Корнилов имел разговор по прямому проводу (Ставка — Петроград) с Керенским и Львовым. На вопрос Керенского — подтверждает ли он, генерал Корнилов, свой вчерашний разговор со Львовым о создании российской власти, генерал Корнилов ответил, что подтверждает и во имя спасения страны просит его и Савинкова приехать 27 августа в Ставку, где будет обсужден и решен вопрос о формировании новой власти. На это Керенский ответил, что 27 августа приехать не может, а приедет попозже.

Однако Керенский не только не приехал, а совершил акт величайшей провокации.

Он, сам командировавший Львова к генералу Корнилову для переговоров, объявил по всей России, что генерал Корнилов прислал к нему Львова с ультимативным требованием — вручить ему, Корнилову, диктаторские полномочия.

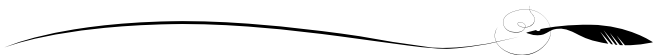
В ночь на 27 августа Керенский самовольно, без санкции Временного правительства, действуя в тесной связи с Советом рабочих и солдатских депутатов, прислал телеграмму генералу Корнилову с приказанием сдать должность Верховного главнокомандующего начальнику штаба генералу Лукомскому и выехать в Петроград.

Генерал Корнилов отказался исполнить такое незаконное самоличное приказание Керенского и до выяснения обстановки остался на своем посту. Все главнокомандующие фронтами поддержали генерала Корнилова.

После этого Керенский обвинил Корнилова в мятеже против верховной власти, в посягательстве на завоевания революции, в контрреволюции и проч. Он приказал остановить двигавшийся для умирения большевиков в Петроград 3-й конный корпус, объявив, что корпус этот направлен генералом Корниловым для низложения существующей революционной власти.

Не подчиняясь распоряжению Керенского, генерал Корнилов обратился с воззванием и призывом к армии и народу. В них он указывал на катастрофическое положение России и злостную провокацию, совершенную в отношении его Керенским.

«Русские люди, — писал генерал Корнилов, — великая Родина наша умирает, близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба... Тяжелое сознание неминуемой гибели

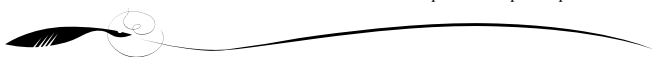
страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины... Заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама земли Русской... Перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного правительства. Поддержанный в этом решении всеми главнокомандующими фронтов, я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного. Истинный сын народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет — свою жизнь».

Прошло 27, 28 и 29 августа. Связь Ставки с армией была нарушена. Никто не откликнулся на призывы великого патриота земли Русской — единственного человека в то время, способного спасти страну. Поддержали его только Союз офицеров армии и флота в лице его Главного комитета и находившиеся при Ставке ударный Корниловский и Текинский конные полки.

Начальствующие лица на фронте не оказались на высоте своего призвания и не оценили важности момента... Офицерство было распылено, не организовано, а посему неактивно и беззащитно.

Все общественные деятели, обещавшие генералу Корнилову свою поддержку, притихли, замолчали и куда-то исчезли...

Отовсюду понеслись угрозы Ставке — «осиному гнезду» — и генералу Корнилову. Все революционные организации во главе с Советом рабочих и солдатских депутатов требовали от Временного правительства немедленного предания генерала Корнилова и его соучастников военно-революционному суду. Неслись угрозы покончить с «изменниками революции» самосудом.

С ближайшего к Ставке Западного фронта под начальством полковника Короткова (165-го пехотного Луцкого полка) были двинуты в Могилев войска для расправы с «мятежниками».

Находившийся там Георгиевский батальон, распропагандированный большевиками, готов был им оказать содействие.

Вся надежда оставалась на Корниловский и Текинский полки, которые поклялись лечь до последнего, защищая генерала Корнилова.

Предстояло жестокое кровопролитие.

Генерал Алексеев, бывший Верховный главнокомандующий, предотвратил его. Он принял на себя тяжелый крест — должность начальника штаба Керенского, начавшего играть «новую роль» Верховного главнокомандующего.

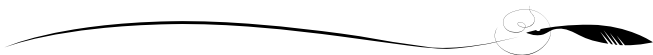
Еще не настало время подробно описывать детали событий, происходивших в эти дни в Ставке и, в частности, во дворце Верховного главнокомандующего; однако в целях более полного освещения высоких духовных качеств генерала Корнилова необходимо привести следующий факт.

Уже к вечеру 29 августа стало ясно, что героическая попытка хотя бы только затормозить разрушение России путем открытого протеста вождя армии против действий губившего Родину Керенского и Советов была обречена на неудачу.

Причины? Их так было много...

Наиболее важные:

Отсутствие патриотизма, чувства долга, гражданского мужества и рабская трусливость у одних и разбуженные

большевистским ядом зверские и низменные инстинкты — у других.

В этот вечер генерал Корнилов пригласил своих ближайших сотрудников на совещание в своем кабинете.

Сам он был болен инфлуэнцией и полулежал, прикрывшись плащом, на диване.

Кратко изложив обстановку, причины неудачи и могущие быть последствия, он сказал:

«Я первый поднял знамя борьбы с врагами Родины. Вы, господа, верно шли за мной до конца.

Святое дело окончилось неудачей, и один я беру на себя всю ответственность.

Вы же имеете еще время уйти, избежать преследования, арестов и самосуда от руки предателей Родины.

В будущем вам предстоит еще большая борьба, и вы должны сохранить себя для Родины».

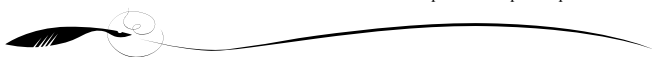
Прошла минута молчания, и вдруг все заговорили, запротестовали... «Вместе с Вами шли и далее пойдем хотя бы и на смерть...»

30 августа генерал Алексеев прибыл в Ставку.

В ночь на 3 сентября, сдав ему командование и подчиняясь постановлению чрезвычайно-следственной комиссии, генерал Корнилов под охраной своих верных текинцев переехал из дворца в особо отведенную для арестованных «корниловцев» гостиницу «Метрополь» в г. Могилеве.

Итак, российский Верховный главнокомандующий, неутомимый борец за счастье своей Отчизны, проливавший за нее свою кровь, спасший тысячи жизней ее сынов во время войны, томившийся более года во вражеском плену и бежавший оттуда, чтобы продолжать защиту Родины, был лишен свободы.

Великий PROVIDEC той бесконечной разрухи горячо любимой им Родины, до которой ее ныне довел Керенский со своими сподвижниками и наследниками Троцким и Ле-

ниным, был обвинен этими действительными изменниками России в «измене».

Великий патриот земли Русской, ее первый воин и гражданин, бесстрашно бросивший вызов разрушителям армии и страны, призывавший народ опомниться и спасти себя, покинутый всеми, был обвинен в «мятеже» и заключен под стражу.

Только небольшая горсть его сослуживцев и сподвижников осталась ему верной и разделила с ним неволю.

Вместе с ним были заключены: начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Лукомский, генерал-квартирмейстер генерал Романовский, генерал Кисляков; Генерального штаба полковники: Пронин, Ряснянский, Сахаров и Роженко и Соотс; члены Государственной думы: полковник Л. П. Новосильцев, Аладьин и весь Главный комитет Союза офицеров.

Генерал Корнилов помещался в № 25 третьего этажа гостиницы.

Окно номера выходило на Днепровский проспект.

Почти каждый день около 12 часов можно было наблюдать возле гостиницы следующую картину:

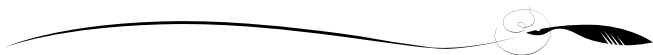
Корниловский ударный полк, прибывший 25 августа в Ставку, проходил церемониальным маршем, взяв винтовки «на руку», мимо гостиницы; офицеры салютовали генералу Корнилову, стоявшему и смотревшему на своих «корниловцев» из окна...

Атмосфера в городе в эти дни была крайне напряженной.

Корниловский полк совместно с Текинским конным готов были во всякое время уничтожить Георгиевский батальон и освободить генерала Корнилова.

Последний, зная это, приказал командирам названных полков передать офицерам и солдатам, что он запрещает это делать.

В свою очередь и Георгиевский батальон, настроенный вполне большевистки, пытался дважды выйти ночью из ка-

зарм с целью разгромить гостиницу «Метрополь» и расстрелять генерала Корнилова и его сподвижников.

Только железная воля командира этого батальона, героя Великой войны, а впоследствии участника Кубанского похода, полковника Тимоновского не позволила последним привести свой замысел в исполнение.

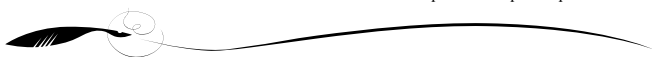
Итак, Керенский торжествовал. Теперь у него были развязаны руки; защитник чести и бытия России был обезврежен; можно было без помехи проводить уничтожавшие армию и Россию утопические опыты. Анархия в стране росла и ширилась. И уж не было в то время человека, способного спасти Россию...

Недолго пробыл генерал Корнилов в заточении в Могилеве. Вследствие категорического требования Керенского и Совета рабочих и солдатских депутатов применить к арестованным суровый тюремный режим, распоряжением следственной комиссии генерал Корнилов и его союзники были перевезены 12 сентября в город Быхов Могилевской губернии и заключены в старинное сырое двухэтажное здание бывшей иезуитской коллегии, стоявшее на крутом берегу Днепра.

Туда же вскоре были доставлены из Бердичева, после надругательства и истязаний, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин, его начальник штаба, генерал Марков, генералы Эрдели, Ванновский, Эльснер и другие сослуживцы генерала Деникина.

Генералы Корнилов и Деникин были заключены в отдельные камеры верхнего этажа здания, а остальные размещены по 2–3 человека в каждой.

Тюремный режим был довольно суровый. Общение между заключенными, кроме обеденного времени и прогулок, не допускалось. Прогулки, совершаемые обыкновенно во дворе костела, и свидания с родными разрешались только в определенные часы и на короткое время.

Охрана заключенных существовала двойная: наружная и внутренняя. Наружную — цепь постов вне здания, — нес враждебный генералу Корнилову Георгиевский батальон Ставки; внутреннюю — посты в коридорах и у выходов — верный генералу Корнилову Текинский конный полк, поклявшийся никому его не выдавать и защищать до последней капли крови.

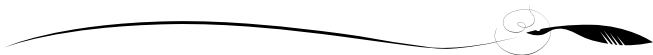
В Быхов довольно часто приезжали делегаты Совета солдатских и рабочих депутатов и других совдеповских организаций контролировать, как содержится «изменник революции и мятежник» Корнилов, и проверить, не слаб ли тюремный режим.

Были случаи, когда проезжавшие мимо Быхова эшелоны «революционных войск», узнав, что там находится генерал Корнилов, порывались с оружием в руках двинуться в город и расправиться с «контрреволюционерами»; однако располагавшиеся в то время в Быхове польские части совместно с Текинским полком охлаждали пыл «ревностных слуг и защитников революции», бросивших фронт, отдавших свою Родину на поругание врагу и торопившихся домой «делить землю».

С течением времени заключенным удалось добиться возможности собираться по вечерам в одной из больших камер. Там генерал Корнилов при тусклом свете небольшой лампы обменивался со своими сподвижниками мыслями, надеждами, предположениями, касавшимися тяжелой болезни Родины и ее будущего возрождения, а также делился своими богатыми воспоминаниями.

Здесь впервые зародилась мысль о создании добровольческой армии из офицеров и патриотической русской молодежи, единственной силы, которая может под руководством опытных вождей положить начало спасения России.

По этому поводу генерал Корнилов через посредство своего родственника Генерального штаба полковника

А. А. Колчинского, приезжавшего несколько раз в Быхов, вел переписку с Донским атаманом генералом Калединым и генералом Духониным.

Генерал Корнилов доказывал обоим необходимость спешной перевозки Донских и Кубанских казачьих войсковых частей на Дон и Кубань, дабы сохранить их от всеобщего развала и создать из них антибольшевистскую армию.

Обсуждался и разрабатывался вопрос о бегстве из Быхова на Дон или в Сибирь на тот случай, если большевики захватят власть в России. Там генерал Корнилов предполагал при поддержке Донских или родных ему Сибирских казаков, кликнув клич по всей России, начать формирование добровольческой армии.

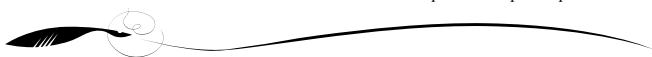
По временам кто-либо из заключенных делал доклады на политические или военные темы; прочитывались газеты, в большинстве которых шла возмутительная травля корниловцев вплоть до проповеди самосуда над ними.

Генерал Корнилов с нетерпением ждал суда, не военно-революционного, конечно, как того хотел Керенский и Советы, в котором судьями были два-три солдата, а суда всенародного, при открытых дверях, чтобы вся Россия узнала правду, чего так боялся и чему так противился Керенский.

Находясь в заключении, генерал Корнилов имел всегда бодрый и спокойный вид, чем поддерживал соответствующее настроение среди своих союзников.

Если до большевистского переворота 25 октября 1917 г. еще можно было надеяться на законное судебное разбирательство дела, то после переворота нужно было ожидать только самосуда со стороны большевиков, возглавляемых Лениным и Броништейном-Троцким. Генералу Корнилову приходилось серьезно подумать о бегстве. Был намечен план бегства на Дон, в частности, в город Новочеркасск.

В течение первой половины ноября большая часть заключенных распоряжением следственной комиссии, серьезно

опасавшейся самосудов, спешно была выпущена. К 20 ноября в Быхове оставался только генерал Корнилов с генералами Лукомским, Романовским и Марковым.

В этот день, день трагической смерти генерала Духонина от рук занявших Ставку озверелых матросов большевистского главковерха Крыленко, генерал Корнилов и указанные выше с ним лица были по распоряжению генерала Духонина и следственной комиссии спешно выпущены на свободу.

Нужно было торопиться уходить от большевистских банд, ибо они могли с часу на час прибыть в Быхов.

Генерал Корнилов во главе Текинского полка двинулся походным порядком по заранее намеченному маршруту в Донскую область. Остальные генералы разъехались по различным направлениям.

Большевики немедленно бросились по следам уходивших. Главковерхом Крыленко было сообщено «всем, всем, всем» о бегстве генерала Корнилова с требованием выследить и донести, по каким путям движется Текинский полк. Были двинуты большевистские отряды и бронепоезда для поимки бежавших.

Делая в первые дни громадные переходы, по 80–90 верст в сутки, Текинский полк, имея во главе своего обожаемого вождя, избегая важных путей и крупных населенных пунктов, искусно замел за собой следы, и большевикам стоило большого труда установить его местонахождение.

В весьма тяжелой обстановке приходилось двигаться полку: время наступало суровое, холодное; стояла гололедица; лошади подбились. Местное население того района, по которому приходилось проходить генералу Корнилову (Могилевская, Черниговская губернии), относилось в большинстве случаев недоброжелательно и сообщало большевикам местонахождение Текинского полка.

Вскоре большевистские банды вошли в соприкосновение с полком; начались стычки. Неподалеку от полотна железной

дороги Текинский полк неожиданно попал под жестокий пулеметный огонь подошедшего со станции бронепоезда большевиков. Полк понес громадные потери; под бывшим все время впереди и управлявшим боем генералом Корниловым была убита лошадь, но Господь хранил его.

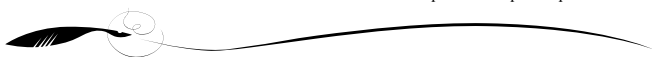
Вскоре после этого печального эпизода, не желая в будущем из-за себя подвергать опасности уничтожения и так значительно поредевшие ряды доблестного и верного ему полка, генерал Корнилов снял с текинцев клятву не оставлять его, распрощался с полком и, переодевшись простым крестьянином, сел на одной из глухих станций в поезд и уехал в Новочеркасск. 6 декабря 1917 г. он благополучно туда прибыл.

Здесь совместно с положившим уже незадолго до его приезда начало создания Добровольческой армии генералом Алексеевым (2 ноября 1917 г.) и бывшими союзниками по Быхову генерал Корнилов энергично взялся за дело формирования Добровольческой армии.

Штаб генерала Корнилова располагался первоначально в Новочеркасске, а затем, в январе 1918 г., перешел в Ростов. Закипела горячая, трудная организационно-творческая работа. Условия ее были бесконечно тяжелы: средства почти отсутствовали или поступали в крайне скудных размерах. Приток добровольцев был незначительный и ограничивался пока только бежавшими на Дон офицерами, юнкерами, кадетами и местной учащейся молодежью.

Уже в декабре месяце небольшие по количеству, но сильные духом, насчитывающие в своих рядах около 1500 бойцов с несколькими пулеметами, части Добровольческой армии, руководимые генералом Корниловым, вели совместно с донскими партизанами успешные бои по защите Новочеркасска, Ростова и Таганрога от надвигавшейся на Дон лавины большевистских банд.

В состав Добровольческой армии вошел прибывший Корниловский ударный полк полковника Неженцева.

Недолго, однако, пришлось здесь вести борьбу. Большевистский отряд начал постепенно проникать в казацкие души, и Дон стал разлагаться. Атаман Каледин, работавший рука об руку с Корниловым, видя надвигавшийся позор и поругание родного тихого Дона и не желая переживать его, застрелился (29 января 1918 г.).

Вскоре пали Новочеркасск и Таганрог. Большевики торжествовали; красные тряпки развевались повсюду...

И только в руках генерала Корнилова и сплотившейся вокруг него горсти героических людей развевалось высоко поднятое русское трехцветное знамя.

Постепенно части Добровольческой армии под натиском большевиков и перешедших на их сторону донских казаков начали отходить к Ростову; большевистское кольцо суживалось.

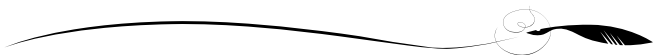
9 февраля 1918 года генерал Корнилов вывел Добровольческую армию из Ростова и, переправившись через р. Дон у Аксая, двинулся походным порядком в Задонские степи и далее на Кубань.

«Армия» в это время насчитывала 3100 человек добровольцев-офицеров, юнкеров, кадет и казаков, несколько десятков пулеметов и пять пушек. Боевые запасы были более чем скудны.

Ведомая своим героем-вождем, эта крошечная армия, проникнутая единой с ним мыслью — погибнуть, но спасти свою поруганную Родину, проявляла чудеса выносливости и храбрости, громя постепенно окружавшие ее бесконечно превосходные силы большевиков.

Немедленно после переправы добровольцев через реку Дон начались столкновения с большевиками. Так, у ст. Хомутовской была первая стычка с конницей красных.

В районе села Лежанки произошел первый серьезный бой со значительно превосходящими силами большевиков. Здесь они встретили добровольцев на укрепленной позиции.

Искусным маневром, без больших потерь, враг оба раза был разбит наголову и бежал. Захваченная военная добыча дала возможность пополнить скудные боевые запасы.

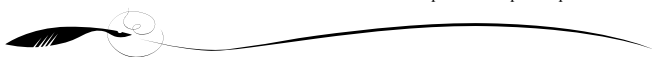
Армия продолжала движение на Кубань, имея целью соединение с казаками и добровольцами полковника Покровского, защищавшими Екатеринодар. 25 февраля армия с боем перешла железную дорогу у ст. Ново-Леушковской, 27-го с боем взяла станицу Березанскую, 1 и 2 марта разбила наседавший с тыла большевистский отряд у ст. Выселки и 4 марта взяла станицу Кореновскую. Это был тяжелый бой с армией Сорокина, выступившей из Екатеринодара. Бой длился весь день, станица была взята, но добровольцы понесли свыше 100 человек потерь. Предстояло дальнейшее движение на Екатеринодар, но в это время подтвердилось полученное еще 28 февраля сведение, что г. Екатеринодар взять большевистской армией Сорокина; защищавшие его небольшие части кубанских казаков и добровольцев-офицеров под начальством полковника Покровского отошли к востоку, в район черкесских аулов, вместе с кубанским правительством и атаманом.

В связи с этими неблагоприятными вестями, а также с наступлением со стороны Екатеринодара и с севера значительных масс большевиков, генерал Корнилов, придавая, как всегда, самое важное значение на войне маневру и стремясь сберечь от больших потерь свое детище — армию, свернул с Екатеринодарского направления на юго-восток.

Обстановка все более и более усложнялась.

Многотысячные большевистские банды, получившие задачу окружить добровольцев и уничтожить их, стали наседать со всех сторон.

Армия временами находилась в полном смысле этого слова окруженной большевиками. Их артиллерия со всех сторон обстреливала, вернее даже простреливала, двигавшуюся колонну войск и обозы с ранеными. Ввиду отсутствия patro-

нов и снарядов добровольцам приходилось одними штыками пробивать себе путь, отбивая в то же время со всех сторон атаки торжествовавшего уже свою победу врага.

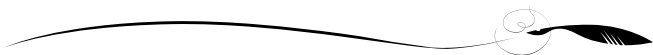
Воодушевляемые любимым и обожаемым вождем, часто, если этого требовала обстановка, с винтовкой в руках принимавшим участие в рукопашных схватках, добровольцы дрались, как львы. Отдельные взводы, бросаясь в штыки, заставляли бежать целые полки большевиков.

В таких условиях окружения прошли непрерывные бои: 6 марта у станицы Усть-Лабинской, 8-го — Некрасовской, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го — на хуторах за р. Лабой.

Нанося могучие и неотразимые удары, армия прорвала, наконец, кольцо большевиков и 13 марта вышла в район дружественных черкесских аулов, установив связь с ушедшими из Екатеринодара кубанскими казаками и добровольцами Покровского, имея в виду усилиться соединением с ними. В средних числах марта в районе аула Шенджи — ст. Калужская произошло соединение: кубанцы и екатеринодарские добровольцы вошли в состав Добровольческой армии и значительно пополнили ее ряды. Еще до этого соединения армия пополнилась несколькими сотнями, постепенно присоединявшимися при занятии станиц.

Ставя важнейшей задачей в деле изгнания большевиков из Кубанской области занятие города Екатеринодара и разгром главной их массы, группировавшейся в этом районе, генерал Корнилов, свернув на запад, двинулся через станицы Ново-Дмитриевскую и Георгие-Афипскую, рассчитывая смелым маневром обойти Екатеринодар с юга и взять его.

Армия начала дальнейшее наступление, выбивая из попутных станиц упорно оборонявшихся там большевиков. Стоявшая до той поры благоприятная погода испортилась; в течение нескольких дней при небольшом морозе шел снег с дождем и ветром; люди и лошади двигались облепленные обледеневшим снегом и насквозь промокшие; неоднократно

в таком виде приходилось переправляться по горло в воде через полузамерзшие реки, ручьи, а затем атаковать позиции большевиков. Немало замерзло этих мучеников за Родину, в буквальном смысле слова покрытых ледяной корой.

Но ничто не останавливало этих героев. Их вел, перенося те же страдания и невзгоды, сам генерал Корнилов восстанавливать поруганную изменниками и предателями несчастную их Родину.

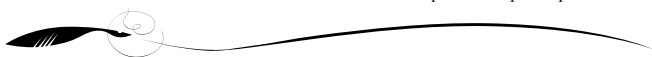
Эти герои в лице своего вождя видели перед собой живую воплотившуюся честь России; они видели в нем сосредоточение лучших живых сил земли Русской, которые создадут Россию; они верили в него, в его гений и шли с радостью на смерть, сознавая, что на их пролитой крови и костях генерал Корнилов постепенно закладывает прочный и могучий фундамент будущей новой и великой России.

После ряда боев у ст. Дмитриевской, Афипской, обойдя Екатеринодар с юга и переправившись через р. Кубань западнее его у ст. Елизаветинской, генерал Корнилов в последних числах марта подошел к Екатеринодару. Начались серьезные бои за обладание городом.

Большевики, сосредоточивши большие силы и располагая громадными боевыми запасами, оказывали упорное сопротивление.

Однако, тесня врага шаг за шагом, Добровольческая армия подошла почти вплотную к западной окраине города. Временами добровольческие части врываются в город, но контратаки крупных сил большевиков вынуждали их уходить.

Генерал Корнилов со своим немногочисленным штабом расположился, как всегда, неподалеку от места боя, в одиноко стоявшем в поле в 2 верстах от города, на крутом берегу р. Кубани домике — молочной ферме. Этот домик ясно виден со стороны города, и большевики, предполагая присутствие там штаба добровольцев, жестоко обстреливали его.

Снаряды все время рвались то в саду, то во дворе и над крышей дома; один снаряд разбил стоявший возле домика маленький сарай. Крыша дома была пробита осколками снарядов. Однако генерал Корнилов продолжал оставаться в этом доме, не желая никому даже на мгновение дать возможность подумать, что он обращает внимание на огонь противника или опасается его. Большую часть дня и ночи он проводил на позициях, обходя их и лично руководя боем.

31 марта утром, после бессонной ночи и обхода сражавшихся на позиции войск, генерал Корнилов сел за стол в обращенной окном к стороне противника комнате и начал по карте обдумывать план дальнейшей атаки Екатеринодара. В этот момент большевистский снаряд, пробив стену дома, влетел в комнату и разорвался перед генералом Корниловым...

Смертельно раненного, его немедленно вынесли из находившегося под огнем дома под обрыв на берег р. Кубани, где герой, не приходя в сознание, скончался, окруженный своими боевыми соратниками и сподвижниками.

Перестало биться великое сердце, пылавшее неугасимым огнем любви к несчастной опозоренной Родине!

Не стало великого патриота земли Русской и талантливоего полководца, с юных лет взявшего меч для защиты ее чести, сохранившего и воплотившего в себе эту честь в дни позора, бесчестия и страдания родной земли!

Скончался тот, кто в безграничной любви к своей Родине, жертвуя жизнью, первый вступил в открытую и настойчивую борьбу с темными, разрушавшими Россию и армию силами и их вождем — Керенским.

Но опьяненный революционно-большевистским ядом народ в горячечном бреду не узнал своего спасителя и предал его как «изменника и мятежника».

Его жизнь — величайший образец воинской доблести, патриотизма, беспредельной любви к Родине.

Нам, современникам, не оценить в полной мере той роли, которую Провидение предназначило генералу Корнилову сыграть в истории России.

Ее оценят грядущие поколения. Мы только можем сказать: генерал Корнилов — это сосредоточение лучших и наиболее сильных качеств русского народа, его чести, его воли и его разума.

И в момент величайшей разрухи Родины он один из немногих сохранил в себе эти качества.

* * *

После смерти генерала Корнилова вступивший в командование армией генерал Деникин прекратил атаки Екатеринодара и, стремясь сохранить остатки армии, двинулся на север в Донскую область, где образумившиеся казаки уже изгнали большевиков из своих южных округов.

Гроб с останками генерала Корнилова был взят армией, и его везли вместе с обозом штаба до колонии Гнадау.

Здесь, в ночь на 2 апреля, в одной из усадеб, при соблюдении строжайшей тайны, было опущено в могилу тело героя.

Расставшись со своим вождем, осиротевшая армия ушла дальше...

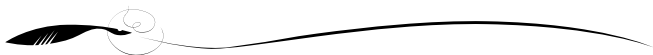
Через несколько дней большевики заняли колонию Гнадау и нашли могилу генерала Корнилова.

Озверелые, они вырыли его труп и перевезли в Екатеринодар, где, надругавшись над ним, сожгли его и прах рассеяли по ветру.

Обезумевший от большевистского яда русский народ в темноте своей, разрушая и уничтожая наследие своих предков, свое бывшее величие и могущество во славу интернационала, обесчестил себя еще и святотатством.

Это черная строка в истории бытия русского народа.

Путем бесконечных и ужасных страданий придет в себя, очнется русский народ...

Время это близится. И в глубоком раскаянии он проклянет тех, кто едва не погубил, не стер его с лица земли, и благословит светлую мученическую память того, чье имя из поколения в поколение будет передаваться как символ беспредельной любви к Родине — высокого патриотизма, хранителя в дни величайшей смуты ее чести, ее достоинства...

Это имя — Лавр Георгиевич Корнилов.

В. Пронин

Человек, который спас Корнилова

(О забытых славных подвигах)

Статья из журнала «Часовой» №.№ 88, 89, 90, 92, Париж, 1932 г.

От редакции. Подробности побега генерала Корнилова из австрийского плена очень малоизвестны. Только в 1928 г. в одной из чешских газет появились воспоминания б. австрийского солдата, чеха по национальности, Франтишека Мрняка, который героически помог генералу Корнилову бежать, а сам был пойман и приговорен к смертной казни. Только наступившая заря чехословацкой свободы спасла героя от позорной смерти. Он был награжден чехословацким военным крестом, двумя медалями и званием фельдфебеля.

Русские должны с благодарностью запомнить имя Франтишека Мрняка.

Не враг, а брат

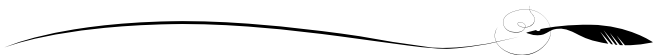
В момент объявления войны я был среди первых, которые ушли на фронт, и, говоря откровенно, с целью, при первой возможности перебежать на «неприятельскую сторону». Суждено было иное: вскоре, будучи ранен,

я возвратился в тыл, чтобы по выздоровлении провести шестимесячный отпуск у себя на родине в Тршебеницах. Но в скором времени, очевидно, по чьему-то доносу я был вызван обратно в полк, который между тем был переведен из Часлава в негостеприимную Венгрию в город Большие Канижы. Будучи определен там к обучению призванных ополченцев, я прилагал все усилия, чтобы попасть обратно в Чехию, или хотя бы туда, где был бы уверен, что больше не услышу орудийного гула. Счастье мне улыбнулось. В первой половине октября м[есяца] 1915 года приказом по батальону было предписано командирам запасных рот составить списки людей, способных к санитарной службе. Я использовал эту возможность, и с помощью фельдфебеля В. Штербы мне удалось попасть в список, и я был отправлен в Кёсег, в больницу для пленных. Это было для меня большим счастьем. Отныне я мог с ласковым словом приблизиться к «неприятелю», братьям из России и Сербии, и облегчить им горькую участь пленника.

Больница для пленных в Кёсегене

И хотя это в присутствии немецких и мадьярских солдат не было произнесено вслух, но мы все, чехи, понимали и знали, что идем к своим и будем любить их как братьев. Радость этого успеха омрачила нам мысль о том, как будем мы приняты, ибо были более чем уверены, что придем в среду, где будет преобладать мадьярский элемент, нам в высшей степени враждебный. Что наши опасения были обоснованы, мы убедились сразу же после прихода в больницу, где нас уже ожидали. Навстречу нам вышел фельдфебель Панай, мадьяр, грубейшей закваски человек, который уже на первый взгляд поражал своей наружностью и суровым взглядом.

Он встретил нас с злорадной усмешкой и начал бранить нас лентяями, изменниками и иными ругательствами, которые в чешском переводе описать просто невозможно из-за их неприличного значения и смысла. И это был, так сказать, наивысший господин и начальник в этом месте, потому что действительный начальник больницы, штабной врач д-р Максимилиан Клейн, еврей и завзятый австриец, о больнице совершенно не заботился, а всю заботу о персонале и больнице предоставил этому фельдфебелю. Уход же за больными он возложил на русского пленного полкового врача д-ра Бутковского, человека золотого сердца. На другой день по прибытии каждого из нас по способностям размещали по определенным местам. Одного в портняжную, другого в сапожную, третьего к дезинфекционной камере, четвертого к обслуживанию больных, иного на помощь в кухню, склад и так далее, а меня назначили в больничную аптеку.

Больничная аптека

Службу аптекаря исполнял Кютель, бывший в чине поручика, владелец аптеки в Кёсеге, тоже мадьяр, но совершенная противоположность фельдфебелю Паною. Кютель отличался интеллигентностью и врожденным тактом, и дружественно относился к подчиненным. Судьба дала мне его в начальники. Под добрым руководством господина Кютеля за три месяца я усвоил столько познаний, что мне было доверено самостоятельно готовить лекарства, и я оправдал его доверие. Кютель доверял мне настолько, что перестал сам ходить в аптеку и всю работу возложил на меня. Имея в городе свою аптеку, он более посвящал себя работе дома, и в больничной аптеке показывался ежедневно на полчаса или час, как бы для присмотра. Мне за мой труд платил 60 корон в месяц.

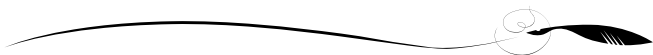

Русский врач поляк доктор Гутковский

Помещение аптеки находилось по соседству с приемной дежурного врача, коим был военнопленный русский д-р Гутковский. Доктор Гутковский, по происхождению поляк, был прекрасный человек и врач недюжинных способностей. Больные его любили, и он был им предан. После работы он приходил ежедневно в аптеку побеседовать с аптекарем. Большинство их разговоров касалось современных событий на фронте, доходило и до политических дебатов, а также высказывали они свои предположения о конце войны. Из их разговоров, в которых принять участия я не мог, я сообразил, что д-р Гутковский, хотя и поляк, но большой русофил и горячий поклонник славянской идеи, чего и не скрывал. Когда же аптекарь Кютель нашел во мне заместителя и в аптеку приходил только на полчаса, д-р Гутковский продолжал свои посещения и повел беседы со мною. Во время этих разговоров я откровенно сознался, что думаю бежать в Россию. Вновь приходящие русские военнопленные, раненые, рассказывали о чешском войске (в то время «Чешской дружине») в составе Русской армии. Как-то я опять высказал доктору Гутковскому свое желание бежать в Россию и поступить в Чешскую дружину. Он только пожимал плечами и, указав на невозможность такого предприятия, предупредил меня о рискованности такого шага. Но мысль эта глубоко запала мне в голову. Никакие доводы разума не могли ее побороть.

Два русских пленных

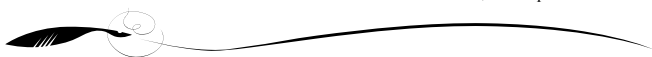
Доктору Гутковскому были даны в помощь два русских пленных, Константин Мартьянов и Петр Веселов. Оба по профессии массажисты, ученики русской санитарной школы. Костя — большой, рыхлый парень приятной наружности и веселого характера. Веселов — небольшого роста, коре-

настой, серьезный, с выражением горечи на лице. Кроме русской «жинки» (сестры милосердия), они были единственными помощниками доктора Гутковского во время операций и перевязок. С этими молодыми людьми я в скором времени завел дружеские отношения, и не было дня, чтобы хотя час или два мы не были вместе. Частые посещения этих молодцов благодаря доносчикам не ускользнули от внимания фельд-фебеля, и последствием этого было заметное уменьшение запасов сахарной пудры (сахарина) и чистого спирта в аптеке. Подкупив этим, я его обезвредил и получил полную свободу, а позже он никогда не решался выступить против меня. Я расширил мое знакомство с русскими пленными, оказывал им услуги, был им полезен. Они все меня полюбили.

Первые вести о Корнилове

Только в начале июня 1916 года наше спокойствие было нарушено приказом выстроиться перед зданием, в котором находилась канцелярия больницы. Из больницы вышли штабной врач, начальник больницы д-р Клейн, начальник охранного отделения и дежурный офицер генерального штаба. Последний прочитал нам приказ приблизительно следующего содержания: «Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах пленен был у города Горлицы со всем своим штабом один из наилучших генералов Русской армии генерал Корнилов. В короткое время этот генерал дважды пытался бежать из плена, и лишь благодаря наблюдательности и исполнительности стражи повторенный побег не удался. Генерал Корнилов теперь заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в генерале Корнилове человека в высшей степени энергичного и твердого, решившегося на все, и убеждено, что он от замысла побега не откажется, болезни лишь симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Бесспорно, что

в случае удачного побега в настоящее время державы нашли бы в нем серьезного, военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные сведения в плену использовал бы для блага России и вообще наших врагов. Обязанность каждого этому воспрепятствовать. Высшее военное командование поэтому приказывает генерала Корнилова хотя и тайно, но строго охранять, каждое сношение с кем-либо запрещать и, в случае попытки побега, воспрепятствовать этому любой ценой. Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и ежедневно обязан давать сведения о положении дела. Тот, кто будет способствовать побегу генерала Корнилова, будет осужден на основании §327 воинского государственного закона как за преступление против государственного благополучия, устанавливающего наказанием «смертную казнь».

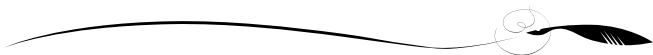
После прочтения приказа следовала проверка начальника больницы доктора Клейна, который, припоминая нам наши воинские обязанности, с указанием на принесенную присягу призывал нас к взаимной работе.

Ожидание Корнилова

Не я один думал о прибытии генерала.

Одни в своем воображении видели себя в роли сыщиков, другие думали о том, какую бы получили награду, открыв попытку побега, и т. д. А я? Я старался себе представить тот переполох, если бы мы с ген. Корниловым сделали прогулку за границу.

Это была только фантазия (ведь Корнилова здесь еще не было), но фантазия такая, которая в точности согласовалась с моим прежним желанием уйти как можно дальше из страны рабства туда, где любовь в союзе с братством, где пробуждается доверие к новой жизни, где за свободу славянских народов проливают кровь и жертвуют жизнью. Однажды

зародившаяся мысль становилась навязчивей и требовала своего осуществления, отнимала сон — не давала покоя. До сих пор я о генерале Корнилове ничего не слышал.

В случайном разговоре я узнал, что генерал Корнилов — сын бедного казака, своим трудолюбием и настойчивостью достиг того положения, какое сейчас занимает. Слышал я о его успехах, когда он посвящал себя армейской разведочной службе, о его героических подвигах в Русско-японскую войну, когда в бою под Мукденом, будучи окружен японцами, с целой бригадой, которой он командовал, прорвался, не оставив ни одного человека в руках неприятеля. Это были подвиги, рисовавшие его как героя-исполина, широкогрудого, увешанного орденами и другими знаками отличия.

Я был несколько разочарован, когда увидел генерала — человека небольшого роста, ничем не выделяющегося по наружности. Но для моего решения это обстоятельство, конечно, никакой роли не играло.

Я встретил Костю Мартьянова и старался найти в нем союзника для своего плана. Меня охлаждало отношение доктора Гутковского, потому что он, всегда очень разговорчивый, боязливо избегал всякого намека о Корнилове и меня сторонился. Я перестал ему верить и притворился равнодушным, чтобы рассеять его подозрения ко мне, хотя не знаю, были ли у него таковые.

Я узнал некоторые подробности о неудавшихся попытках побега генерала Корнилова, а также что первую попытку совершил офицер русского аэропарка Александр Васильев, вторая, в Пече в замке Естергези, произошла при участии капитана Генерального штаба князя Солнцева-Засекина и поручика Дворниченка.

Эти неудачи повели за собою усиленный надзор, так что Корнилов не мог сделать и шага без наблюдения. Он заболел, и казалось, что уже смирился с участью пленника и совершенно отказался от замысла бежать. Но когда его попросили,

чтобы он обязался честным словом не бежать, за что ему будет предоставлена большая свобода, он резко отказал и просил, чтобы его от подобных предложений освободили навсегда.

Генерал Корнилов в больнице

По прибытии в больницу генерал Корнилов поместился в офицерском павильоне, где во втором этаже ему была отведена небольшая комната с комнатой для вестового (Димитрия Цезарского). Это был его денщик из России, которого он сам попросил для услуг и в котором был совершенно уверен.

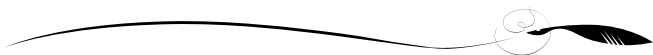
Цезарский был новым членом, который прибыл в наш кружок. Я заметил, что в скором времени после приезда генерала Корнилова мои два приятеля, Мартьянов и Веселов, часто ищут общества Цезарского и подолгу с ним совещаются. Результатом этих совещаний было то, что доктор Гутковский прописал для генерала Корнилова веронал, а я должен был ему его вручить. Я знал, что это условная игра, и пошел отдавать лекарство.

Первое знакомство

Генерал Корнилов принял порошок, смерил меня недоверчивым взглядом и, предложив мне сесть, сказал:

«До меня дошел слух, что вы слишком заметно интересуетесь моею особой и участью. Советую вам вовремя это оставить. Иначе вы будете иметь крупные неприятности. Я знаю австрийские законы и знаю, что вас ожидает. Будьте поэтому осторожны и не подвергайте себя опасности».

Эти слова меня поразили. Я ожидал совершенно иного, и когда уже опомнился, то ответил, что мои расспросы не имели иной цели, как помочь генералу в побеге, и что я буду счастлив, если в этом направлении смогу быть полезным. Указав сейчас же на то, что я чех, и объяснив генералу

наше отношение к Австрии, я заявил, что согласен при каких угодно обстоятельствах ему помочь, будучи убежден, что мой поступок встретит сочувствие всех сознательных чехов.

Тогда ген[ерал] Корнилов сказал:

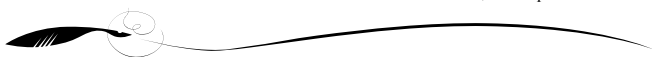
«С удовольствием принимаю ваше предложение. Вам будет благодарна не только Россия, но и все славянство».

Затем, расспросив о моих родных, пообещал по возвращении благополучно в Россию оказать им денежную помощь по окончании войны. Это был результат нашей первой встречи. Пообещав придти на другой день, я ушел, чтобы мое продолжительное пребывание у него не возбудило подозрений. Мартьянов и Веселов, интересующиеся результатом свидания, ожидали меня у входа в аптеку, желая знать, как прошло совещание, хитро ими подготовленное. Удовлетворив их любопытство, я их удалил, желая сам остаться со своими мыслями.

Первые сомнения

Я взвешивал, возможно ли вообще осуществить то, к чему обязался. Я знал, что для успеха нашего предприятия необходимо все до мельчайшей подробности продумать, застраховать себя от взаимных случайностей. Что за польза для нас от побега с пустыми руками? как далеко мы бы пробрались, если нет денег, нет удостоверений и иных вещей, необходимых для побега? Мысли кружились в голове и не давали ночами спать. За всю свою жизнь я не чувствовал большего напряжения нервов, как тогда.

Ранее, чем пробил второй час пополудни, время, в которое я обещал придти к Корнилову, у меня был готов целый план, и оставалось лишь узнать направление нашей дороги. Как было уже сказано, генерал Корнилов придавал большое значение скорости действия. Хотя я не понимал значения его слов, но не сомневался, что у него на это имеются серьезные

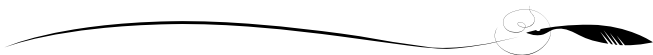

доводы. В конце концов, и я пришел к тому убеждению, что чем раньше нас здесь не будет, тем лучше для нас, и поэтому старался по возможности ускорить наше бегство.

План побега генерала Корнилова

Когда же после полудня я посетил генерала Корнилова в его комнате, то убедился, что и он не терял времени даром и уже составил определенный план. Едва я сел, как он вытащил карту Австро-Венгрии и, показав место нашего пребывания, Кёсег, повел пальцем по карте в направлении румынской границы и, остановившись у города Карансебаша, сказал: «Через Сомбателы, Раб и Будапешт до Каронсебеша поездом, оттуда через границу в Румынию пешком. Это единственный путь, куда можно легче всего проскользнуть, но это должно произойти уже до конца августа». Он предполагал, что и Румыния через короткое время вмешается в войну. Насколько его предположения были правильны, видно из того, что в сентябре Румыния объявила войну Австрии. У него, наверное, была информация от миссии Красного Креста, которая у него побывала во время пребывания там и с которой он мог беседовать без свидетелей. Позднее он показал мне открытку из России, которая, не могу себе объяснить как, прошла незамеченной цензурой. Ему писали: «Время не терпит. Ожидаю тебя с нетерпением». Подпись: «сестра Романова».

Будучи убежден в дельности его слов, я ничего не возражал против намеченной цели нашего пути и старался мой план согласовать с его предположениями. Разбирая пункт за пунктом, я изложил ему, как себе представляю весь наш план и, получив согласие, коснулся главного вопроса, которого не в состоянии был сам решить, — вопроса о деньгах. Я признался ему, что у меня есть около 180 крон, но что этого не достаточно. Он дал мне 300 крон с замечанием, что в случае нужды даст еще, но что нужно экономить, так как остаток

небольшой. Со всею наличностью у меня было теперь почти 500 крон, и с ними я рискнул обойтись. Когда же мы уговорились еще о некоторых подробностях, я вернулся в аптеку, чтобы начать приготовления в дорогу.

Быстрые приготовления

Моей первой заботой было достать удостоверения на дорогу. Сделал я это простым способом. В кантине я купил два отпускных бланка и в обеденный перерыв отправился в канцелярию, зная, что служащие унтер-офицеры ушли, как и всегда, в город на обед, поставил на них круглую казенную больничную печать: «Запасная больница в Кёсеге». Вернувшись в аптеку, я заполнил один для генерала Корнилова на имя Штепана Латковича, а другой для себя на имя Шитвена Нэмета и красными чернилами пометил их для бесплатной езды до Карансебеша и обратно, подделал подпись начальника больницы доктора Клейна — удостоверения были готовы.

На случай непредвиденной нужды заготовил я также бумажку военной полиции.

Из заборной книжки, где местное военное командование подтверждало казенной печатью получение взятых медикаментов, вырвал я себе полуисписанный лист, верхнюю исписанную часть отрезал, а на нижней половине с печатью написал на пишущей машинке удостоверение военному полицейскому Шитвену Нэмету, которому поручен розыск бежавших пленных в лесах около Карансебеша. По форме и виду это было неправильное удостоверение, но тогда оно мне казалось достаточным, и использовать его я хотел в совершенно исключительном случае. Когда это было заготовлено, я купил в городе два поношенных штатских костюма, два ранца, револьвер, бинокль и различные мелочи. Карта, компас и карманный электрический фонарь были у генерала Корнилова.

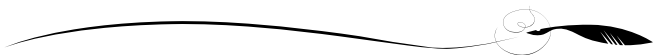

Последний раз в отпуск

Пока что заготовлено самое необходимое, и поэтому, уговорившись с генералом о дне нашего побега, установленного окончательно на 11 августа, я подумал об отпуске. Тоска по дому, желание повидаться с дорогими родителями, братом и знакомыми ввиду серьезного задуманного бегства было понятно. Посему я обратился к аптекарю Кюттелю, чтобы он замолвил за меня слово у начальника больницы и достал бы для меня хотя краткосрочный отпуск, так как от начала войны я не был дома и с удовольствием туда заглянул бы. Он пообещал мне это сделать, и 20 июля 1916 года я приехал в Тршебеницу в шестидневный отпуск. Ехал я с радостью, но душевная грусть, что в скором времени причиню боль своим близким, омрачала мне радость встречи с ними. Итак, насколько была радостна встреча, настолько грустная разлука. Как во сне убежали шесть дней, и 26 июля, в день именин моей матери, я готовился в обратный путь.

Тяжело и больно мне было, когда при прощании мать со слезами и мольбою просила меня, предчувствуя что-то не доброе, быть осторожным.

Я был доволен, когда, сидя в поезде, уезжал в Кёсег. Уезжал я в хорошем настроении. Странные мысли бродили в моей голове. Колеса поезда своим стуком как бы говорили: изменник — ты изменник. — ты... Нет, ведь я для Родины хочу умереть!.. Долой слабость и выше голову. Иметь лишь одну цель! Верить в успех и преодолеть препятствия. В Кёсег я вернулся с большей решительностью, нежели когда-либо, добиться того, что задумал и пообещал. После прихода в больницу я постарался установить, все ли в порядке и не заметил ли кто чего-либо. Убедившись, что все в порядке, я посетил генерала Корнилова. Он был моим возвращением, очевидно, обрадован и ничего не возразил на мое предложение, чтобы мы перестали сноситься до самого дня бегства и чтобы все сношения из осторож-

ности делались бы при посредстве Мартьянова и Цезарского. Я ему пообещал, что посвящу обоих в план действий, а потом мы разошлись, чтобы встретиться в день побега.

Как мы совершили побег

Комнатка, в которой был помещен генерал Корнилов, находилась в офицерском павильоне, в котором была больничная канцелярия и у входа стояла стража. Единственное окно этой комнатки было обращено к больничным воротам и зорко наблюдалось стоящей там стражей. Страже строго было приказано наблюдать как за окном генерала, так и за прилегающим пространством. Все это генералу Корнилову было хорошо известно, и поэтому он постоянно находился в постели, притворяясь серьезно больным. Доктор Гутковский, несколько раз в день навещавший генерала, обязан был ежедневно давать сведения о состоянии его здоровья начальнику больницы, который с большим удовольствием видел бы генерала Корнилова где-нибудь в лагере для интернированных, чтобы быть избавленным от ответственности, возложенной на него присутствием генерала в больнице.

Тяжелую борьбу выдержал доктор Гутковский, когда незадолго до нашего побега заявил, что состояние здоровья генерала ухудшилось, и требовал отмены приказа, по которому дежурный санитар через каждый час лично наблюдал за генералом.

Доказывал он, что для улучшения здоровья генералу Корнилову необходим абсолютный покой и что посещения санитаров в высшей мере его раздражают. Гутковский достиг того, что его настойчивая просьба была удовлетворена, но дозор снаружи усилили. Страже у ворот было приказано по очереди обходить павильон, а потому стоявшему при входе частым осмотром здания убеждаться, не творится ли чего-либо подозрительного.

Зная все это, я посвятил Мартьянова и Веселова в их роли, собрал свои вещи, сжег корреспонденцию, приготовил все, что мне казалось нужным, чтобы в решительный момент нас ничто не задерживало. Я приготовился и на тот случай, если бы наше предприятие провалилось и нас бы поймали.

Хорошо зная, что в таком случае меня ожидает, я приготовил себе три пилюли с сильным ядом и, завернув их в хлопок, спрятал в ушах, имея их таким образом всегда наготове. В крайнем случае, т. е. перед казнью, я бы отравился. За несколько времени до проектированного нами побега закупил я в городе небольшой запас пищевых продуктов дня на два, как то: хлеба, сухую колбасу, коробку шпрот, бутылку вина и немного папирос. С этим мы рассчитывали обойтись. 11 августа, как и всегда, я работал в аптеке. Кончив приготовления лекарств, я ожидал прихода аптекаря, и когда последний, найдя все в порядке, удалился из аптеки, разнес лекарства по назначению, осмотрев внимательно околицу и не увидев ничего серьезного, я вернулся в аптеку, чтобы написать письмо приблизительно следующего содержания:

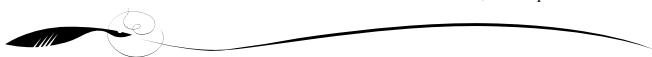
«Лучше смерть, чем жизнь невольника, прошу меня простить, если этим письмом причиню вам большую боль и заботу. Так должно быть. Убегаю вместе с пленным русским генералом Корниловым в Россию. Когда будете читать эти строки, я буду уже в безопасности, и поэтому никаким образом не старайтесь мне в этом помешать. Это было бы напрасно. Твердо надеюсь, что это нам удастся, суждено ли иное, тогда умру как тысяча иных с той лишь разницей, что от собственной руки. Почему это делаю, вам известно — ведь вы меня знаете. Прошу Вас сохранить обо мне добрые воспоминания и простить, если чем-либо вас обидел или огорчил. В надежде на более счастливое свидание, ваш сын и брат Франтишек. По получении этого письма, после прочтения немедленно сожгите его. Если буду пойман, отравлюсь».

Это было содержание письма, которое я хотел послать родным, но при уходе о нем забыл, поэтому письмо было преждевременно найдено, и это имело роковые последствия.

Написав письмо, я уведомил через Мартьянова генерала Корнилова о том, что я готов. Было условлено, что в 12 часов генерал Корнилов, переодетый в костюм Цезарского, придет ко мне в аптеку, а тут сделаем все остальное. Цезарский получил приказание лечь в постель и представлять спящего генерала, а доктор Гутковский должен был его навещать, как это делал и раньше. Как всегда должен был получать для генерала пищу, чтобы так по возможности дольше скрыть его отсутствие. Только на четвертый или пятый день могли поднять шум об исчезновении генерала Корнилова. За это время мы предполагали быть в безопасности.

Точно в 12 часов я увидел из окна аптеки, как генерал Корнилов, с повязанной головой, переодетый русским пехотинцем, спрыгнул с окна уборной и побежал в направлении аптеки. Быстро выбежал наружу и, осмотрев все пространство больничного двора, дабы убедиться, не видел ли этого кто-либо, и не видя ничего подозрительного, я вернулся в аптеку, запер ее, а затем с помощью Мартьянова переодел генерала Корнилова в приготовленную уже форму австрийского солдата. Между тем Веселов убрал сброшенное платье Цезарского, а я подстриг генералу усы, уже прежде подстриженные на английский манер, и выжег ляписом родинку на левой щеке. Надев темные очки, с трубкой во рту он готов был представиться каждому как солдат австрийской армии. Когда это было кончено, мы быстро загладили следы сделанного нами беспорядка и, взяв на плечи котомки с вольным платьем и продуктами, были готовы навсегда оставить больницу. Мартьянов и Веселов, распрощавшись с нами прежде, были уже на разведке, и по данному ими знаку, что опасность не грозит, мы двинулись. Быстрыми шагами прошли мы больничный двор к воротам, где нас беспрепятственно

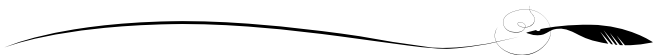
пропустили и, не осматриваясь, побежали на станцию, чтобы успеть на поезд, который должен был нас увезти к цели нашего пути. Пришли мы вовремя, поезд подходил к станции. Заверив далее свои отпуски в кассе, уселись мы в поезд, и через несколько минут Кёсег и больница остались позади.

Первая опасность

В поезде мы уселись друг против друга и притворились углубленными в чтение газет. Наши мысли витали далеко, и казалось, что поезд как бы нарочно шел медленно. Около половины четвертого мы прибыли на ст. Раб, где нам нужно было пересест на поезд, идущий в Будапешт, но так как до отхода поезда оставалось полтора часа, то мы отправились в ресторан третьего класса, где за кружкой пива намеревались выждать прихода нашего поезда. Едва мы уселись, как прибыл курьерский поезд из Вены, и среди пассажиров, вошедших в ресторан, оказался один из санитаров офицерского отделения, хорошо знавший генерала Корнилова.

Это был Алоис Домносил, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, с бледным лицом и сильно хромящий на левую ногу. Он возвращался из Чехии, где проводил свой отпуск, и в Рабе пересаживался. Естественно, что мы с большим удовольствием бы исчезли, но уже было поздно. Он нас увидел. Хотя он и не узнал генерала, но узнал меня. Видя безвыходное положение, я пошел ему навстречу и сел с ним к другому столу, конечно делая вид, что не знаю Корнилова.

Не желая допустить, чтобы по возвращении в больницу он рассказал о нашей встрече, я сказал ему, что еду в Будапешт за лекарствами и выехал раньше, потому, что там меня ожидает девушка, и просил его никому ничего не говорить о нашей встрече. Он пообещал молчать, и когда прибыл поезд, с которым ему нужно было продолжать путь, я проводил его до вагона, желая убедиться в его отъезде. Полуторачасовое

ожидание казалось вечностью, и мы обрадовались пришедшему поезду, с которым поехали дальше. С неуверенностью в сердце, ибо знали ожидавшие нас последствия, если бы Домносил по приезде в Кёсег рассказал о нашей встрече, мы прибыли в Будапешт в двенадцатом часу ночи.

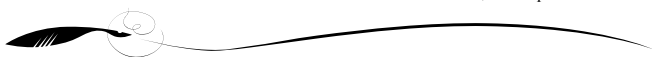
Проехали без приключений и там узнали, что ближайший поезд в Карансебеш уходит в шесть часов утра, принуждены были искать ночлег, ибо после двенадцати никто из пассажиров не мог остаться в вокзальном помещении. В отель без достаточных документов мы не решились идти, не желая столкнуться с военной полицией...

После длительного совещания, набравшись нахальства, мы вошли в военное ночлежное помещение на вокзале и попросили дать нам ночлег. После предъявления отпускных билетов нам была отведена одна постель на двоих, и мы почувствовали себя в большей безопасности в соседстве с чинами военной полиции, чем где бы то ни было. В пять часов утра нас разбудили, дали бесплатный завтрак, потом вернули билеты, проштемпелеванные станционной комендатурой, и в шесть часов мы уже уселись в поезд, идущий в Карансебеш.

В течение всего времени с того момента, как мы расстались с Кёсегом, с нами не было ни одного приключения и мы начали твердо верить в успех нашей «прогулки». Генерал Корнилов, погруженный в думы в течение всей дороги, почти не разговаривал и казался спящим.

Вторая опасность

Я вспоминал о родителях, брате, знакомых, что скажут когда... когда. И тут как бы гром надо мною разразился. Письмо! Письмо, которое я писал родителям и в спешке забыл в ящике стола! Какие последствия это повлечет?!.. Мысль о том, что оно уже обнаружено и нас разыскивают, лишила меня решительности, и я с большим удовольствием вышел бы

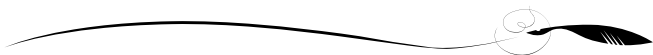
из поезда на первой же станции, чтобы, изменив направление, идти пешком. Но я не решился о случившемся рассказать генералу Корнилову и, став у окна вагона, я внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг, в особенности за военными постами на станциях, через которые мы проезжали, желая по их поведению определить, известно ли им о нашем побеге и не следят ли уже за нами.

Счастливо избегнутая третья опасность

Ко мне вернулась утерянная решительность и спокойствие, когда я убедился, что опасности нет. В Карансебеш мы прибыли в шестом часу вечера, и там к своему ужасу я узнал, что поезд наш оцеплен войсками, которые каждого выходящего из поезда уводят в вокзальное помещение. Уведомил об этом генерала Корнилова. И он, и я считали наше дело погибшим. С бьющимся сердцем шел я с генералом в вокзальное помещение в сопровождении своих проводников, где в канцелярии комендатуры проверялась правильность документов. Мы убедились, что эта мера была принята исключительно для нашей поимки и были чрезвычайно удивлены, когда после проверки нам возвратили документы, и нам можно было отойти к тем, у которых документы уже проверены. После поверки офицер, проверявший документы, сказал, что находясь в пограничной полосе, где действуют особые предписания, мы обязаны лично явиться в местное военное управление. Неисполнение сего повлечет за собою наказание тюремным заключением. После этого нас отпустили...

Пешком к границе

Было радостно и легко, когда, оставив вокзальное помещение и радуясь счастливо минувшему испытанию, зашли мы в ближайший ресторан подкрепить свои силы, чтобы затем

без промедления отправиться в дальнейший путь. Пройдя город, мы направились к лежащему неподалеку горному хребту, покрытому лесом, которого и достигли к полуночи. Почувствовав себя там в некоторой безопасности, мы остановились отдохнуть перед предстоящей трудной дорогой. Мы сняли мундиры и одели вольные костюмы, а военные мундиры спрятали в кусты, не подумав, что мундиры сослужили бы нам нужную службу, потому что своим штатским одеянием мы резко отличались от местного населения, чем обращали на себя излишнее внимание. Но было уже поздно исправлять сделанную ошибку, и нам не оставалось ничего больше, как скрываться и тщательно избегать встреч с населением. После двух часов отдыха мы встали, и генерал при помощи карты и компаса определил направление, по которому нам предстояло в самый короткий срок достичь границы. Делая небольшие остановки, мы шли непрерывно до самого утра, а затем, уставшие и измученные голодом, решили до вечера отдохнуть, с тем чтобы с наступлением сумерек продолжать начатый путь. Укрывшись в молодой поросли, мы съели небольшой запас провизии и проспали до пяти часов вечера.

Заблудились

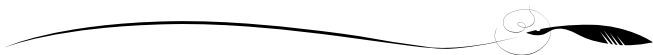
По пробуждении генерал Корнилов заметил, что у него нет компаса, который шнурком был прикреплен к петле пиджака. Очевидно, он потерял его, когда мы пробирались густой зарослью, и о поисках его нечего было и думать. Насколько он был для нас важен, нам пришлось убедиться еще в течение той же ночи, когда в силу сложившихся обстоятельств нам пришлось пробираться непроходимыми местами и скрываться перед расположенными там военными постами. Чтобы не привлечь их внимания, нам часто приходилось пробираться шаг за шагом, что отнимало много времени и сильно нас утомляло. Без возможности ориентироваться нам пришлось блуждать,

и часто после длинного перехода мы возвращались на то же место, где уже были. Предсказание генерала Корнилова, что в течение тридцати часов мы легко достигнем границы, оказалось ошибочным. Мы блуждали таким образом полных пять дней, не зная, где находимся. Спрашивать или войти в одно из близлежащих поселений мы не решались. Продуктов у нас из опасений себя обременить было немного, и поэтому нет ничего удивительного, когда после пятидневного блуждания, обессиленные и голодные, мы решили раздобыть пищу за любую цену. Ежевика и малина, которые встречались на каждом шагу, утоляли нашу жажду, но не голод. Случилось так, что ночью в ночь с 17 на 18 августа 1916 года на верхушке холма, в третьем часу утра, мы были разбужены стадом хрюкающих кабанов, которые, заметив наши движения, разбегались во все стороны, а мы, вставши, увидели вдали мерцающий огонек. Наблюдая внимательно за местом, где мерцал огонек, мы заметили силуэт постройки, над которой вился дымок. Не видя других домов, мы решили, что это хижина дровосека.

Роковое посещение

Было решено, что после рассвета мы туда заглянем и что может быть там нам удастся раздобыть некоторое количество провизии и узнать наше приблизительное местонахождение. Как условлено, так и сделано. С рассветом мы отправились в направлении указанной постройки. Было около 8 часов утра, когда, идя лесом, мы очутились на краю поляны, на противоположной стороне которой находилась деревянная постройка, очевидно, та, над которой вился дымок. На вывеске была надпись «Кантина Барловица». После короткого совещания, не видя ничего подозрительного, я оставил генерала Корнилова на краю поляны, откуда он мог обозревать всю местность и в случае опасности заблаговременно скрыться, и пошел в кантину.

Катастрофа

Открыв дверь, я увидел только пожилую женщину, занятую наполнением бутылок. Заметив ее вопросительный взгляд, я обратился к ней с просьбой продать мне что-нибудь съестное. Она предложила мне черный хлеб, овечий сыр и солонину. Попросив у нее еще бутылку вина и уплатив за это требуемую сумму, я намеревался возвратиться той же дорогой, какой сюда пришел. Повернувшись, я с ужасом увидел в дверях двух человек, вооруженных большими палками, которые не спускали с меня глаз и мешали мне выйти. В этот же момент открылась дверь перегородки, разделявшей помещение, и в дверях показался прилично одетый мужчина, спросивший меня, кто я и что делаю в этих отдаленных углах. Я сказал ему, что закупил здесь разные вещи, за которые уплатил требуемую сумму, теперь хочу уйти и попросил его объяснить мне, почему препятствуют моему уходу. Тогда он попросил мою «легитимацию». Видя перед собой штатское лицо, я ему в этом отказал. Только после того, как он показал мне удостоверение пограничной стражи, я предъявил ему документ военной полиции, добавив, что являюсь одним из восьми членов экспедиции, которая здесь разыскивает бежавших пленных. Я уверял его, что зашел сюда купить съестных припасов и что остальные ждут меня на противоположном конце холма, откуда хорошо видно эту кантину. Поверил ли он или нет, я не знаю, но он сказал, что так как мои документы не заверены военными властями, то он должен, к сожалению, согласно инструкции передать меня жандармерии в Барло, там меня могут отпустить, а дальше уже не его дело. Я угрожал, просил, убеждал, но все напрасно. Он на все мои слова лишь пожимал плечами и передал меня тем двум человекам, что стояли у двери, сказав им что-то на венгерском языке. Они взяли меня за руки, и я волей-неволей принужден был с ними идти.

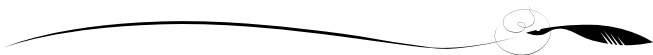

Не выстрелил...

С ковригой хлеба и бутылкой вина в руках шел я с ними около четверти часа. Я уже начал подумывать о том, как избавиться от нежелательных проводников. Это можно было сделать только насилием, — у меня был в кармане заряженный револьвер, который я и хотел для этой цели использовать. Доносящиеся до моего слуха людские голоса мне в этом мешали. Прежде всего, неуверенность, что таким способом мне удастся бежать, а во-вторых, опасение, что выстрелы могут привлечь военные дозоры, проходящие в лесу, которые в начавшейся погоне могли бы поймать и генерала Корнилова, заставили меня спокойно без сопротивления пойти дальше. В конце концов, что со мною может случиться, ведь меня здесь никто не знает, и если я прикинусь «дурачком», то от меня они ничего не добьются и в худшем случае меня запрут до выяснения моей личности. А случай к побегу всегда найдется... Так я предполагал. Как жестоко я ошибался, мне показал следующий день.

Уличен

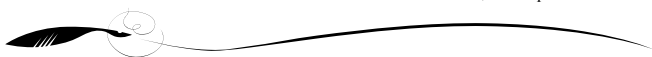
После нашего прихода в жандармское управление в Барло, куда мы дошли к одиннадцати часам, первым делом меня обыскали, и я еще и сегодня представляю себе удивленные лица моих проводников, когда из моего кармана вытащили заряженный револьвер. Безусловно, в этот момент они считали меня за самого большого дурака на земле. Кроме револьвера, отобрали у меня и остальные вещи, как например: кошелек с деньгами Корнилова, карманный фонарь, нож, подделанное удостоверение и вообще все, что было при мне. Протокол не составляли, потому что из присутствующих трех жандармов меня никто не понимал. Все они были мадьяры, не говорящие ни слова по-немецки. Будучи арестованным,

я имел достаточно времени, чтобы поразмыслить о своей судьбе. Я вспоминал о Корнилове и был больше чем убежден, что он видел все случившееся со мною и вовремя скрылся. Что в это время он был вне опасности на румынской границе, я не предполагал и был озабочен его дальнейшей судьбой. Со страхом я ожидал — скоро ли он, привезенный тоже, станет предо мною. По поведению жандармов я заключал, что они о нем не имеют и представления и меня принимают скорей всего за неприятельского шпиона, чем за кого-либо другого. Около двух часов пополудни в сопровождении двух жандармов мне пришлось совершить поездку по узкоколейке, по которой переправлялся лесной материал, и каждую минуту я ожидал, что вследствие быстрой езды мы все вместе сломаем себе шеи. Но потом я убедился, что для них это привычное дело. Вагонеткой, которая под уклон с нами просто летела, они так ловко управляли, что на поворотах и изгибах, где просто кружилась голова, они умели ее шутя остановить куском дерева на самом разбеге. После сумасшедшей езды, продолжавшейся более двух часов, мы приехали в Карансебеш, откуда, как известно, мы с генералом Корниловым отправились пешком. Было уже более четырех часов, когда меня передали военным властям, которые составили протокол.

И после того, как мною был подписан протокол, где я назывался Иштваном Нэметом, военным полицейским из Кессега, разыскивающим бежавших пленных, меня посадили под арест в одиночку.

Когда меня приблизительно через полчаса снова привели в канцелярию, где составлялся протокол, здесь уже было много офицеров, и я увидел на столе разобранный фонарь и разорванный кошелек. Их испытывающие устремленные на меня взоры не предвещали ничего доброго. Мне было приказано раздеться, после чего моя одежда была тщательно просмотрена и подкладка вырвана. Я чувствовал катастрофу, но еще не уяснял создавшегося положения.

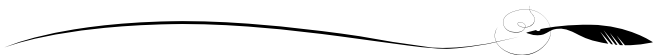

Лишь после того, как офицер, просматривавший мои вещи, задал мне вопрос, где находится генерал Корнилов, я понял, что мое положение весьма незавидное. Я не мог уяснить, каким образом они узнали о нашем деле. Только когда офицер объяснил мне, что при просмотре моих вещей он нашел в моем электрическом фонаре листок красной бумаги, которой была обмотана батарея, этот листок был сопроводительный документ генерала Корнилова, выданный ему по взятии его в плен, для меня все стало понятным... Теперь я точно знал, что было найдено забытое мною письмо, обнаружившее наш побег, и благодаря этому были приняты меры для нашей поимки. Этот листок обратил внимание офицера, просматривавшего вещи, на имя генерала Корнилова, он посмотрел на телеграмму, посланную вслед за нами, и сразу все сообразил. Он легко распознал во мне проводника генерала Корнилова и старался всякими способами: то обещанием большой награды, потом угрозой моментальным расстрелом — выудить признание о местопребывании генерала Корнилова.

Погоня за генералом Корниловым

Не зная, что генерал Корнилов в безопасности, и желая навести на неправильный путь, я утверждал, что мы, видя невозможность перехода границы в этих местах, решили на обратный путь в Карансебеш, оттуда поездом до Оршавы, и там хотели попытаться перейти. По дороге потеряли друг друга из вида, и больше нам не удалось встретиться.

Потеряв надежду сойтись с Корниловым, я решил сам возвратиться к этим границам и попробовать самому их перейти. Будучи голодным, я вошел в кантину, где меня задержали. Казалось, что моему рассказу поверили, потому что сразу был поднят на ноги весь гарнизон, уведомлены все окрестные жандармские пункты и на машинках написаны летучки,

обещающие десять тысяч крон вознаграждения за поимку генерала Корнилова. Они взяли полицейских собак, а меня со скованными руками и ногой, цепь от которой в руках держал жандарм, усадили в автомобиль, чтобы я показывал направление, по которому мы шли с ген[ералом] Корниловым до того места, пока не разошлись.

Я опасался навести их на правильный путь. Блужданием по лесу и холмам я хотел улучшить удобное время к побегу. Меня быстро раскусили и после трехдневного путешествия по лесу отправили обратно, где за труды я был награжден побоями. Было видно, что все поиски ген[ерала] Корнилова напрасны, и это укрепило мое предположение, что ему удалось бежать. Это предположение давало мне возможность подумать и о себе, каким образом выбраться из этого весьма незавидного положения. После долгих рассуждений я пришел к выводу, что пока ничего нельзя предпринимать и что лучше всего выждать и беречь пилюли, спрятанные в ушах.

В тюрьму

На пятый день после ареста меня отправили в бати-славскую тюрьму, где меня уже ожидал толстый тюремщик, заместитель военного прокурора и другие чиновники, которые единодушно соглашались, что за свой поступок я буду «повышен» и показывали это движением рук от шеи вверх. Для меня это не было новостью, так как я к этому был приготовлен. Я больше был заинтересован тем, где буду заключен в тюрьму и какие там будут условия к побегу.

Прежде чем отвести в тюремную камеру, меня снова подвергли тщательному обыску, искали главным образом яд, о котором я писал в забытом письме. Искали всюду, но в ушах не смотрели. После осмотра, который не обошелся без всяких любезных замечаний, меня отвели в помещение, где приблизительно восемнадцать чинов императорской

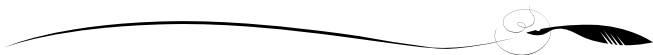

и королевской армий убивало время игрой в «мельницу» или «рамку». При моем входе на минуту все смолкло, а когда тюремная дверь закрылась, меня окружили несколько любопытных, желая знать причину моего прихода. Я рассказал, и игра прекратилась.

Я узнал, что за это дело я здесь сижу не один, что заключен какой-то доктор и еще трое русских. Как потом оказалось: доктор Гутковский, Мартьянов, Веселов и Цезарский. Это подтвердило правильность моей догадки, что мое письмо преждевременно обнаружило наш побег и я слишком поздно пожалел о своей неосторожности. Прежде чем я успел привести свои мысли в порядок, меня отвели в помещение стражи, где мне надели на руки и на ноги оковы и в сопровождении двух человек, сторожа и ключника, отвели в военную прокуратуру. Там мне сообщили о моем предварительном заключении с поучением, что в течение трех дней я могу подать «памятку». Затем записали мои приметы и сделали предварительный допрос. Без сопротивления я во всем сознался.

Судьба «изменника»

После допроса меня отвели обратно в гарнизонную тюрьму, а оттуда с наступлением темноты на гору, где вблизи замка была устроена тюрьма, и заключили в одиночную камеру. Следствие тянулось полных восемь недель. Почти каждый день меня везли на допрос по городским улицам в кандалах. Разумеется, что это вызывало скопление людей. Среди них были и такие, которые плевали мне в лицо и готовы были меня растерзать. К сожалению, это были люди не всегда мадьярской или немецкой национальности. Это были тяжелые дни, которые трудно забыть. По окончании следствия мне объявили обвинительный акт и назначили время суда на 24, 25 и 26 октября 1916 года. Мне сообщили,

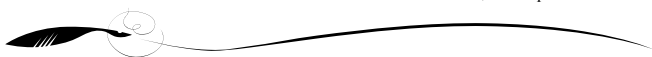
что моим защитником будет надпоручик (штабс-капитан) Шейнер, а прокурором Шварц. Ввиду обширности судебного разбирательства, я не буду подробно о нем писать, а коснусь только некоторых его пунктов. Прежде всего, коснусь свидетелей и их показаний, которых было приглашено сорок восемь человек. Первым был заслушан начальник больницы штабной врач доктор Максимилиан Клейн. Он бросил мне упрек за принесенные ему неприятности и затем изложил, как было обнаружено наше бегство и какие меры были приняты для нашей поимки.

Особенно следует затронуть показания доктора Гутковского, Мартянова, Веселова и Цезарского. Все четверо открыто сознались, что принимали участие в побеге генерала Корнилова и заявили, что их прямою обязанностью было как можно лучше позаботиться об его успешном исходе. Повинуясь приказанию своего начальника, они не совершили преступления, за которое бы могли нести ответственность, и просят на основании этого судебное преследование против них прекратить.

Против этого восстал прокурор, который доказывал, что они совершили преступление, помогая чину императорской и королевской армии совершить злодеяние, и не только в случае побега, но и в смысле измены Родине, и поэтому они подлежат полной правомочи австро-венгерских воинских законов.

Защита и приговор

На суде надпоручик Шварц как представитель военной прокуратуры в своих выводах коснулся и того, как мягкость мер австро-венгерского правительства против политических преступников чешской национальности вредит интересам государства и как нужны примерные наказания, чтобы пресечь подобного рода поступки. Указывал и на то, что в Чехии

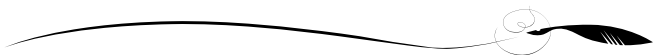

чуть не каждая служанка воспитана в славянофильском духе и является политически зрелой, что школьная молодежь воспитывается в неприязненном к Австрии духе, и поэтому чешский солдат, вместо того, чтобы с воодушевлением сражаться за своего императора и Родину, добровольно уходит к неприятелю и считает для себя за честь изменить «Родине». Если изменнические рейды д-ра Крамаржа и целого ряда чешских политиков избегают заслуживаемой кары, то в таких отдельных случаях рука справедливости не должна останавливаться... Доказательством виновности обвиняемого является полное признание, найденные и следствием обоснованные факты и его собственной рукой написанное письмо, в котором он мотивирует свой поступок выдержкой: «Лучше смерть, чем жизнь невольника»...

По окончании речи защитника, после почти полуторачасового совещания суд вернулся и вынес следующий приговор: *«Смертная казнь через повешение, лишение гражданских прав и исключение из списков армии...»* Я этого и ожидал, но сознаюсь, что на меня все же это подействовало, и лихорадочная волна пробежала по всему телу. Мой защитник поднялся и обжаловал приговор по форме. Суд принял жалобу к сведению. Доктор Гутковский, Мартьянов, Веселов и Цезарский были приговорены к дисциплинарному наказанию на восемь недель.

Заживо похороненный

По окончании разговора с защитником меня отвели обратно в камеру. У двери и окна стояла стража, наблюдавшая за каждым моим движением, дабы я не попытался убежать. Скованный по рукам и ногам должен был я там ожидать окончательного решения. Это были горькие минуты неопределенности, когда при каждом шорохе ключа я думал, что уже идут за мною. *Это продолжалось девять месяцев.*

По истечении этого времени меня снова привели в дивизионный суд и там сообщили, что верховный военный суд отменил смертную казнь и приказал дело заново пересмотреть. Через восемь дней меня снова вызвали на суд и присудили к десяти годам заключения в крепости. Через два месяца после нового приговора меня отправили в крепость в Комарно. Посланное вперед извещение, характеризовавшее меня как человека крутого характера, решившегося использовать для побега малейшую возможность, сделало для меня пребывание там просто невозможным. Мне пришлось быстро убедиться, что жизнь при таких условиях равняется медленному умиранию. Сырая камера, холод, голод и побои — имея такие условия, я начал подумывать, как выбраться из этого горнила очищения. Всячески приходилось ломать голову, и я выработал новый план.

Я начал симулировать сумасшествие. Через тринадцать дней меня осмотрел врач-психиатр и отправил в дом сумасшедших для выяснения моего сумасшествия. Я этого желал и был убежден, что нахожусь на пути к желанной свободе. Когда 20 сентября 1918 года меня перевозили в военную лечебницу для душевнобольных, я улучил удобный момент и выскочил из поезда в смирительной рубашке, направился к лесу и был спасен. Прежде чем мои проводники заметили мое исчезновение, я уже был на приличном расстоянии от железной дороги и, продолжая днем и ночью свой путь, пришел в город Трнаву, где ночью перелез стену и скрылся в здании больницы. Случайно это оказалась та же больница, куда меня отправили для исследования моего душевного состояния. Скрываясь днем, я выходил только ночью, чтобы остатками пищи удовлетворить голод. В таком состоянии и при таких обстоятельствах я дождался 28 октября, дня нашего народного освобождения, который был и моим полным освобождением.

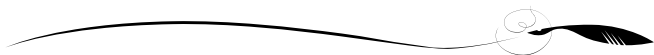

Благодарность Корнилова чехам

Что случилось с генералом Корниловым, известно всем. 18 августа 1916 года, оставив его на краю поляны, я вошел в канину закупить продукты и там был задержан. Он это заметил и своевременно удалился. Через два часа после этого он перешел границу и был в безопасности. Отсюда послал русскому посольству в Бухарест телеграмму. За ним выслали автомобиль, привезший его в столицу Румынии, где ему была устроена торжественная встреча. По возвращении в Россию он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и одновременно назначен командиром 25-го корпуса.

Проникнутый глубоким чувством благодарности к тому, кто помог ему выбраться из плена и возвратил его России, он отправился прежде всего к отрядам чешской дружины, чтобы приветствовать соотечественников того, кто пожертвовал для него своей свободой и, как он думал, жизнью.

Далее, Корнилов добился для своего освободителя почестей, каких еще, пожалуй, не имел ни один солдат чешской армии. Мнимый мертвец Франтишек Мрняк был объявлен стрелком чешской дружины и зачислен в первый полк, первую роту и первый взвод. Когда же вечером в полку производилась «поверка», военный обряд, который только чуткая и широкая русская душа сумела уложить так красиво в рамки военных обычаев, воину Мрняку воздавалась трогательная военная почесть: дежурный унтер-офицер вызывал его имя, а взводный первого взвода первой роты первого стрелкового полка чешского легиона ежедневно отвечал «Расстрелян австрийцами в Прессбурге за освобождение генерала Корнилова». Затем, по прочтении имен всех присутствующих, пели «Отче наш», русский национальный гимн и, наконец, «Где Домов мой», звуки которого

неслись далеко на запад, куда неслись и воспоминания добровольцев-стрелков и где в оковах, плесени, голодный, ежился от холода в сумраке крепостного каземата тот, кто был предметом ежедневной почести чехословацкого войска на Руси.

Перевел с чешского

Пехотный офицер

Исторические данные к побегу генерала Л. Г. Корнилова из австро-венгерского плена

Статья из журнала «Вестник первопоходника», № 9,
Лос-Анджелес, 1962 г.

Нужно сказать, что Корнилов еще в мирное время и задолго до войны совершил не один героический подвиг в Азии и на Дальнем Востоке Российской Империи.

Жизнь этого незаурядного человека началась в день мученика Лавра, в честь которого он и носит имя свое. Сын казака Георгия станицы Каркаралинской Акмолинской области Сибирского казачьего войска — хорунжего в отставке, волостного писаря и хозяина-землепашца — молодой Корнилов с самых ранних лет не был избалован легкостью жизни, что, вероятно, и определило его последующую жизнь.

Он самостоятельно подготавливается к поступлению в Сибирский кадетский корпус в Омске, чего и достигает с успехом. Будучи в корпусе, он много читает, особенно по истории, о прошлых войнах и путешествиях исследователей. Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг. он знал так, что помнил всех героев ее от генерала до рядового солдата. Путешествия Пржевальского и Вамбери его особенно увлекали и, вероятно, они вдохновили его в будущем на путешествие в Персию

под видом «дервиша» и на разведку, уже будучи офицером, афганской крепости Дейдади с риском быть пойманным и повешенным афганцами.

Лавр Георгиевич со школьной скамьи выдвинулся блестящими способностями, большим самолюбием и твердой волей. Девятнадцати лет он первым оканчивает кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище, которое также оканчивает первым в чине подпоручика. Имея право выбирать любую вакансию с лучшей стоянкой, он выбирает захолустную — одну из Туркестанских артиллерийских бригад в Ташкенте. Не по какому-либо капризу — нет, он еще будучи юнкером все свободное время посвящал усовершенствованию в иностранных языках, а особенно изучал восточные языки.

По прошествии трех лет, в 1895 году, он поступает в Академию Генерального штаба, которую отлично оканчивает в 1898 году, и возвращается в Туркестанский военный округ. Он исследует афганскую границу. Китайский Туркестан и провинции Персии, пройдя первым «Степь Отчаяния» — безводную песчано-знойную пустыню.

Уже в 1903 году в чине капитана генштаба он командировается в Индию, где его застает Русско-японская война. Он переводится в действующую армию в чине подполковника и в феврале 1905 года в знаменитых Мукденских боях проявляет героизм и награждается первым орденом Св. великомученика Георгия 4-й степени, а в декабре того же года за боевые отличия награждается Георгиевским (золотым) оружием и чином полковника. Затем — служба при Главном управлении генштаба, а в 1907 году Лавр Георгиевич был послан в качестве военного агента в Китай, где оставался до 1911 года. Затем он был командиром 8-го Эстляндского полка, а после — начальником 2-го Заамурского отряда отдела корпуса Пограничной стражи, где в 1911 году был произведен в генерал-майоры, имея от роду 41 год.

В 1913 г. он был назначен командиром 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии во Владивостоке.

Так прошла его подготовка к 1-й Великой Мировой войне.

На фронт Первой Мировой войны в 1914 году генерал Корнилов пошел во главе бригады 49-й пехотной дивизии, но уже 25 августа был назначен начальником 48-й дивизии, стяжавшей в боях под его командованием название «Корниловской железной». В начале 1915 года за отличия в боях он был произведен в чин генерал-лейтенанта — ему было всего 45 лет.

В апреле 1915 года, при отходе русской армии из Карпат, его дивизия, будучи в арьергарде, была окружена со всех сторон превосходящими силами противника. Сам Корнилов с горстью храбрецов прикрывал отход своей дивизии из окружения, в штыковом бою в окопах был ранен и взят в плен австрийцами вместе с шестью бойцами, остававшимися с ним до последнего боя.

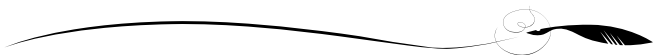
Впоследствии он был награжден за это орденом Св. Георгия 3-й степени, а позже орденом Св. Анны 1-й степени с мечами (на шею).

* * *

С тех пор прошло много бурных лет во всем мире. О Корнилове писали газеты, журналы, статьи и книги, но материалы о его побеге из плена в 1916 году в печати не так многочисленны. А вообще говоря, образно выражаясь словами немецкого генерала фон Арнима «Эх, русские, и не умеете же вы ценить своих героев!», сказанных им по поводу убитого на Кубани Корнилова, в некоторых книгах о нем написано непростительно поверхностно и небрежно.

* * *

Только такой человек, как Корнилов, человек непреклонной воли и характера, мог совершить побег из плена, вписав

одну из самых ярких страниц его феерической жизни. Мы знаем, как нелегко бежать из плена простому солдату. Еще реже это удавалось молодым офицерам. Но мы не знаем в истории войн побегов генералов. И еще какой генерал! Хотя и не очень старый, но едва оправившийся от своего последнего ранения в штыковом бою, генерал с громким именем, начальник грозной для противника дивизии, особо оберегаемый им, ибо побег его представлял большую опасность, как после увидим.

Говорят, что «война родит героев». Но Корнилов был героем еще до войны. Результатом его неустанных трудов, начиная с раннего скромного детства, в школе и Академии, — были не только похвальные дипломы, но и дела.

О самом побеге генерала Корнилова мы приведем здесь сведения из четырех источников:

1) Книга В. Севского «Генерал Корнилов» — издания 1919 г.

2) Статья, помещенная в журнале «Часовой» за 1932 год под заглавием: «Человек, который спас Корнилова» — перевод с чешского: «Воспоминания Францишека Мрняка», напечатанные в чешской газете за 1928 год и подписанные «Пехотным офицером».

3) Сведения, данные в вышеупомянутой статье, вполне совпадают с имеющимися у Первопоходников достоверными материалами, как копии телеграмм и фотографии, собранные на местах пребывания генерала Корнилова в плену одним из участников 1-го Кубанского похода — штабс-капитаном А. И. Секирка-Байбусом, что и надлежит считать третьим источником.

4) Статья генштаба полковника В. М. Пронина, помещенная в «Военном сборнике» Общества ревнителей военных знаний в 1921 году в Белграде, составленная на основании лично им слышанного рассказа самого генерала Корнилова.

Для иллюстрации пути побега мы предлагаем здесь карту-схему*, на которой путь его обозначен подчеркнутой линией под названиями городов и станций и датами его пребывания в них.

Разбирая источники, приходится определить, что источник № 1 хотя и составлен на основании рассказов и показаний лиц, знавших генерала Корнилова, но в нем есть некоторые детали, которые вызывают сомнения в достоверности рассказов «очевидцев».

Так, например, по В. Севскому — генерал Корнилов бежал по железной дороге на Вену. Но при этом он не говорит ни откуда побег начался, ни его времени. Путь его он определяет так: 4 часа по железной дороге, а затем он шел пешком 400 верст до Турн-Северина, куда, якобы, явился 22 августа / 4 сентября на пункт, установленный для бежавших из плена русских солдат.

По Севскому Корнилов шел пешком 48 дней, а всего, считая и железную дорогу, был в пути 50 дней. Если отсчитать эти 50 дней от указанной даты явки — 22 августа / 4 сентября 1916 года, — мы придем к выводу, что Корнилов бежал уже 4/17 июля.

Несомненные документы венгерских властей (приводимые ниже) недвусмысленно доказывают, что побег его был обнаружен ими 30 июля / 12 августа, что дает разницу с Севским в 26 дней. Кроме того, взглянув на карту, мы увидим, что лазарет в городке Кёсег, из которого Корнилов бежал, лежит в западной части Венгрии у самой границы нынешней Австрии, а конец его бегства — на юго-востоке государства. Спрашивается: для чего было ему бежать в совершенно противоположном направлении, то есть удаляться от границ перехода к своим? Если предположить, что он этим желал бы «замести след», то ведь он понимал и то, что он удлиняет свой путь, а значит подвергает себя опасности быть обнаруженным.

* В настоящем издании не публикуется. (Примеч. ред.)

И третье. В. Севский говорит, что в Турн-Северин Корнилов прибыл «в истрепанной форме» русского солдата, тогда как по всем другим источникам (да и у самого Севского в другом месте) говорится, что путь пешком до границы он совершил в штатском платье.

Перед изложением данных о побеге генерала Корнилова напомним, что в плен попал он во время кровопролитнейших боев на Карпатах в районе известного Дуклинского перевала, между городами Дуклой и Змиградом у деревни Ивна (теперь это на северной границе Словакии в Галиции) в ночь 24 апреля / 7 мая 1915 года, когда, командуя 48-й пехотной дивизией, получившей название «Железной Корниловской», имел задачу прикрывать отход нашей армии под давлением превосходных сил противника.

Пленен он был, будучи раненым в левую руку, что видно на редкой фотографии его в обществе австро-венгерского генерала, которая была помещена однажды на страницах «Памятки о 1-м Кубанском походе» 1926 года, изданной в Белграде.

С ним вместе в плен попали и 6 солдат 192-го Рымникского пехотного полка, остававшихся с ним в окопах до последней рукопашной схватки с австрийцами. Ввиду того, что пленен он был на Венгерской территории и венгерскими частями, то он и содержался исключительно на территории, им принадлежащей. Заключен был сначала в лагерь под именем Неленбах. Впоследствии, будучи переводим из одного лагеря в другой, он прошел лагеря: «Лек», «Шлайнинг», «Печь» и, наконец, «Кёсег». Из них он дважды пытался совершить побег, но оба раза неудачно. Первый раз при помощи военнопленного офицера Александра Васильева на работах при аэропарке, а второй раз — из замка графа Эстерхази в городе Печь. Там ему помогали два военнопленных офицера: генштаба капитан князь Солнцев-Засекин и поручик Дворниченко.

Несмотря на безуспешность покушений, это обстоятельство доказывает патриотизм Корнилова и его соучастников, а особенно железную волю и энергию его в достижении намеченной им цели.

Но самая лучшая аттестация ему — это аттестация неприятеля, что мы увидим из приводимого здесь приказа тогдашнего штаба Австро-Венгерской армии.

В своих воспоминаниях Францишек Мрньяк говорит, что он был командирован из своего полка, стоявшего в городе «Над Канижа» (Великая Канижа на Драве выше Осиека), на службу в качестве санитаря в госпиталь для военнопленных (7-й запасный лазарет) в город Кёсег в начале июня 1916 года.

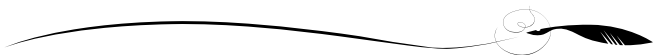
В госпитале был получен приказ, оглашенный дежурным офицером генштаба, который гласил:

«Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах пленен был у города Горлицы со всем своим штабом один из наилучших генералов Русской армии генерал Корнилов.

В короткое время этот генерал дважды пытался бежать из плена, и лишь благодаря наблюдательности и исполнительности стражи повторный побег не удался.

Генерал Корнилов теперь заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в генерале Корнилове человека в высшей степени энергичного и твердого, решившегося на все и убеждено, что оный от замысла побега не откажется, болезнь же симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Бесспорно, что в случае его побега в настоящее время Державы нашли бы в нем серьезного и военным опытом богатого противника, который все свои способности и полученные в плену сведения использовал бы для блага России и вообще наших врагов.

Обязанность каждого этому воспрепятствовать.

Высшее командование поэтому приказывает генерала Корнилова хотя и тайно, но строго охранять. Каждое сношение с ним кому-либо запретить, а в случае побега воспрепятствовать этому любой ценой.

Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и ежедневно обязан давать сведения о положении дела.

Тот, кто будет способствовать побегу генерала Корнилова, будет судим на основании § 37 Военного государственного закона как за преступление против государственного благополучия, устанавливающего смертную казнь.»

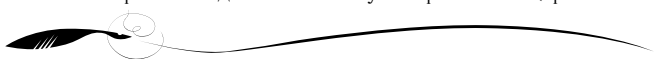
Вот такая высокая цена в глазах неприятеля была ген. Корнилову!

* * *

По прибытии в госпиталь генерал Корнилов был помещен в офицерском павильоне на втором этаже здания, а рядом с ним в комнате помещался его вестовой — Цесарский Дмитрий.

К организации же побега Корниловым было привлечено 5 человек: 1) Францишек Мрньяк — солдат австро-венгерской армии, чех по национальности, санитар; 2) доктор Гутковский — русский военнопленный, работавший в госпитале в качестве дежурного врача; 3) Константин Мартынов и 4) Петр Веселов, оба русские военнопленные, работавшие в качестве массажистов при госпитале, и 5) вестовой генерала Дмитрий Цесарский.

Мрньяк достал для генерала документ на имя Штефана Лацковича (имя под возможного хорвата или буневца, т. е. католиков — граждан Австро-Венгрии), подделав на бланке подпись начальника госпиталя. А для себя — такой же документ на имя Штефана Немэта, поместив на обоих «разрешение на проезд по железной дороге до Карансебеша (на румынской границе) и обратно».

Кроме того, он для себя достал также фальшивый документ на имя того же Штефана Немэта, которому якобы «поручается розыск военнопленных в лесах около того же Карансебеша».

Карты, компас, карманный электрический фонарь и деньги у генерала Корнилова были. Накануне побега д-р Гутковский добился отмены проверки больного через каждый час. Однако взамен этого была усилена стража снаружи и у выходных ворот.

* * *

В день побега санитар Мрньяк написал письмо своему отцу о том, что он будет в бегах с генералом Корниловым, но второпях забыл это письмо в ящике стола в госпитальной аптеке. Оно-то и послужило обнаружению их побега на другой же день и основанием к поднятой по всему государству тревоге (телеграммы).

А произошло так:

29 июля (11 августа нового стиля) в 12 часов дня генерал Корнилов, переодетый в русскую солдатскую форму своего вестового Цесарского, выскочил из окна уборной и пришел в госпитальную аптеку. Здесь уже ожидали его Мрньяк и Мартынов, которые переодели его в форму австрийского солдата, а Мрньяк подстриг ему усы и поставил ляписом «родинку» на левой щеке. Генерал Корнилов надел темные очки и взял в рот трубку.

Снятую русскую солдатскую форму вестового Цесарского унес обратно Цесарскому Петр Веселов. Цесарский же временно был «генералом», лежа в его кровати, а доктор Гутковский, исполняя приказ начальника госпиталя, продолжал навещать «больного», как и полагалось.

Беглецы в виде двух австрийских солдат прошли мимо стражи и беспрепятственно вышли на улицу. Они поспешили на железнодорожный вокзал и в 13 часов сели в поезд, отхо-

дящий на юг, на узловую станцию Сомбатхэль. Станцию эту они благополучно миновали и в 15 часов 30 минут уже были в Рабе (на карте по-венгерски Дьор — крупный центр). Здесь им пришлось ожидать полтора часа, чтобы попасть на поезд прямого сообщения Вена-Будапешт.

В 23 часа того же дня они прибыли в Будапешт. Заночевали на вокзале в ночлежном помещении для солдат. А на другой день, 30 июля (12 августа нового стиля) в 6 часов утра беглецы поездом продолжали путь на юг. Они проехали крупные города: Кечкемет, Сегед (Сегедин), Темешвар, и в 18 часов 30 минут прибыли в Карансебеш (на полдороге между Темешваром и Оршавой). Эта станция была их конечным пунктом пути по железной дороге.

Как видно, письмо Мрньяка его отцу было обнаружено лишь 30 июля (12 августа нового стиля), то есть на другой день после начала побега, то есть тогда, когда генерал Корнилов уже проехал самую опасную для него станцию — Будапешт. Из приводимых ниже телеграмм можно заключить, что лишь утром 30 июля госпиталь Кёсег поднял тревогу, считая, этот день первым днем побега.

Телеграммы эти гласили:

1) «Императорский и Королевский запасный госпиталь Кёсег, 1916, август, 12 (у мадьяр пишется: год, месяц и число — в таком порядке. — А. С.). Сегодня бежал один русский генерал в штатском платье вместе с одним чехом санитаром. Генералу 45 лет, худощав, продолговатое лицо. Левая рука санитаря на почве ревматической болезни парализована. Просим распоряжения всеместного оповещения (Подпись неразборчива). Полицейское управление».

2) Правительственная телеграмма Министерству внутренних дел, Будапешт. «Из Императорского и Королевского запасного лазарета бежал сегодня утром Корнилов Лавр, военнопленный генерал, и, вероятно, будет пытаться про-

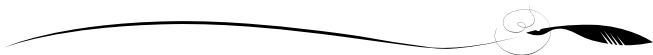

браться в Румынию. Наружное описание: 45 лет, среднего роста, продолговатое, худощавое лицо, коричневый цвет лица, плоский нос, большой рот, глаза, волосы, острая борода — черные, говорит по-немецки, по-французски, по-русски. Вероятно, в штатском платье. Вместе с ним бежал Мрнъяк Франц, чех-денщик, голубые глаза, блондин, длинное лицо, пушистые усы. Его левая рука парализована ревматизмом, один из пальцев не действует. Говорит по-чешски и плохо по-немецки. Этот, по всей вероятности, с помощью других, возможно, что при содействии русских военнопленных, подготовил побег, так как в оставленном письме он сообщает своему отцу, живущему в Требнице (окружного правления Сельчан в Чехии), что он за 20000 крон вознаграждения помогает бежать одному генералу. Главное полицейское управление». (Эта телеграмма, по-видимому, датирована 12 августа 1916 года).

3) Снова: Кёсег, 1916, август, 13. 1841. — «Из Кёсегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье с одним чехом санитаром. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо. Левая рука санитара парализована ревматизмом. Низкого роста. Приказываю задержать их. Вице-начальник».

4) Телеграмма Полицейскому управлению Кёсега, Приемный отдел Сомбатхель. Исх. № 2183. Слов 36. 13 августа, 2 часа дня. «Из Кёсегского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье вместе с одним чехом санитаром. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо, левая рука санитара парализована ревматизмом, низкого роста. О преследовании отдал приказание. Вице-начальник».

5) Телеграмма Полицейскому Управлению Кёсег. Приемный отдел Сомбатхель. Исх. № 13190. Слов 26. 18-го авг. «Сообщаю для опубликования, что Военное министерство за задержание бежавшего из Кёсегского запасного лазарета

русского генерала Корнилова Лавра назначило 1000 крон награды. Вице-начальник».

Из только тут приведенных пяти телеграмм видно, какой переполох во всем государстве противника произвел побег генерала Корнилова.

* * *

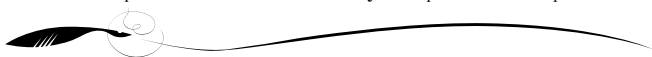
А теперь восстановим то, что произошло дальше на последней станции железной дороги Карансебеш, куда беглецы прибыли вечером 12 августа.

Когда их поезд прибыл на эту станцию — конечный пункт их железнодорожного пути, — к их немалому удивлению оказалось, что поезд оцеплен со всех сторон солдатами, делающими проверку документов всех прибывших. По-видимому, телеграфное распоряжение о поимке их было здесь уже получено. Но еще к большему удивлению их пропустили свободно. То обстоятельство, что в телеграмме определенно указывалось, что генерал в *штатском* платье, помогло им и сбilo с толку проверявших. Очки же, трубка и «родинка» на щеке сильно изменили наружность генерала Корнилова по сравнению с данным властями описанием его наружности.

Дальнейшее Мрньяк описывает так: на станции Карансебеш они пробыли до полуночи того же дня, а в 24 часа вышли на гребень возвышенности за городом. Там, зайдя в лес, переоделись — только теперь — в штатское платье.

Взяв направление на румынскую границу, они всю ночь шли. Но утром 13 августа они обнаружили пропажу компаса, что явилось причиной в дальнейшем их блужданий в течение целых пяти дней. Днем они прятались, а шли ночами. Они тщательно обходили [такие] опасные места, как посты и патрули, что очень замедлило их движение вперед.

5/18 августа в 8 часов утра, уже близко к самой границе, в окрестностях дер. Барло, Мрньяк в поисках пищи зашел

в каентину («Корчма Барловица»), где и был арестован жандармами.

* * *

С этого места описания побега генерала Корнилова опять не все источники тождественны. Мрньяк в своих воспоминаниях говорит, что генерал Корнилов, оставшись один, через 2 часа, то есть в 10 часов утра 18 августа, перешел Румынскую границу и из первого же села телефонировал в русское посольство в Бухаресте, которое выслало за ним автомобиль.

В книге же В. Севского сказано, что генерал Корнилов долго блуждал, пока перешел границу с Румынией, а приют ему оказал какой-то пастух.

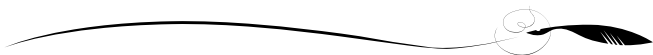
То же самое сказано и в статье генштаба полковника Пронина, который писал, что генерал Корнилов (по его рассказу) после ареста Мрньяка несколько дней шел до Румынской границы и здесь, прожив два дня в шалаше укрывавшего его пастуха, ночью перешел границу в наименее охраняемом, указанном ему пастухом месте.

Таким образом, по версии Мрньяка, генерал Корнилов находился в побеге 8 дней, из коих 2 дня по железной дороге, а 6 дней шел пешком, пройдя свыше 100 километров. По версии полковника Пронина этот срок на несколько дней больше.

В плену же всего пробыл 1 год и 4 месяца.

Общеизвестна дальнейшая судьба генерала Корнилова: по прибытии в Россию он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и получил в командование 25-й армейский корпус.

Считая своего помощника и спутника погибшим, он стоял на посмертном зачислении его «стрелком 1-го взвода 1-й роты 1-й Чешской дружины в России». При вечерней перекличке вызывали фамилию Францишка Мрньяка, а ротный

фельдфебель отвечал: «Расстрелян австрийцами в Прессбурге (ныне Братислава) за освобождение генерала Корнилова».

На самом же деле это произошло несколько иначе. Мрньяк был судим 11/24–13/26 октября 1916 года военно-полевым судом в Братиславе и приговорен к смертной казни, лишению всех гражданских прав и исключению из списков армии.

Доктор Гутковский, Мартынов, Веселов и Цесарский мужественно признали на суде свое участие в деле, но при этом заявили, что содействие побегу генерала Корнилова было для них, как русских, прямой и священной обязанностью.

С таким доводом тогдашний суд, хотя и неприятельский, не мог не согласиться, и все они были приговорены лишь к двухмесячному дисциплинарному взысканию.

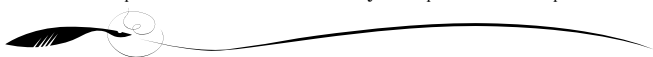
Мрньяк же подал жалобу, и через 9 месяцев Верховный суд отменил приговор о Мрньяке и судил его заново, приговорив к 10 годам заключения в крепости (в Комароме). Мрньяк в конце концов симулировал сумасшествие, а при перевозке его в Трнаву выскочил 7/20 сентября 1918 года из окна вагона поезда и, добравшись до Трнавы же, некоторое время скрывался в госпитале для душевнобольных, а по ночам вылезал на поиски пищи и питался объедками.

Страдания его кончились в день объявления независимости Чехии 15/28 октября 1918 года, и среди других осужденных патриотов получил свободу и он.

Чешское правительство наградило его званием фельдфебеля, чешским военным крестом и двумя медалями. Всего в тюрьме пробыл он 2 года, 1 месяц и 12 дней, а 38 дней скрывался в госпитале.

* * *

В заключение нужно сказать, что военная история знает не один случай пленения многих генералов всех армий света. Но какая из них может гордиться таким побегом? Вот как

Корнилов действительно любил Россию, свою родину. И как он засвидетельствовал свой высокий патриотический долг перед нею.

Будучи произведен в генералы от инфантерии, в должности командующего армейским корпусом в 46 лет кончилась его служба в Российской Императорской армии.

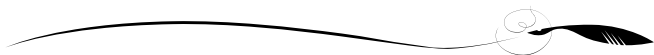
С началом Февральской революции, после отречения государя от престола, Временное правительство назначает его командующим Петроградским военным округом. В мае он — командующий 8-й (Калединской) армии, в июне — главнокомандующий Юго-Западного фронта и, наконец, Верховный главнокомандующий всей Русской армии.

14 августа 1917 года его знаменитая речь на Государственном совещании в Москве о надвигающейся на Россию грозной опасности с призывом к ее спасению не одними красивыми словами, но решительными мерами и действиями, испугала крикливых болтунов на верху власти. Возрастающая популярность генерала Корнилова вызвала у «главного говоруна» опасения за свою «с неба упавшую» власть, и он прибег к провокации лучшего из лучших и сорвал дело спасения России от большевизма. Корнилов отказался сложить с себя обязанности Верховного и обратился с воззванием к народу и казакам, закончив его словами:

«Родина накануне смерти!»

Провокация Керенского закончилась арестом генерала Корнилова и Быховской тюрьмой. Через три дня он — главноверх после ареста Корнилова — выпускает на свободу Льва Троцкого, бывшего в тюрьме после «июльского пробного переворота». А 25–26 октября 1917 года Ленин и Троцкий вышвырнули «освободителя», который, используя женскую юбку и косынку и предав юных юнкеров и женщин с винтовками, «стругнул», как тать в ночи, в соседнюю Финляндию.

Подведем итог. Революционная Россия Керенского уготовила генералу Корнилову Быхов, а Красная Россия Ленина —

Троцкого — могилу на берегу Кубани. Рожденный на казачьей земле в далекой Сибири, он жизнь свою пожертвовал на казачьей же земле. Русский народ, ради которого билось его рыцарское, могучее сердце, не поддержал его, не понял его и даже его бездыханное тело не уберег от извергов, надругавшихся над ним из страха за свою власть.

Есть люди, которые и мертвые страшнее живых для подлецов.

А. И. Скрылов

Примечания

¹ Марков Сергей Леонидович (1878–1918) — выдающийся русский военачальник, политический деятель, военный ученый и преподаватель. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

² Добровольческая армия — оперативно-стратегическое объединение белой армии на Юге России в 1917–1918 гг. во время Гражданской войны в России.

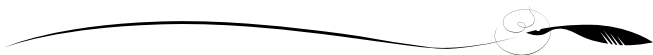
³ Деникин Антон Иванович (1872–1947) — выдающийся русский военачальник, общественный и политический деятель, военный документалист, публицист, мемуарист, писатель. создании Добровольческой армии. Командир 1-й Добровольческой дивизии, помощник главнокомандующего Добровольческой армией, а после гибели Корнилова — главнокомандующий Добровольческой армией. С января 1919 по 17 апреля 1920 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России.

⁴ Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) — оперативное стратегическое объединение белых армий на Юге России для борьбы с большевиками, существовавшее в 1919–1920 годах.

⁵ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — выдающийся русский военачальник и политический деятель, крупнейший русский полководец Первой мировой войны. Основатель Добровольческой армии.

⁶ Имеется ввиду Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — русский военный и политический деятель, ученый-океанограф, флотоводец, один из вождей Белого движения, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией (1918–1920).

⁷ Терско-Дагестанский край — административная единица в Российской империи, состоявшая из Терской и Дагестанской областей. Занимал большую часть территории современных Дагес-

тана, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Во время Гражданской войны в России управлялся военным губернатором.

⁸ Невадовский (Неводовский) Николай Дмитриевич (1878–1939) — русский генерал, участник Первой мировой и Гражданской войн. С июня 1919 года — инспектор артиллерии войск Северного Кавказа и военный губернатор Терско-Дагестанской области.

⁹ Скаутские организации — организации российского юношеского движения, занимающегося физическим, умственным и нравственным развитием с целью занятия их участниками конструктивного места в обществе. После прихода к власти большевиков скаутские организации оказались под запретом, на территориях, контролируемых Белым движением, продолжали свою деятельность и были уничтожены после победы красных в Гражданской войне.

¹⁰ Шкуро Андрей Григорьевич (1886–1947) — русский военный деятель, кубанский казак. Участник Первой мировой и Гражданской войны в России.

¹¹ Корпус Шкуро — 1-й армейский корпус Кавказской Добровольческой, а затем Добровольческой армий.

¹² Шапрон дю Ларре Алексей Генрихович (1883–1947) — один из деятелей Белого движения, адъютант генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина. Первым записался в Алексеевскую организацию, участник 1-го Кубанского похода. Командир 2-го конного генерала Дроздовского полка. Покинул Россию вместе с генералом Деникиным.

¹³ Горлицкий прорыв — наступление австро-германских войск 2–15 мая 1915 г. Входил в план по разгрому русских фронтов в 1915 г. План предусматривал быстрый прорыв фронта в районе Горлице (севернее Карпатских гор и южнее реки Вислы), не имевшем естественных рубежей обороны, в сочетании с фланговыми ударами из Восточной Пруссии и Галиции. В результате выполнения плана основные силы Российской Императорской армии оказались бы в окружении в районе Варшавы. Упорное сопротивление русской 3-й армии не позволило немцам в полной мере реализовать свой план, однако ее поражение привело к отводу Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, получившему название Великого отступления. Горлицкий прорыв и Великое отступление свели на нет все успехи русских войск 1914 и начала 1915 г. Автор неточен, так как 48-я пехотная дивизия сражалась не у Горлицы, а в Карпатах и прикрывала отход не 3-й армии генерала Радко-Дмитриева, а 8-й армии генерала Брусилова.

¹⁴ Кислов Александр Ильич (1875–1937) — начальник штаба 48-й пехотной дивизии, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. С января 1915 г. — начальник штаба 48-й пехотной дивизии. Вернулся из плена в 1917 г., назначен начальником Одесского пехотного училища. С 1918 г. — в армии Украинской державы. С марта 1920 г. — в эмиграции. Проживал в Югославии.

¹⁵ Всероссийский съезд инвалидов — очевидно, так автор именует Союз российских инвалидов.

¹⁶ Автор неточен, название замка — Нойленгбах. Замок находится в 40 километрах западнее Вены. Основан в 1189 г. как центральное укрепление семьи Бахеров. В 1912 г. в замке случился пожар, уничтоживший весь его интерьер. В 1920 г. замок был куплен городом Вена и с тех пор используется в качестве приюта для детей-сирот.

¹⁷ Сатмар-Неймет — ныне город Сату-Мару в Румынии, в 13 километрах восточнее границы с Венгрией и в 25 километрах юго-западнее границы с Украиной. Сатмар — венгерское название до 1920 года.

¹⁸ Бржезаны — город Бржези в Чехии в 10 километрах юго-восточнее Праги.

¹⁹ Кенигретце бей Эстергом — ныне Каменице-над-Гроном, село в Словакии на противоположном от Эстергома берегу Дуная.

²⁰ Кёсег — город в западной Венгрии на границе с Австрией. Известен также под немецким названием Гюнс.

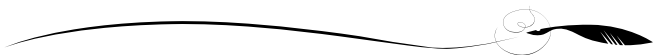
²¹ Брюкс — деревня в округе Верхняя Франкония федеральной земли Бавария в Германии.

²² Лайтмориц — ныне не существующая деревня на острове Рюген.

²³ В случае попадания полкового знамени в руки противника полк подлежал расформированию как покрывший себя несмываемым позором, поэтому офицеры и солдаты Российской Императорской армии шли на огромные жертвы ради спасения полковых знамен.

²⁴ Франц-Иосиф I (1830–1916) — император Австрии и король Богемии, король Чехии (2 декабря 1848 — 21 ноября 1916), король Венгрии (13 августа 1849 — 21 ноября 1916), король Ломбардо-Венеции и президент Германского союза (2 декабря 1848 — 1866).

²⁵ Карл I (1887–1922) — император Австрии, король Чехии как Карл III и Венгрии как Карл IV (21 ноября 1916 — 12 ноября 1918). Относился к побочной ветви Габсбургов и был лишь пятым в очереди наследником императора Франца-Иосифа, однако из-за того,

что император пережил всех предыдущих своих наследников, Карл унаследовал австрийский престол. После распада Австро-Венгрии объявил, что самоустраняется от управления государством. В 1921 г. предпринял неудачную попытку реставрации монархии в Венгрии, был арестован и сослан на остров Мадейра, где заболел воспалением легких и умер.

²⁶ Итальянский фронт Первой мировой войны (также фронт под Изонцо, Изонцо-фронт) проходил по верхнему и среднему течению реки Изонцо (в Словении — Соча), протекающей по узкому ущелью в Юлианских Альпах и впадающей в Адриатическое море. В период с 24 мая 1915 по декабрь 1917 г. на реке Изонцо произошло 12 кровопролитных сражений за обладание Юлианской Крайной — Австрийским Приморьем, единственным выходом Австрийской империи к морю. Сражения проходили в сложнейших горных условиях, и во многом поэтому работы русских военнопленных на Изонцо оценивались как наиболее тяжелые.

²⁷ Ледяной поход — 1-й Кубанский поход Добровольческой армии, 9 (22) февраля — 30 апреля (13 мая) 1918 г.

²⁸ Имеется в виду Комитет помощи военнопленным под покровительством императрицы Александры Федоровны, созданный летом 1915 г.

²⁹ Кусманек фон Бургнойштеден Герман (1860–1934) — австрийский военный деятель, участник Первой мировой войны, в 1917 г. генерал-полковник. С января 1914 г. — комендант крепости Перемышль. В марте 1915 г. у гарнизона закончилось продовольствие, и Кусманек предпринял попытку прорыва, завершившуюся неудачей. 8 (22) марта Кусманек принял решение о капитуляции крепости. Перед капитуляцией были взорваны все укрепления и боезапас. Всего в плен русским войскам сдалось 9 генералов, 93 штаб-офицера, 2204 обер-офицера, 113 890 солдат и унтер-офицеров, а также было сдано более 900 орудий и освобождено 2000 русских военнопленных. Взятие Перемышля — беспрецедентный случай в истории, когда гарнизон был больше осаждавшей его армии. Кусманек находился в русском плену до февраля 1918 г., после Брестского мира вернулся в Австрию, но нового назначения не получил. Австрийская пропаганда называла Кусманека «Львом Перемышля».

³⁰ Васильев Александр Алексеевич (1882–1918) — русский авиатор-первопроходец, выдающийся русский летчик, популяризатор авиации. С 1913 г. летчик-испытатель петербургского завода

Первого Российского товарищества воздухоплавания. В том же году совершил перелет Петербург — Москва — Петербург, потратив на преодоление маршрута 10 часов 52 минуты. Попад в плен, предпринимал неоднократные попытки побега, не увенчавшиеся успехом. В 1917 г. был признан неспособным к военной службе по состоянию здоровья и подлежал отправке в Россию, однако этого не произошло. Исчез в австрийском плену, скорее всего умер.

³¹ Иванов Николай Иудович (1851–1919) — русский военачальник, участник Русско-турецкой, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

³² Мартынов Евгений Иванович (1864–1937) — русский и советский генерал, историк. Участник Русско-японской войны. С началом Первой мировой подал прошение на Высочайшее имя с просьбой снова включить его в состав вооруженных сил, которое было удовлетворено, и Мартынов поступил в распоряжение штаба Юго-Западного фронта. Был сбит 10 августа 1914 г. вместе с летчиком Васильевым и попал в плен. Освобожден из плена 20 февраля 1918 г., по возвращении в Россию добровольно вступил в РККА.

³³ Солнцев-Засекин искажает название австрийской крепости Йозефов, названной в честь императора Иосифа (Йозефа) II, путая ее с городом Юзефов (Юзефов посад) Варшавской губернии Российской империи. Ныне Йозефов поглощен городом Яромерж Карловаградского воеводства Чехии, в годы Первой мировой войны носившим название Йозефштадт.

³⁴ Терезиенштадт — крепость и гарнизонный город в районе Литомержице в Чехии, ныне носит название Терезин. В годы Первой мировой крепость использовалась как концентрационный лагерь для галицких русинов и русских военнопленных, в ней же находился в заключении боснийский революционер Гаврило Принцип, совершивший убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево.

³⁵ Замок Лек — замок Локкенхаус в Австрии, основанный около 1200 г. и находящийся на горе над одноименным городом в округе Оберпуллендорф федеральной земли Бургенланд в 1,2 километрах западнее границы с Венгрией. Лек — венгерское название этого населенного пункта.

³⁶ Река Стрыпа — река на Украине в Тернопольской области, левый (подольский) приток Днестра. В 1915–1916 гг. по реке проходила линия фронта. В декабре 1915 г. на этой реке произошло кровопролитное сражение, в ходе которого войска из состава

22-го армейского, 5-го Кавказского армейского и 2-го армейского корпусов 7-й армии генерала Щербачева безуспешно штурмовали австрийские укрепления на западном берегу Стрыпы, прикрытые заграждениями из 25 рядов колючей проволоки. За 10 дней наступления 7-я армия потеряла 24 828 человек ранеными, убитыми, пропавшими без вести и пленными, среди последних, очевидно, и был Солнцев-Засекин.

³⁷ Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) — русский журналист, писатель и издатель, сын известного журналиста и издателя А. С. Суворина. Во время Первой мировой войны ушел на фронт добровольцем, служил в качестве телефониста. После Октябрьской революции примкнул к Добровольческой армии. Первопоходник. В эмиграции с осени 1920 г.

³⁸ Неясно, какой населенный пункт так именует Солнцев-Засекин. Вероятно, это Ашау-им-Бургенланд, городок в Австрии в 19 километрах западнее Локкенхауса.

³⁹ Финляндские стрелковые полки — стрелковые полки двух-батальонного состава с номерами с 1 по 16, входившие в четыре Финляндские стрелковые бригады 22-го армейского корпуса, располагавшегося в Гельсингфорсе (Хельсинки) и окрестностях. Личный состав Финляндских стрелковых полков был смешанным, большинство чинов этих полков были добровольцами с территории Великого княжества Финляндского. В 1915 г. Финляндские пехотные бригады были развернуты в дивизии путем формирования 3-х и 4-х батальонов в полках. 22-й армейский корпус осенью 1915 г. входил в состав 7-й армии генерала Щербачева из состава Юго-Западного фронта и состоял из 1-й и 3-й Финляндских дивизий, а 2-я и 4-я Финляндские дивизии составляли 5-й Кавказский корпус 7-й армии, понесший огромные потери во время декабрьских боев 1915 г. на реке Стрыпе.

⁴⁰ Фридрих Мария Альбрехт Вильгельм Карл (1856–1936) — эрцгерцог Австрийский, герцог Тешенский, главнокомандующий австрийской армией в Первой мировой войне, представитель Тешенской ветви Габсбургов.

⁴¹ Великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929) — Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи (20 июля 1914 — 22 августа 1915 г.), Наместник Его Императорского Величества на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией, наказной казачий атаман Кавказских казачьих войск (26 августа 1915 — 7 марта 1917 г.).

⁴² Селиванов Андрей Иванович (1847–1917) — русский военачальник, генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн. Командующий Блокадной, а затем 11-й армией, осаждавшей крепость Перемышль. Успешная тактика Селиванова привела к капитуляции крепости.

⁴³ Зальца Антон Егорович (1843–1916) — русский военачальник, генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой и Первой мировой войн. В 1914 г. — командующий войсками Казанского военного округа, по мобилизации стал командующим войсками 4-й армии. Потерпел неудачу в битве при Краснике 8–10 августа 1914 г. и был возвращен на прежнюю должность.

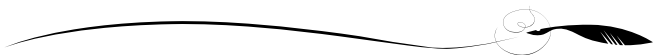
⁴⁴ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) — второй сын великого князя Владимира Александровича, двоюродный брат Николая II. Участник Русско-японской войны. Во время Февральской революции выступил на стороне Государственной думы. Весной 1917 г. нелегально уехал в Финляндию, где находился до конца Гражданской войны. В эмиграции объявил себя Императором Всероссийским, что не было признано вдовствующей императрицей Марией Федоровной и большинством членов дома Романовых.

⁴⁵ Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) — старший сын великого князя Михаила Николаевича, генерал от инфантерии, историк и лепидоптеролог. Председатель Русского исторического и Русского географического обществ, автор ряда трудов по военной истории. Придерживался либеральных взглядов. Был в оппозиции Николаю II, это противостояние получило прозвище «великокняжеская фронда». Поддержал Февральскую революцию. Был арестован большевиками и расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.

⁴⁶ Краснов Петр Николаевич (1868–1947) — русский военный и политический деятель, генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска донского, публицист, мемуарист и писатель.

⁴⁷ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский политический деятель и публицист. Один из лидеров Конституционно-демократической партии (кадетов) и Государственной думы. Министр иностранных дел Временного правительства.

⁴⁸ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — русский общественный и политический деятель, адвокат. Министр юстиции, затем военный и морской министр и председатель Временного правительства.

⁴⁹ Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956) — русский военачальник и историк, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1917 г. вступил в Добровольческую армию. Первопоходник. В эмиграции с 1920 г.

⁵⁰ Лейб-гвардии Финляндский полк в 1914 г. входил в состав 2-й гвардейской пехотной дивизии Гвардейского корпуса.

⁵¹ Имеется в виду генерал Л. Г. Корнилов.

⁵² Сибирские стрелковые полки — пехотные подразделения Русской Императорской армии, созданные в 1883 г. в качестве Восточно-Сибирских стрелковых батальонов для обороны восточных рубежей империи. С 1910 г. — Сибирские стрелковые полки (всего 45). В 1914 г. по мобилизации были сформированы полки с номерами 46–56. Сибирские стрелковые полки, как и все прочие стрелковые части, считались второсортными подразделениями, пригодными лишь для борьбы с иррегулярными формированиями, бандитами и подготовки пополнений, однако, начиная с Русско-японской войны, они показали себя стойкими и упорными частями, способными на равных противостоять регулярным войскам противника.

⁵³ 49-й пехотный Брестский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Михайловича полк из состава 13-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса Одесского военного округа. В Первой мировой войне сражался на Юго-Западном фронте.

⁵⁴ Польские легионы австрийской армии образованы в августе 1914 г. по инициативе Юзефа Пилсудского для боевых действий против русской армии. Были сформированы два легиона — Западный и Восточный. После поражения австрийцев в Галицийской битве Восточный легион отказался воевать против России и был распущен, а на базе Западного легиона было сформировано три бригады, воевавшие в Карпатах и Галиции. В 1915 г. переименованы в Польский вспомогательный корпус, насчитывавший до 25 тыс. человек. В ноябре 1916 г. были переданы в немецкую юрисдикцию, однако большая часть легионеров отказалась приносить присягу кайзеру Вильгельму и была арестована. Остальные легионеры были распределены по частям рейхсвера — армии кайзеровской Германии.

⁵⁵ Фердинанд I (1861–1948) — представитель Саксен-Кобург-Готской династии, князь Болгарский (1887–1908), провозгласил себя царем Болгарии. Пытался добиться гегемонии Болгарии на Балканах, после краха своей политики и поражении в Первой мировой войне отрекся от престола в пользу своего сына Бориса.

⁵⁶ Великий князь Константин Константинович (1858–1915) — второй сын великого князя Константина Николаевича, дядя императора Николая II. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Главный начальник, а затем Генеральный инспектор Военно-учебных заведений. Президент Императорской академии наук.

⁵⁷ Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942) — единственный сын великого князя Павла Александровича от брака с греческой принцессой Александрой Георгиевной, внук Александра II и троюродный брат императора Николая II. Во время Февральской революции воевал в Персии в отряде генерала князя Н. Н. Баратова.

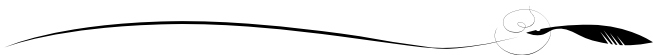
⁵⁸ Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) — политический деятель, монархист, член Государственной думы 2, 3-го и 4-го созывов, лидер неославянского движения и один из видных деятелей партии умеренно-правых. В 1914 г. поступил корнетом в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, участвовал в боях, произведен в поручики. В 1915 г. демобилизовался. С 1916 г. — товарищ председателя Государственной думы. В 1918 г. возглавил монархический союз «Наша родина».

⁵⁹ Палеолог Жорж Морис (1859–1944) — французский политик и дипломат, с января 1914 по май 1917 г. посол Франции в России, занимал антигерманскую и пророссийскую позицию.

⁶⁰ Московское совещание — Государственное совещание в Москве, также известно как Московское государственное совещание — всероссийский политический форум, созданный Временным правительством. Проходил 12 (25) — 15 (28) августа 1917 г. В совещании приняли участие около 2500 человек, включая 488 членов Государственной думы, 117 представителей армии и флота, а также представители советов солдатских и рабочих депутатов, кооперативов, торгово-промышленных кругов и профсоюзов. Председательствовал на совещании А. Ф. Керенский.

⁶¹ Комарно — также известен как Комаром, город в Словакии и Венгрии на Житном острове на Дунае. В 1870 г. в районе города была возведена одна из наиболее современных на тот момент крепостей, абсолютно устаревшая к началу Первой мировой войны и потому использовавшаяся в качестве тюрьмы.

⁶² Под переворотом автор подразумевает сложение с себя полномочий императором Австро-Венгрии Карлом I 12 ноября 1918 г. В этот момент Австро-Венгерская империя де-факто перестала существовать, уже развалившись на ряд национальных государств.

Причинами распада империи стали национальные противоречия между различными населявшими ее народами, прежде всего между австрийцами и венграми и австрийцами и чехами, поражения на Русском фронте, развал экономики, а также наступивший в результате нехватки продовольствия голод. Поражение в Первой мировой войне стало лишь усугубляющим фактором.

⁶³ Объявление независимости Чехословакии состоялось 28 октября 1918 г. В этот день правительство Австро-Венгерской империи опубликовало ноту, в которой заявляло о капитуляции и выходе из Первой мировой войны. Население Праги восприняло известие о капитуляции с восторгом, Чешский национальный комитет — организация, на протяжении нескольких лет готовившая государственный переворот, — занял все ключевые посты в городе, сместив имперских чиновников, и опубликовал документ о независимости Чехии и Словакии от Австро-Венгерской империи.

⁶⁴ Имеются в виду русины, восточнославянский народ, проживающий в Закарпатье, Сербской Воеводине, Восточной Словакии, Юго-Восточной Польше, Венгрии и Северо-Западной Румынии.

⁶⁵ 192-й пехотный Рымникский полк из состава 2-й бригады 48-й пехотной дивизии 24-го армейского корпуса Казанского военного округа. Сформирован 20 февраля 1910 г. в Оренбурге из 212-го резервного пехотного Бахчисарайского полка, 242-го резервного пехотного Белебеевского батальона и 222-го резервного пехотного Шацкого полка. Был назван в честь победы войск под руководством А. В. Суворова над турками на реке Рымник 11 сентября 1789 г. Полк ликвидирован (расформирован) по решению Совнаркома в марте — апреле 1918 г.

⁶⁶ Дунайская флотилия создана в августе — сентябре 1916 г. для поддержки действий Румынского фронта и противодействия Дунайской флотилии Австро-Венгрии.

⁶⁷ Веселкин Михаил Михайлович (1871–1918) — русский адмирал. Участник Китайского похода и Русско-японской войны. Контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества. Летом 1916 г. возглавил русскую Дунайскую флотилию. С конца 1916 г. — комендант Севастопольской крепости. Расстрелян большевиками.

⁶⁸ Великая княгиня Милица Черногорская (1866–1951) — урожденная черногорская княжна из династии Петрович-Негош, супруга великого князя Петра Николаевича. В 1919 г. вместе с семьей эмигрировала в Европу.

⁶⁹ Великая княгиня Анастасия Черногорская (1868–1935) — урожденная черногорская княжна из династии Петрович-Негош, сестра Милицы Черногорской и супруга великого князя Николая Николаевича Младшего. Имя при рождении — Стана. По мнению современников, оказывала негативное воздействие на русскую политику.

⁷⁰ Неясно, кого конкретно имел в виду автор, возможно, это Отто Рюрикович Коцебу (1860–1936) — обер-штабсмайстер двора великого князя Петра Николаевича, но он был в чине генерал-майора. Менее вероятно, что это полковник Александр Павлович Коцебу, адъютант великого князя Николая Николаевича Младшего. Скорее всего, Солнцев-Засекин забыл звание Отто Рюриковича и назвал его генерал-лейтенантом. Единственный из Коцебу, в годы Первой мировой удостоенный чина генерал-лейтенанта, — Павел Аристович (Эрнестович) Коцебу (1865–1947), в 1916 г. начальник 1-й стрелковой дивизии, во время описываемых событий был в чине генерал-майора и находился на фронте.

⁷¹ Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) — генерал-лейтенант. Проходил службу в Главном штабе. В 1917 г. занял должность начальника Главного штаба. Эмигрировал в ноябре 1920 г.

⁷² Великая княгиня Виктория Федоровна — урожденная Виктория Мелита (1876–1936), принцесса Великобританская, Ирландская и Саксен-Кобург-Готская, герцогиня Гессенская, внучка королевы Виктории. В первом браке замужем за двоюродным братом Эрнстом Людвигом Гессенским, также внуком королевы Виктории. После развода с Эрнстом в 1905 г. вышла замуж за великого князя Кирилла Владимировича, также своего двоюродного брата. Брак не был санкционирован императором Николаем II и вызвал серьезный конфликт между ним и Кириллом Владимировичем. В 1907 г. Николай II признал брак действительным, и с этого момента Виктория получила титул великой княгини и отчество Федоровна. С 1917 г. в эмиграции.

Указатель имен

- Аваш — 83–87, 101, 102
Александра Федоровна, императрица — 30, 45, 61, 135, 244
Алексеев М. В. — 25, 179, 180, 186, 241, 242
Альберт, король — 49
Анастасия Николаевна, великая княгиня — 155, 251
Архангельский А. П. — 156, 251
Бобринский В. — 119, 121, 259
Бом — 66, 68, 69, 71–73, 75, 76
Васильев А. А. — 51, 52–60, 75, 76, 78, 102, 123, 135, 200, 230, 245
Васьянов — 113, 114
Вейся — 57, 58
Веселкин М. М. — 155, 251
Веселов П. — 112, 126, 128, 129, 133, 135, 197, 201, 202, 207, 208, 219, 220, 221, 232, 233, 238
Виктория Федоровна, великая княгиня — 157, 252
Вихма — 66, 68–70, 72, 80
Гайденрайх М. — 134, 135
Груби И. — 134, 136–138
Гутковский — 111, 120–122, 126–129, 130, 133–135, 197, 198, 200, 201, 206, 208, 219, 221, 233, 238
Даниэль-бек — 102–104
Дворниченко — 79–83, 126, 135, 139, 148, 200, 230
Деникин А. И. — 25, 26, 92, 182, 192, 241, 242
Дмитрий Павлович, великий князь — 118, 249
Домносил А. — 139, 209, 210
Зелезинский — 60, 61
Иванов Н. И. — 52, 245
Калусовский — 112, 125, 129, 130, 133
Кан — 63, 64
Карл I, император — 31, 244, 250
Карольи М. — 49
Кёвесс фон Кёвессгаза Г. — 32
Керенский А. Ф. — 45, 94, 137, 171–177, 179, 180, 182, 184, 191, 239, 248, 250
Кирилл Владимирович, великий князь — 90, 118, 247, 252
Кислов А. И. — 27, 243
Клайн М. — 109–111, 115, 118, 127, 132–134, 136, 144
Колчак А. В. — 241
Колчак В. Я. — 25
Константин Константинович, великий князь — 118, 249
Корнилов Л. Г. — 7–17, 20, 23–28, 42–43, 47, 48, 50–55, 59, 60, 66, 75, 76, 78, 79, 82, 83, 86–88, 90–92, 95–114, 117, 118, 120–136, 138–146, 148–157, 160–177, 179–194,

- 198–213, 215–218, 220, 223, 225,
227–234, 236–239, 241, 248
- Корнилова Н. Л. — 25, 26, 156
- Краснов П. Н. — 90, 248
- Крюковский — 76, 82
- Кусманек фон Бургнойште-
ден Г. — 50, 100, 244, 245
- Кютль — 117, 120
- Ленин В. И. — 94, 184, 239
- Липский — 113, 129
- Лорг де — 25
- Львов В. Н. — 175–177
- Манигетти — 32, 33
- Мария Федоровна, императри-
ца — 155, 247
- Марков С. Л. — 24, 182, 185, 241
- Мартенсон — 106
- Мартынов Е. И. — 15, 16, 52, 95, 245
- Мартьянов К. — 112, 122, 125–128,
132, 133, 135, 197, 200–202,
206–208, 219, 220, 221, 232, 238
- Масленникова — 61
- Машке — 86–88, 91, 100, 105, 109
- Милица Николаевна, великая
княгиня — 155, 251
- Милюков П. Н. — 45, 94, 116,
137, 248
- Мольнар Г. — 36, 39
- Мрняк Ф. — 7, 17, 20, 26, 92, 107,
117, 118, 120–131, 133, 135,
138–150, 165, 166, 194, 223, 228,
231–234, 236–238
- Нагель Г. — 95
- Невадовский (Невоводский) Н. Д. —
25, 242
- Николай II, император — 85,
249, 252
- Николай Михайлович, великий
князь — 90
- Николай Николаевич (младший),
великий князь — 67, 89, 116,
118, 247, 251
- Палеолог Ж. М. — 120, 249
- Пенский — 82
- Потоцкий — 154, 155
- Пош — 132, 133
- Пылев — 76, 82, 103
- Родионов — 82
- Савинов — 112, 125, 127, 129, 130,
133, 135
- Селиванов А. И. — 89
- Сирокомский — 66–69, 72–76
- Суворин Б. А. — 59, 246
- Ульмер — 62–71, 76, 80, 104, 110
- Фердинанд I, царь — 118, 249
- Филиппович-Гончаренко М. Ф. —
133–135
- Фосс (Фох) — 112, 113, 125
- Франц-Иосиф I, император — 18,
19, 31, 65, 85, 135, 244
- Фридрих, эрцгерцог — 88, 90,
107, 247
- Хайме Бурбонский, герцог — 49
- Цезарский (Цесарский) Д. — 91,
92, 107, 111, 122, 125–128, 131,
133, 135, 201, 206, 208, 219–221,
232, 233, 238
- Чернавин — В. В. 95, 248
- Чирковский — 66, 68–70, 72, 73,
75, 76
- Чуниховский — 113
- Шапрон дю Ларре А. Г. — 26, 242
- Шар — 39, 136
- Шелиго-Сочинский — 115
- Шкуро А. Г. — 25, 242
- Штюрк — 134
- Щербачев Д. Г. — 7, 246
- Эльмар де Лоньяй — 49

Содержание

Грюнберг Н. П. Забытые герои забытой войны5

Солнцев-Засекин А.

Побег генерала Корнилова из австрийского плена..... 21

Приложение

Пронин В. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов 160

Человек, который спас Корнилова

Не враг, а брат..... 194

Больница для пленных в Кёсегене 195

Больничная аптека..... 196

Русский врач поляк доктор Гутковский 197

Два русских пленных..... 197

Первые вести о Корнилове 198

Ожидание Корнилова 199

Генерал Корнилов в больнице..... 201

Первое знакомство..... 201

Первые сомнения 202

План побега генерала Корнилова..... 203

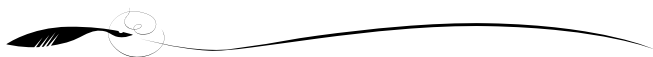
Быстрые приготовления..... 204

Последний раз в отпуск 205

Как мы совершили побег..... 206

Первая опасность 209

Вторая опасность 210

Счастливо избегнутая третья опасность.....	211
Пешком к границе.....	211
Заблудились	212
Роковое посещение	213
Катастрофа.....	214
Не выстрелил.	215
Уличен	215
Погоня за генералом Корниловым	217
В тюрьму.....	218
Судьба «изменника»	219
Защита и приговор	220
Заживо похороненный	221
Благодарность Корнилова чехам.....	223
<i>Скрылов А. И. Исторические данные к побегу генерала</i>	
<i>Л. Г. Корнилова из австро-венгерского плена</i>	<i>225</i>
Примечания.....	241
Указатель имен.....	252

Солнцев-Засекин А.

**ПОБЕГ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА
ИЗ АВСТРИЙСКОГО ПЛЕНА**

Редактор *П. П. Грюнберг*
Художественное оформление *А. П. Зарубина*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Л. Тарасова*

Издательство «Кучково поле»
Москва, 123022, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

МОО «Императорское Русское историческое общество»
Москва, 107066, ул. Старая Басманная, д. 25, стр. 5, к. 19.
Тел./факс: (499) 261 87 87; (499) 261 33 22

Подписано в печать 19.12.14. Формат 125 × 200 мм.
Усл. печ. л. 37,4. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. (1-й завод 1000 экз.) Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 988 63 87
E-mail: sales@chpk.ru
www.chpd.ru

ISBN 978-5-9950-0367-0